

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Е.В. Борисов, В.А. Ладов,
И.В. Мелик-Гайказян, Е.А. Найман,
В.А. Суровцев, Р.А. Юрьев**

**ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА**

Под общей редакцией Е.В. Борисова

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

УДК 343.8
ББК 67.99 (2) 1
П78

П78 Проблемы современной философии языка / Е.В. Борисов, В.А. Ладов, И.В. Мелик-Гайказян, Е.А. Найман, В.А. Суровцев, Р.А. Юрьев ; под общ. ред. Е.В. Борисова. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 200 с.

ISBN 978-5-94621-860-3

В монографии представлен анализ ряда проблем, обсуждаемых в современной философии языка, и основных подходов к их решению. Акцент делается на междисциплинарных проблемах, возникающих на стыке философии, лингвистики и логики.

Для специалистов в области философии языка, студентов и аспирантов философских специальностей.

УДК 343.8
ББК 67.99 (2) 1

ISBN 978-5-94621-860-3

© Борисов Е.В., Ладов В.А., Мелик-Гайказян И.В.,
Найман Е.А., Суровцев В.А., Юрьев Р.А., 2019
© Томский государственный университет, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

(Е.В. Борисов)

В монографии представлены результаты исследований коллектива авторов в области философии языка, обсуждается ряд проблем в сфере семантики естественного языка, прагматики и семиотики.

Первая глава книги посвящена трем проблемам семантики естественного языка, вызывающим оживленные дебаты в аналитической философии: проблеме определенности значений, проблеме необходимого *a posteriori* и проблеме референции сингулярных терминов.

В разделе 1.1 обсуждается контрверза двух семантических идей, предложенных С. Крипке: скептической трактовки значения, основанной на определении значения выражения через его правилосообразное употребление, и идеи жесткой десигнации, предполагающей полную определенность значений некоторых терминов (жестких десигнаторов).

В разделе 1.2 проводится разграничение между модальными понятиями необходимости и возможности и эпистемологическими понятиями *a priori* и *a posteriori* и выявляются онтологические предпосылки идеи апостериорной необходимости (С. Крипке). Устанавливаются различия основных форм эссенциализма и показывается, что класс необходимых апостериорных истин зависит от формы эссенциализма, принимаемой при интерпретации языка.

Раздел 1.3 посвящен дистинкции атрибутивного и референциального употребления определенных дескрипций и других сингулярных терминов (К. Доннелан). Выявлены неявные допущения двух главных объяснений этой дистинкции, предложенных в современной литературе, – семантического и прагматического –

и показано, что последнее является предпочтительным по критерию экономичности.

Во второй главе монографии главным предметом рассмотрения является проблема возможности индивидуального языка. Обсуждение данной проблемы в литературе связано с тематизацией коммуникативной роли языка, которая связывает его семантический и прагматический аспекты.

В разделе 2.1 обсуждается семантическая значимость проблемы следования правилу в ее радикальной постановке у Крипке. В данной постановке проблема состоит в том, что у нас есть основания сомневаться не только в адекватности нашего понимания чужой речи, но и в способности полностью осознавать те значения, которые мы сами придаем употребляемым нами выражениям. В работе эксплицирован ряд версий скептического решения проблемы и предложено прямое решение применительно к языку арифметики. Другой аспект проблемы индивидуального языка, тематизированный Л. Витгенштейном, состоит в кажущейся невозможности общественных конвенций относительно языка для ощущений, что обусловлено частным характером последних. Этот аспект проблемы обсуждается в разделе 2.2, где представлены основные подходы к ее решению и показано, что – вопреки сложившемуся консенсусу – проблема языка ощущений не сводится к проблеме следования правилу.

Третья глава книги представляет ряд проблем и идей современной прагматики; в центре внимания авторов – теория речевых актов и коммуникативное измерение языка. Глава начинается с анализа исторических предпосылок классической теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серла, показывающего, что эта теория базировалась на ряде идей, обсуждавшихся в начале XX в. не только в аналитической, но и в феноменологической философии (раздел 3.1).

В разделе 3.2 эксплицируется критика теории речевых актов со стороны лингвистических антропологов и конверсационалистов.

Показаны преимущества конверсационного анализа перед теорией речевых актов, обусловленные тем, что в коверсационном анализе речевые акты рассматриваются не сами по себе, как в теории речевых актов, но в контексте разговора.

Раздел 3.3 посвящен проблеме участников речевого события в современной прагматике: сопоставлены три основных подхода к ее решению – этнографический, социологический и социолингвистический – и показана значимость этой проблемы для современной лингвистической антропологии и прагматики.

Заключительная глава монографии представляет некоторые перспективы междисциплинарных исследований в области семиотики. Рассматривая культуру как информационную среду, в которой существуют знаковые системы, выявлены основные факторы, влияющие на формирование и функционирование знаковых систем, а также предложен проект «фундаментальной семиотики».

Современная философия языка охватывает чрезвычайно широкий спектр проблем и идей, возникших в междисциплинарном поле на границе философии, логики и лингвистики. Поэтому систематический анализ основных проблем философии языка и основных подходов к их решению представляет собой масштабную задачу, которая, безусловно, не могла быть решена в отдельной книге. Однако авторы надеются, что данная работа намечает некоторые перспективы исследований в этой области, заслуживающие обсуждения и дальнейшей разработки.

1. СЕМАНТИКА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

1.1. Жесткие десигнаторы и проблема следования правилу

(В.А. Суровцев)

Проблема следования правилу и примыкающая к ней идея недоопределенности языковых выражений связана с критикой поздним Л. Витгенштейном стандартного образа овладения языком. Этот стандартный образ в ранней аналитической философии встречается в разных формах, крайними выражениями которых являются платонизированная семантика Г. Фреге и эмпирическая теория значения Венского кружка, а медиальными модификациями – различные теории Б. Рассела, Г. Райла, Дж. Остина и др. Стандартная теория сводится к тому, что значения выражений:

- 1) первоначально усваиваются остенсивно;
- 2) закрепляются индуктивно;
- 3) правильное закрепление подтверждается внешним или публичным критерием.

Эти пункты были подвергнуты критике со стороны многих философов-аналитиков. Широко известные скептические аргументы – это, например, аргумент «Гавагай» У. Куайна, критикующий остенсию, аргумент «Зелубое» Н. Гудмена, направленный на критику индукции, аргумент «Двойник Земли» Х. Патнэма, связанный с публичными критериями и ряд других. Однако наиболее сильным в ряду подобных аргументов признается скептический аргумент С. Крипке относительно следования правилу, который не только ставит под вопрос роль в освоении значения остенсии, ин-

дукции и публичных критериев, но и приводит к радикальному сомнению в доопределенности значения в рамках индивидуального сознания¹.

С. Крипке приводит следующий пример.

Предположим, к примеру, что $'68 + 57'$ – это вычисление, которое я никогда не выполнял ранее. Поскольку, даже в уме, не говоря уже о внешне наблюдаемом поведении, я выполнил только конечное множество вычислений в прошлом, подобный пример, бесспорно, мог бы быть... Я выполняю вычисление, естественно, получая ответ $'125'$. После проверки своего действия я, вероятно, уверен, что $'125'$ – это правильный ответ. Он корректен как в арифметическом смысле, поскольку 125 есть сумма 68 и 57, так и в металингвистическом смысле, поскольку 'плюс', как я намеренно употреблял это слово в прошлом, обозначал функцию, которая, будучи применена к числам, называемым мною $'68'$ и $'57'$, дает результат 125.

Предположим теперь, что я сталкиваюсь с неким эксцентричным скептиком. Этот скептик сомневается в моей уверенности в ответе относительно того, что я только что назвал 'металингвистическим' смыслом. Возможно, он считает, что то, как я употреблял термин 'плюс' в прошлом, предполагает, что подразумеваемый мною ответ относительно $'68 + 57'$ должен был быть $'5'$! Разумеется, предположение скептика воспринимается как безумное... Но кто должен сказать, что это была за функция? В прошлом я дал только конечное число примеров, иллюстрирующих эту функцию. Все они, как мы предположили, включали числа, меньшие 57. Поэтому, вероятно, в прошлом я употреблял 'плюс' и '+' для обозначения функции, которая будет называться 'квус' и символизироваться посредством $'\oplus'$. Она определяется так:

---

¹ Суровцев В.А., Ладов В.А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск, 2008.

$x \oplus y = x + y$, если x и $y < 57$,

но

$x \oplus y = 5$ в других случаях.

Кто же должен сказать, что это не та функция, которую я ранее подразумевал под ‘+’?¹

Сомнение подобного рода основано на критике следования каким-либо правилам, определяющим применение металингвистических обозначений математических операций. Как считает Крипке, математические операции не только не усваиваются остенсивно, не закрепляются индуктивно, и нет никакого публичного критерия, который мог бы свидетельствовать в их пользу. Более того, любое применение операции может быть подвергнуто скептическому сомнению, поскольку даже в рамках собственного сознания мы не можем быть уверены, что придали операции однозначный смысл в виду недоопределенности языкового значения того знака, которым мы обозначили данную операцию. Лингвистическое обозначение математической операции фундаментально недоопределено, поскольку в нашем сознании мы не можем предусмотреть все возможные применения данной операции, а значит, в любой момент ее обозначение может приобрести иной, отличный от изначального смысл. Так, возможная замена плюса на квус или сложения на квожение имеет не математическое, но лингвистическое измерение, связанное с недоопределенностью значения того, как обозначаются эти операции.

Обратим внимание на некоторые следствия, которые вытекают из радикальной скептической позиции С. Крипке в отношении следования правилу и фундаментальной недоопределенности значений. Рассмотрим одну из математических проблем, например проблему Гольдбаха. Она заключается в предположении, что любое четное число можно представить в качестве суммы двух

---

¹ Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М., 2010. С. 21–22.

простых чисел. Эта проблема была высказана в качестве гипотезы, и уже более 250 лет математики пытаются ее доказать.

Но что получается, если мы принимаем радикальный скептицизм крипкеанской интерпретации Витгенштейна? Ситуация становится парадоксальной даже не в том отношении, что столь простая в формулировке проблема создает непреодолимые препятствия математикам. История математики много раз демонстрировала подобные ситуации. В философском отношении проблема становится гораздо тоньше. А можно ли вообще доказать эту гипотезу, поскольку становится неясным, что она вообще подразумевает? Действительно, так как операция сложения недоопределена в индивидуальном сознании, во-первых, мы не можем сказать, а действительно ли мы доказываем гипотезу Гольдбаха, ведь вполне возможно, что при доказательстве мы подразумеваем операцию квожения, и лишь до определенного момента эта операция совпадает со сложением. И значит, мы доказываем вовсе не гипотезу Гольдбаха, а лишь ее недоопределенный вариант. Во-вторых, абсолютно неизвестно, что подразумевал под данной гипотезой сам Гольдбах. Ведь, если следовать Крипке, соответствующая операция была недоопределена и в его собственном индивидуальном сознании. Значит вполне возможно, что он подразумевал не сложение, а квожение. Тогда становится непонятным, доказываем ли мы гипотезу Гольдбаха, является ли то, что мы доказываем, вообще гипотезой Гольдбаха.

Или другой пример. В 1995 г. математическое сообщество признало, что Эндрю Уайлз доказал Великую теорему Ферма. Но, если использовать тезис фундаментальной неопределенности, доказал ли Уайлз Великую теорему Ферма? Опять возникает двоякая ситуация:

1. Что подразумевал Ферма, когда формулировал свою теорему: имел ли он в виду сумму степеней двух чисел или же он имел в виду их квумму?

2. Что имел в виду Уайлз, когда доказывал данную теорему?

Очевидно, что подобные вопросы обесценивают, например, великолепные книги Апостолоса Доксиадиса и Саймона Сингха, описавших каждый в своем жанре блистательную историю данных проблем¹, поскольку, возможно, они писали вовсе не о том, что подразумевали их персонажи, и, что еще более вероятно, не о том, что подразумевали сами эти авторы. Если мы принимаем такой подход, настаивая на полной недоопределенности значения операции сложения, то математика становится совершенно невозможной.

Подобная ситуация для математики фатальна. Однако можно предположить, что данные выводы не столь уж неизбежны, если принять дополнительные условия. Например, мы можем сказать, что ни гипотеза Гольдбаха, ни Великая теорема Ферма смысла не утрачивают хотя бы потому, что операцию сложения мы полностью определяем посредством математических гипотез, принятых в виде аксиом. Так, мы считаем верной аксиоматику Дж. Пеано, и это задает смысл данных утверждений, для которых посредством этой аксиоматики операция сложения задана однозначно. Тогда математические высказывания превращаются в условные высказывания определенного вида, а именно: «Если принимается то-то и то-то, то доказуемо то-то и то-то». Антецедент этих утверждений будет иметь достаточно сложный вид, поскольку в качестве такого будет приниматься некоторая аксиоматическая система. В общем случае подобное условное утверждение можно сформулировать следующим образом: «Если операция сложения задана аксиомами Пеано, тогда гипотеза Гольдбаха имеет математический смысл, Великая теорема Ферма доказана и т.д.».

Такой подход позволяет обратиться к другой идее С. Крипке, а именно к теории жестких десигнаторов. Выражения, называемые Крипке жесткими десигнаторами, выполняют функцию кросиден-

---

¹ Доксиадис А. Дядя Петрос и проблема Гольдбаха. М., 2002; Сингх С. Великая теорема Ферма. М., 2000.

тификации объектов в системе возможных миров и противопоставляются описаниям (нежестким десигнаторам), которые могут иметь разные значения в различных возможных мирах. Так, например, описательное выражение ‘изобретатель бифокальных очков’ не является жестким десигнатором, поскольку, хотя в действительном мире им был Бенджамин Франклин, Крипке утверждает следующее:

«Нетрудно себе представить, что мир мог бы быть и не таким, какой он есть, и что при других обстоятельствах это изобретение сделал бы кто-то другой... Значит, выражение ‘изобретатель бифокальных очков’ является нежестким десигнатором, и понимать это следует в том смысле, что при одних обстоятельствах изобретателем таких линз мог бы быть один человек, а при других обстоятельствах им мог бы быть другой человек»¹.

Но имя ‘Бенджамин Франклин’ является жестким десигнатором, поскольку, если бы даже Бенджамин Франклин в одном из возможных миров не изобрел бифокальные очки, он все равно оставался бы Бенджамином Франклином. Крипке пишет:

«Что я имею в виду под ‘жестким десигнатором’? Я имею в виду термин, который обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах»².

Возможный мир Крипке понимает как контрфактическую ситуацию. И различие между жесткими и нежесткими десигнаторами наиболее отчетливо проявляется при описании таких контрфактических ситуаций, что дает простой интуитивный способ их различения:

«Когда мы говорим о контрфактической ситуации, в которой, по нашему предположению, Никсон поступил бы по-другому, мы все же считаем, что мы говорим о Никсоне. Мы говорим: “Если

---

¹ Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). С. 351.

² Там же.

бы Никсон дал взятку определённом сенатору, он смог бы добиться назначения Карсвелла», – и считаем, что мы относим имена Никсон и Карсвелл к тем же людям, к которым они относятся в действительном мире. И кроме того, мы, по-видимому, не можем сказать: «Никсон мог бы быть другим человеком, а не тем, кто он есть на самом деле...» Никсон не мог бы быть в буквальном смысле слова другим человеком, не тем, кто он есть на самом деле, а вот тридцать седьмым президентом США мог бы быть и Хэмфри. Значит, выражение ‘тридцать седьмой президент’ – это нежесткий десигнатор, а ‘Никсон’, – по-видимому, жесткий десигнатор»¹.

При этом подразумевается, что при описании различных контрфактических ситуаций (возможных миров) выражения используются в одном и том же смысле, т.е. если для описания действительного мира используется русский язык, то и для описания контрфактических ситуаций используется тот же самый язык, а не похожий на него фонетически или грамматически. Так, выражение ‘тридцать седьмой президент’ во всех случаях должно подразумевать тридцать седьмого президента, а, например, не изобретателя бифокальных очков. Кроме того, предполагается, что объект жесткого десигнатора необязательно должен существовать во всех возможных мирах, поскольку, например, вполне мыслима контрфактическая ситуация, в которой Никсон бы не существовал.

Описание контрфактической ситуации в виде условного высказывания позволяет вернуться к указанной выше проблеме. Действительно, если при описании того, как функционируют математические операции, чтобы придать им смысл, мы используем выражения вроде: «Если операция сложения задана аксиомами Пеано, тогда гипотеза Гольдбаха имеет математический смысл, Великая теорема Ферма доказана и т.д.», – тогда вполне мыслима и контрфактическая ситуация, в которой используется операция,

---

¹ Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). С. 357.

отличная от сложения. Представленную Крипке скептическую ситуацию в виде коллизии сложения и квожения можно в подобном случае интерпретировать в виде коллизии условных высказываний, одно из которых описывает контрфактическую ситуацию, а именно: «Если под ‘+’ подразумевается сложение, то $58 + 65 = 125$ », «Если под ‘+’ подразумевается квожение, то $58 + 65 = 5$ ». Тогда вполне возможен вопрос: является ли ‘+’ жестким десигнатором? Конечно, может возникнуть возражение, что десигнация математических объектов может быть принципиально иной в силу их интеллигибельного характера. Однако Крипке не дает физическим объектам какого-то привегилерованного положения, поскольку считает, что математические объекты также могут обозначаться жесткими десигнаторами. В частности, он пишет:

«Независимо от эмпирических фактов мы можем арифметически доказать, что квадратный корень из 25 – это на самом деле число 5, а поскольку мы это доказали математически, то доказанное нами является необходимым. Если числа вообще можно считать сущностями – давайте, по крайней мере для целей нашей лекции, предположим, что это так, – тогда выражение ‘квадратный корень из 25’ необходимо обозначает определенное число, а именно 5. Такое выражение я называю жестким десигнатором»¹.

Можно также добавить, что определение понятия числа в стиле Фреге–Рассела в конечном счете сводит числа к физическим объектам². Кроме того, эта цитата из Крипке снимает и другой вопрос, касающийся различия жесткой десигнации и описания. Приведенные выше примеры относительно Франклина и Никсона свидетельствуют о том, что жесткая десигнация связывается прежде всего с собственными именами. Но в приведенных выше условных высказываниях математическая операция задается в antecedente

---

¹ Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). С. 351.

² Рассел Б. Введение в математическую философию. Новосибирск, 2007.

через описание с помощью аксиом. Можно ли тогда приписать жесткую десигнацию не только собственным именам, но и описаниям? Являются ли математические выражения жесткими десигнаторами? Ведь жесткий десигнатор – это прежде всего имя, тогда как в заданном контрфактическом высказывании они фигурируют, скорее, как дескрипции, поскольку для их определения используется совокупность аксиом. Здесь нет каузальной референции к объекту, что является отличительной чертой жестких десигнаторов, а имеет место описание. Но, оказывается, с точки зрения Крипке, как показывает эта цитата, – можно.

Еще одно возражение связано с тем, что ‘+’ относится не к сабсистентным предметам, а к операциям. Может ли обозначение операции являться жестким десигнатором? Здесь опять обратимся к Крипке. Он считает, что жесткими десигнаторами могут выступать обозначения абстрактных объектов. Например, ‘красное’ является жестким десигнатором, поскольку красный цвет, согласно принимаемым им условиям, остается одним и тем же во всех возможных мирах¹. Но если обозначения универсалий, для которых в конечном счете используются предметно-истинностные функции, считаются жесткими десигнаторами, почему бы не считать жесткими десигнаторами и обозначения предметно-предметных функций, каковыми являются математические операции. И Крипке дает для этого основание. Так, например, он пишет:

«Мы можем сказать, что изобретателем бифокальных очков мог бы быть кто-нибудь другой, а не тот человек, который *в действительности* изобрел такие очки. Однако мы не можем сказать, что квадратным корнем из 81 могло бы быть другое число, а не 9, как в действительности, так как иным это число быть не может»².

---

¹ Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). С. 356.

² Там же.

Таким образом, описание ‘квадратный корень из 81’, с точки зрения Крипке, является жестким десигнатором, и этот десигнатор указывает на единственное число. Но если данный десигнатор, являясь жестким, указывает на единственное число, то и операции, с помощью которых он построен, также должны быть таковыми. Действительно, если бы операция извлечения корня каждый раз давала различные результаты, то и объект, на который указывает данное описание, каждый раз был бы другим. Таким образом, описание операции, с помощью которой строится определенное число, также должно быть жестким десигнатором. И это касается не только операции извлечения корня, но и любой другой операции. Таким образом, ‘+’ должен быть жестким десигнатором.

Что отсюда вытекает? Если ‘+’ является жестким десигнатором, то здесь должна срабатывать та же ситуация, что и с Никсоном. В контрфактической ситуации Никсон может давать или не давать взятки, но он не может быть Никсоном. То же самое должно относиться к ‘+’. Если в действительности мы определяем ‘+’ с помощью аксиоматики Пеано и при этом ‘+’ является жестким десигнатором, то в любой контрфактической ситуации он должен оставаться тем, что он есть, т.е. обозначать операцию сложения, а не квожения или какую-то другую. Операции, если они обозначаются жесткими десигнаторами, должны быть однозначно определены, и однозначно определены в том смысле, что определение любой операции, выходящий за рамки аксиоматики Пеано, будет определять не плюс, но какую-то другую операцию.

Таким образом, Крипке как скептик не согласуется с Крипке как сторонником жесткой десигнации. Если мы выбираем одну из теорий, то следует отказаться от другой. Однако здесь есть одно возражение, которое касается определения самих жестких десигнаторов. Действительно с точки зрения приведенной выше аргументации ‘+’ является жестким десигнатором. Но являются ли жесткие десигнаторы полностью доопределенными? Ведь если следовать аргументации Крипке-скептики, то и сами аксиомы тре-

буют доопределения значения входящих в них математических терминов. В этом случае даже жесткая десигнация не может гарантировать полной определенности, и скептическая проблема так и остается нерешенной.

Здесь работает аргумент, высказанный М. Кушем относительно собственных имен¹. Собственные имена действительно являются жесткими десигнаторами, но жесткий десигнатор не обязательно должен быть полностью доопределен. Каузальная теория значения не может однозначно предполагать (вернее, не может задать однозначный критерий), что наречение именем какого-то объекта гарантирует, что во всех последующих ситуациях это имя будет применяться именно к этому объекту. Ведь вполне возможно, что имя 'Ричард Никсон', применяющееся неопределенное число раз к определенному объекту, на некотором этапе начинает обозначать Бенджамина Франклина.

Подобные аргументы применимы и к обозначению математических операций. Действительно, смысл математической операции задается совокупностью аксиом, но насколько полностью определены сами аксиомы? В данном случае полностью определенным оказывается только сам скепсис. Однако если не принимать эту крайнюю позицию, то основной вопрос относительно скептического аргумента Крипке касается доопределенности жестких десигнаторов. Если мы принимаем, что математические операции полностью доопределены системой аксиом², то скептический аргумент должен блокироваться теорией жестких десигнаторов. В противном случае прав Крипке-скептик, и найти прямое решение сформулированного им скептического аргумента крайне затруднительно.

---

¹ Kusch M. A Sceptical Guide to Meaning and Rule: Defending Kripke's Wittgenstein. Montreal, 2006. С. 133–136.

² Аргументированное положительное решение см.: Борисов Е.В. Проблема Крипке и ее прямое решение // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 4 (12). С. 5–14.

1.2. Необходимое *a posteriori*, контрфактические фантазии и формы эссенциализма (В.А. Суровцев)

В статье «Тожество и необходимость»¹ С. Крипке ставит вопрос о возможности истин, необходимых *a posteriori*. Положительное решение данного вопроса он связывает с тем, что нужно проводить различие между разными категориями истины, которое обычно игнорируется. Так, зачастую уравниваются необходимые истины и априорные истины, и здесь, по-видимому, чувствуется влияние И. Канта, несмотря на многочисленную критику его взглядов со стороны философов-аналитиков. Однако потребность различать необходимое и априорное Крипке находит в тех характеристиках, которые обычно связываются с данными категориями и с теми категориями, которые рассматриваются как их противоположность. Так, характеризуя утверждение как необходимую истину, мы имеем в виду, что данное утверждение истинно, и при этом оно не может не быть истинным. С другой стороны, хотя случайно истинное утверждение говорит о том, что есть, на самом деле все могло бы быть иначе. То есть случайно истинные утверждения истинны в нашем действительном мире, но могли бы быть ложным в каком-то из возможных миров, тогда как то, что истинно необходимо, истинно во всех возможных мирах, включая действительный.

Совершенно иные характеристики относятся к априорным и апостериорным истинам. Под априорной истиной обычно понимается то, что известно независимо от нашего опыта, в отличие от апостериорных истин, которые получены как раз из него. То есть здесь важно не то, как характеризуются действительный и возможные миры, но то, каким образом нам это стало известно. Ха-

---

¹ Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). С. 340–376.

характеристика способов нашего познания (т.е. эпистемологическая характеристика), очевидно, отличается от характеристики того, что мы знаем как истинное или ложное в тех или иных возможных мирах. Стало быть, вывод из априорности истины ее необходимости требует доказательства, поскольку, даже если она стала известна нам до опыта, доказательство ее необходимости для всех миров все равно требует какого-то обоснования, и наоборот.

Таким образом, Крипке разводит понятия необходимости и случайности, с одной стороны, и понятия априорности и апостериорности – с другой, соотнося их с различными областями философии. В частности, относительно понятий необходимости и априорности он пишет:

«С самого начала очевидно одно: эти два понятия ни в коем случае не являются тривиально тождественными. Если они равнообъемные, то это можно установить только путем философских доказательств. Они относятся к разным областям философии. Одно из них имеет отношение к *познанию*: что можно узнать о действительном мире и какими путями? Второе имеет отношение к *метафизике*: каким *мог бы* быть мир, мог ли он в чем-либо быть не таким, каким он нам дан? Для меня неоспоримо, что ни один из этих двух классов утверждений не содержится в другом»¹.

Подобное различие, в принципе, не вызывает возражений. Действительно, вопросы: «Знать что?» и «Знать как?», – это разные вопросы. По-видимому, должны быть различны и ответы на них. Но вот примеры, используемые в качестве ответов, как раз и приводят к ряду проблем, которые не так-то просто решить.

Один из примеров Крипке касается основной проблемы эссенциализма, а именно проблемы того, какие свойства объекта считать сущностными, т.е. какие свойства должны иметься у объекта,

---

¹ Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). С. 358.

чтобы он вообще существовал, а при отсутствии их перестал бы быть данным объектом¹.

Крипке утверждает, что понятие сущностного свойства обосновано, только если различаются понятия необходимой и априорной истины:

«Если то, что утверждают эссенциалисты, верно, то оно может быть верным только при условии, что мы проводим четкое различие между понятиями априорной и апостериорной истин, с одной стороны, и необходимой и случайной истин – с другой»².

Это связано с тем, каким образом устанавливается тот факт, что некоторое свойство для данного объекта является существенным, поскольку, по мнению Крипке, хотя эссенциалистское утверждение о присущности объекту некоторого свойства является необходимым, его необходимость устанавливается *a posteriori*.

В общем виде аргументация эссенциалистов реконструируется у Крипке следующим образом:

1. Пусть P – утверждение о наличии у объекта некоторого свойства.

2. На основании априорных философских рассуждений обосновывается импликация вида $P \supset \Box P$ (т.е. если P , то необходимо, что P).

3. На основании эмпирического исследования устанавливается истинность антецедента условного высказывания (т.е. истинность P).

4. На основании правила вывода *modus ponens* (в данном случае $P \supset \Box P$, $P \vdash \Box P$) делается заключение о необходимости P (т.е. $\Box P$).

Здесь заключение о необходимости утверждения относительно присущности объекту некоторого свойства является апостериор-

---

¹ Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). С. 360.

² Там же. С. 361.

ным, поскольку, несмотря на априорность первой условной посылки, истинность второй посылки устанавливается *a posteriori*.

Крипке приводит пример со столом, сущностным свойством которого, возможно, является то, что он сделан из дерева, а не из льда, и утверждает, что если стол сделан не из льда, то утверждение, что он сделан не из льда, хотя и устанавливается *a posteriori*, является необходимой истиной. В частности, он пишет:

«Утверждение, что этот стол, если он вообще существует, сделан не из льда, хотя и является необходимой истиной, безусловно, не является чем-то известным нам *a priori*. Мы знаем прежде всего, что столы не делаются из льда, обычно они делаются из дерева. Этот предмет похож на деревянный. На ощупь он не холодный, каким он, вероятно был бы, если бы был сделан из льда. Отсюда я заключаю, что, вероятно, он сделан не из льда. Все мое рассуждение является апостериорным. Надо мной могли бы ловко подшутить и подставить мне стол, на самом деле сделанный из льда, но я говорю не об этом, я хочу сказать, что при условии, что он на самом деле сделан не из льда, а из дерева, невозможно себе представить, что при определенных обстоятельствах он мог бы быть сделан из льда. Итак, приходится констатировать, что, хотя мы не можем знать *a priori*, из чего этот стол – из льда или не из льда, но при условии, что он сделан не из льда, он *необходимо* сделан не из льда»¹.

Аргументация в этом пассаже соответствует представленной выше реконструкции. Действительно, на основании эмпирического исследования устанавливается, что стол сделан не из льда, и делается вывод о необходимости утверждения, что он сделан не из льда. Но в данном случае более интересно априорное философское рассуждение, обосновывающее импликацию вида $P \supset \Box P$, представленное в цитате фразой «при условии, что он на самом деле

---

¹ Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). С. 361.

сделан не из льда, а из дерева, невозможно себе представить, что при определенных обстоятельствах он мог бы быть сделан из льда». Относительно этой фразы основным является вопрос о том, что возможно, а что невозможно себе представить.

Априорное философское рассуждение, обосновывающее импликацию вида $P \supset \Box P$, базируется у Крипке на идее трансмирового тождества объектов в системе возможных миров. При этом возможный мир понимается как контрфактическая ситуация, представляемая в качестве некоторой фантазии относительно действительного положения дел. Своеобразие концепции Крипке заключается в том, что он ограничивает возможности контрфактических фантазий до варьирования определенных свойств объектов, при котором не должна нарушаться их тождественность. Это означает, что, конструируя возможные миры с совокупностью положений дел, отличающихся от положений дел мира действительного, совершенно не нужно производить идентификацию объектов для того, чтобы сравнить различие возможной и действительной ситуации. Это было бы необходимо только в том случае, когда при конструировании возможных миров допускается варьирование объектов, и необходимо устанавливать, о том же самом объекте идет речь или о каком-то другом, скажем, о его дубликате или копии.

Так, допустим, фактической ситуации, обозначим ее Σ , где объект x обладает свойством P , соответствует контрфактическая ситуация Σ_1 , где рассматривается свойство P_1 , при этом для сравнения Σ и Σ_1 не требуется установления того, идет ли речь об одном и том же объекте, объект x и в Σ , и в Σ_1 является одним и тем же объектом. В данном случае возможные миры рассматриваются не как то, что рядоположено миру действительному и требует внешнего сравнения, но как то, что имеет смысл только по отношению к миру действительному, поскольку любая контрфактическая ситуация является фантазией на тему мира действительного. Таким образом, трансмировое тождество является у Крипке условием

контрфактических фантазий, т.е. условием того, что можно себе представить, а что – нет.

Вернёмся теперь к примеру со столом. Крипке утверждает:

«Если предположить, что стол на самом деле деревянный, возможно ли такое, что с самого начала своего существования этот самый стол был сделан из льда, скажем, из замерзшей воды Темзы? Это как-то слишком резко противоречит нашей интуиции, хотя мы понимаем, что можно было и в самом деле сделать стол из воды Темзы, заморозив ее, и поставить его как раз на то место, где стоит этот предмет. Если бы это произошло, то сделанный таким образом объект, конечно, был бы *другим* объектом. Это был бы не *этот самый стол*, и, значит, никак бы не получилось, что этот самый стол сделан из льда»¹.

Что здесь важно? Во-первых, то, что этот стол сделан из дерева, а не из льда, принимается в качестве фактического условия. Во-вторых, утверждается, что контрфактические фантазии относительно материала стола недопустимы, поскольку это разрушало бы трансмировое тождество предмета, а значит, принимаемое в качестве условия утверждение о том, что стол сделан не из льда, является необходимым. Таким образом, данное рассуждение как раз и является тем априорным философским обоснованием указанной выше посылки $P \supset \Box P$. В общем случае можно сказать, что при некотором принимаемом условии относительно фактических свойств объекта необходимое утверждение об их наличии будет связано именно с теми свойствами, которые обеспечивают трансмировое тождество объекта. Разумеется, не всякое свойство является существенным, поскольку трансмировое тождество допускает вариацию в контрфактической фантазии контингентных свойств. Для стола таким свойством является, например, то, что он находится в данной комнате. Мы можем

---

¹ Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). С. 359.

представить его в другой комнате, но он все равно был бы сделан не из льда.

Подобный подход к существенным свойствам и трансмировому тождеству вызывает ряд вопросов. Один из них касается ограничений, связанных с допустимыми контрфактическими фантазиями. Как верно замечает Е. Борисов, интуитивное понимание контрфактической ситуации вполне совместимо с релятивизацией существенных свойств¹. Как бы там ни было, фантазия в обычном представлении может охватывать все возможные миры, даже если она выражена в виде контрфактического высказывания относительно действительного мира, а не только какие-то выделенные миры. В фантазии мы вполне можем варьировать сорт дерева, размышляя о том, что этот стол явно выиграл бы, если бы был сделан из ясеня, а не из дуба. Да и лиса из известной сказки после того, как растаяла её ледяная избушка, вполне могла бы посетовать: «Вот если бы моя избушка была лубяная, то...»

Представляется, что Крипке, со своей стороны, мог бы ответить на данное возражение. В конце концов он доказывает не то, что необходимым является утверждение о деревянности стола, но что необходимым утверждением является то, что он сделан не из льда, а в этом случае неважно, какой сорт дерева использовался при его изготовлении. Да и сорт дерева можно уточнить, вместе с тем уточняя, какое существенное свойство обеспечивает трансмировое тождество и какие контрфактические фантазии допустимы.

Поставим вопрос по-другому. На каком основании выделяются контингентные свойства? Может ли изменение контингентных свойств приводить к нарушению трансмирового тождества, или в этом случае они должны переходить в разряд существенных?

---

¹ Борисов Е.В. Почему десигнация не может быть слишком жесткой // Именование, необходимость и современная философия : материалы науч. конф., посвященной 40-летию статьи С. Крипке «Тождество и необходимость». М., 2011.

Вернемся, например, к контингентному свойству стола, касающемуся его местоположения. Можно, например, представить ситуацию, в которой стол перестал бы быть *этим* столом, если бы он находился в другой комнате. Допустим, что конструкция данного стола удерживается исключительно некоторым полем, о котором нам ничего не известно, но которое по каким-то причинам есть только в этой комнате. В силу того, что нам ничего не известно о поле, единство стола мы связываем только с этим местом. Тогда этот стол в другой комнате уже не был бы *этим столом* и, стало быть, его пространственное положение должно быть отнесено к существенным свойствам, обеспечивающим трансмировое тождество. Полагаю, что подобные ситуации могут быть сконструированы и для других свойств стола, которые считаются контингентными.

В своем примере Крипке относит к существенным материальное свойство стола, утверждение о котором является необходимой истиной. Но как быть с формой? Допустима ли, например, фантазия такого рода, где материал был бы тот же самый, а форма объекта другой? Когда я говорю: «Если бы из этого дерева был сделан стул, то...» – остается ли этот объект тем же самым объектом, обеспечивает ли здесь дерево трансмировое тождество? С утвердительным ответом на этот вопрос достаточно трудно согласиться. Гораздо проще согласиться с тем, что трансмировое тождество должно обеспечиваться формой объекта.

Рассмотрим другой пример Крипке, который он использует как в статье «Тождество и необходимость», так и в монографии «Именование и необходимость». В последней, рассматривая пример с Никсоном, он пишет:

«Полагая, что в действительности Никсон является человеком, мы едва ли сможем помыслить контрфактическую ситуацию, в которой он был бы, скажем, неодушевленным предметом; наверное, для него было бы невозможно даже не быть человеком. Тогда было бы необходимым фактом, что во всех возможных мирах, где

Никсон существует, он является человеком или, во всяком случае, не является неодушевленным предметом»¹.

Здесь опять-таки трансмировое тождество предмета задается через существенное свойство, которое запрещено варьировать в контрфактической фантазии. В качестве такового выступает видовой признак 'быть человеком'. В отличие от предыдущего примера упор делается как раз на форме. Но как быть с возможностью контрфактических фантазий, касающихся материи? Имеет ли право на существование контрфактическая фантазия, в которой материей Никсона был бы лед? И этот вопрос не так уж абсурден, если, к примеру, вспомнить Снегурочку.

Другой вопрос затрагивает возможность вариации признаков, субординированных признаку 'быть человеком'. Возможны ли контрфактические фантазии вроде: «Если бы Никсон был афроамериканцем, то...» или «Если бы Никсон был женщиной, то...»? Данные фантазии не затрагивают видовой отличительный признак 'быть человеком', который в примере Крипке выполняет роль условия, без которого трансмировое тождество невозможно. Никто не сомневается в том, что женщины и афроамериканцы не являются неодушевленными предметами. Впрочем, материя в этом случае, видимо, также была бы другой. Еще более интересен вопрос о возможности такой контрфактической фантазии, где варьируют и форма, и материя. К примеру, мы можем сказать: «Если бы Никсон был Мэрилин Монро, то...»

Все эти вариации на тему возможных контрфактических фантазий затрагивают важный вопрос о том, какие свойства объектов считать существенными, т.е. какие именно свойства определяют трансмировое тождество. Нетрудно заметить, что ответ на этот вопрос связан с принимаемой формой эссенциализма. Уже Аристотель отмечал, что под сущностью как подлежащим контингентных свойств могут пониматься и понимались материя, форма и то,

---

¹ Kripke S. Naming and Necessity. Oxford, 1980. P. 46.

что состоит из того и другого, т.е. вещь. Значит, деление свойств на существенные, обеспечивающие трансмировое тождество, и контингентные, варьируемые в контрфактической фантазии, условно и зависит от принимаемой формы эссенциализма. Если мы принимаем материальный эссенциализм, то вполне допустима контрфактическая фантазия, где из данного дерева был бы сделан не стол, а стул, хотя в любом случае он не мог бы быть сделан из льда. Отметим, однако, что и сам материальный эссенциализм может пониматься по-разному. Непосредственный субстрат, из которого сделан стол, есть лишь одно из возможных пониманий материала. Согласно, например, Аристотелю, материал, представляющий собой бытие в возможности чего-то формально определенного, сам является некоторой вещью, а значит, также состоит из чего-то и является чем-то. Так, дерево как возможность стола само состоит из какого-то материала, например, если вернуться к античной традиции, из одного из четырех элементов, или, если воспользоваться современными представлениями, из совокупности элементарных частиц. Эту редукцию можно продолжить вплоть до материи как абсолютной лишенности формы, неопределенного нечего, или, в терминологии Аристотеля, не-сущего¹. В этом случае вместе с разновидностями материального эссенциализма, относящегося к различным уровням понимания материала, будут изменяться и допустимые контрфактические фантазии. Так, если под материалом, из которого сделан стол, понимать элементарные частицы, то почему бы не допустить и контрфактическую фантазию, где *этот стол* сделан из льда.

Аналогичные соображения касаются формального эссенциализма. Если существенным признаком объекта является его видо-

---

¹ Горан В.П. Дуалистический фундамент онтологии и тенденции иррационализма в философии Аристотеля: (1) Понятие материи // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2011. Т. 9, вып. 2. С. 117–124.

вая принадлежность, то почему бы не допустить варьирование материала, из которого он сделан. Укажем также, что и формальный эссенциализм может допускать различные разновидности. Достаточно вспомнить принятое в традиционной логике деление общих идей на родовые, видовые, собственные, сопутствующие и т.п.¹ Варьирование собственных признаков в качестве условия трансмирового тождества вполне может привести к допустимости таких контрфактических фантазий, где Никсон мог бы быть и афроамериканцем, и женщиной, и тем и другим одновременно.

По-видимому, наименьшую возможность для различных контрфактических фантазий представляет реистический эссенциализм, где под сущностью понимается то, что состоит как из материи, так и из формы. В этом случае контрфактические фантазии будут ограничены совокупностью привходящих свойств, как их понимал Аристотель в соответствии со своей системой категорий. Контрфактические фантазии относительно Никсона с этой точки зрения могут допускать многое, но не то, что он мог бы быть Мэрилин Монро. Таким образом, варьированием форм эссенциализма в контрфактической фантазии можно допустить все что угодно, но не все что попало.

Вернемся теперь к необходимому *a posteriori*. Как мы попытались показать, априорное обоснование условного утверждения вида $P \supset \Box P$ содержит существенную отсылку к форме принимаемого эссенциализма. Другими словами, форма принимаемого эссенциализма является допущением, от которого не позволяют избавиться ни *modus ponens*, ни тем более способ обоснования второй посылки. Поэтому и утверждение $\Box P$, которому приписывается статус необходимой апостериорной истины, зависит от этого допущения. Это существенно отличает статус подобных утверждений от статуса утверждений, необходимых *a priori*, которые не зависят ни от каких дополнительных допущений.

---

¹ Арно А., Николь П. Логика или искусство мыслить. М., 1991.

Вывод: возможно, подобные допущения для необходимого *a posteriori* есть условие *sine qua non*, а следовательно, необходимые апостериорные утверждения не есть прямой аналог необходимых априорных утверждений, связанный с эпистемологическим, а не метафизическим подходом к истине.

1.3. Проблема референциального употребления сингулярных терминов в аналитической философии (*Е.В. Борисов*)

В 1966 г. в своей классической статье «Reference and Definite Descriptions» К. Доннелан провел различие между атрибутивным и референциальным употреблением определенных дескрипций¹. Это различие стало предметом интенсивных дебатов в философии языка и породило обширную литературу. При этом обнаружилось, что различие референциального и атрибутивного употребления, которое Доннелан тематизировал применительно к определенным дескрипциям, применимо и к другим сингулярным терминам – неопределенным дескрипциям, индексикальным выражениям и собственным именам. Таким образом, проблема, возникшая в семантике определенных дескрипций, стала проблемой для семантики сингулярных терминов в целом.

Один из наиболее дискуссионных пунктов данной проблемы – контроверза семантического и прагматического объяснения специфики референциального употребления. Этот пункт является предметом рассмотрения в данном разделе. Цель раздела состоит не в том, чтобы дать решение указанной контроверзы; здесь только сопоставляются указанные подходы по основанию экономичности, т.е. количества принимаемых допущений. Выдвигаемый здесь тезис, который в силу краткости изложения может иметь только

---

¹ Donnellan K.S. Reference and Definite Descriptions // The Philosophical Review. 1966. Vol. 75, № 3. P. 281–304.

характер гипотезы, состоит в том, что семантический подход базируется на допущениях, которых прагматический подход избегает, поэтому – при прочих равных условиях – прагматический подход методологически предпочтителен.

Рассмотрение проблемы ведется на примере определенных дескрипций, но его результат может быть экстраполирован на семантику сингулярных терминов других видов. Ниже я описываю феномен референциальности применительно к определенным дескрипциям, затем определяю специфику прагматического и семантического объяснений данного феномена и показываю допущения семантического подхода на примере теорий Г. Ветстейна и Д. Каплана – Ж. Марти.

1. Феноменальная специфика референциального употребления определенных дескрипций. В упомянутой выше работе Доннелан различает два способа употребления определенных дескрипций в речевых актах: атрибутивный и референциальный. При этом он делает следующие допущения: 1) семантика определенных дескрипций при атрибутивном употреблении адекватно описана теорией Рассела¹; 2) феноменальная специфика референциального употребления делает возможными альтернативные семантические объяснения и, таким образом, если не опровергает теорию Рассела, то ставит ее под вопрос². Эти допущения стали (почти) общепри-

---

¹ Russell B. On Denoting // *Mind*. New Series. 1905. Vol. 14, № 56. P. 479–493. Расселова семантика определенных дескрипций состоит в том, что предложение вида «The *F* is *P*» выражают следующую пропозицию: существует ровно один *F*, и этот объект является *P*. Таким образом, в семантике Рассела определенные дескрипции не являются самостоятельными сингулярными терминами: при анализе они заменяются конструкциями, содержащими только кванторы и предикаты.

² Систематические исследования референциального употребления определенных дескрипций были инициированы Доннеланом, однако некоторые аспекты данной темы тематизировались и ранее; см., напр.: Linsky L. Reference and Referents // *Philosophy and Ordinary Language* / Ch.E. Caton (ed.). Urbana ; Chicago ; London, 1963. P. 74–89.

нятыми в современной литературе, в которой обсуждается специфика референциального употребления дескрипций в смысле Доннелана. Относительно первого допущения следует отметить, что в современной лингвистике и философии языка достаточно распространена теория, отвергающая расселову трактовку атрибутивного употребления определенных дескрипций – это пресуппозиционная теория, восходящая к Стросону¹, она остается за рамками рассмотрения проблемы в данной монографии². Таким образом, ниже первое из указанных допущений принимается, и специфика референциального употребления определенных дескрипций рассматривается в сопоставлении с атрибутивным употреблением, которое, в свою очередь, понимается в расселовском смысле.

Рассмотрим феноменальные данные, иллюстрирующие специфику референциальности применительно к определенным дескрипциям. Вот один из многочисленных примеров, которыми Доннелан иллюстрирует дистинкцию атрибутивного и референциального употребления определенных дескрипций³.

Вообразим две игры в дескрипции:

1) в одном случае я выбираю в комнате объект и даю ему индивидуализирующее (соответствующее только этому объекту) описание, по которому другие участники игры должны его найти, т.е. понять, какой объект я имею в виду;

2) во втором случае я – не имея в виду какого-либо конкретного объекта – сочиняю дескрипцию, а другие участники игры должны найти в комнате (или, допустим, в мире) соответствующий ей объект.

---

¹ Strawson P.F. On Referring // *Mind*. New Series. 1950. Vol. 59, № 235. P. 320–344.

² Обзор контроверзы подходов Рассела и Стросона к определенным дескрипциям см.: Ramachandran M. Descriptions and Presuppositions: Strawson vs Russell // *South African Journal of Philosophy*. 2008. Vol. 27, № 3. P. 64–79.

³ Donnellan K.S. Putting Humpty Dumpty Together Again // *The Philosophical Review*. 1968. Vol. 77, № 2. P. 214.

Игра первого вида иллюстрирует референциальное употребление дескрипций, игра второго вида – атрибутивное, поэтому я буду называть эти игры референциальной и атрибутивной.

Главное различие между данными способами использования дескрипций таково. При референциальном употреблении дескрипции объект, который агент описывает, дан агенту независимым от описания образом; при атрибутивном употреблении объект дан только посредством дескрипции. Например, в игре первого вида я вижу книгу, лежащую на столе, и даю ей дескрипцию «книга, лежащая на столе»: этом случае визуальная данность объекта предшествует составлению дескрипции; я сочиняю дескрипцию для того, чтобы указать партнерам по игре на объект, который я идентифицирую независимым образом – посредством визуального восприятия. Соответственно, для указания на этот объект я мог бы использовать и любую иную индивидуализирующую дескрипцию («самая толстая книга в этой комнате», «предмет, находящийся между настольной лампой и чашкой с чаем» и т.п.): выбор конкретной дескрипции оказывается в значительной мере случайным. При атрибутивном же употреблении дескрипции предмет дан агенту *только* как соответствующий ей объект, т.е. не дан никаким иным образом. В первом случае я сначала идентифицировал объект визуально и лишь затем дал партнерам дескрипцию для того, чтобы они нашли *именно этот* объект; во втором случае я не знаю, каким окажется объект, соответствующий выдуманной мною дескрипции (если таковой существует). В игре второго типа я мог бы сочинить дескрипцию «младенец, родившийся первым в 2014»¹. При определенных эпистемологических допущениях (возможность точной фиксации момента рождения и т.п.) ей соответствует строго один

---

¹ Модифицированный пример Д. Каплана: Kaplan D. Demonstratives. An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals // Themes from Kaplan / J. Almog, J. Perry, H. Wettstein (eds.). Oxford, 1989. P. 560.

индивид, но я не могу идентифицировать его каким-либо альтернативным способом: его единственный известный мне идентифицирующий признак содержится в данной дескрипции.

Эту дистинкцию удачно иллюстрируют два сказочных способа поиска невесты: способы, использованные принцем в «Золушке» и Иваном-Царевичем в «Царевне Лягушке».

1. Принц дал своим посыльным дескрипцию «девушка, которой придется в пору (вот эта) хрустальная туфелька», чтобы они нашли Золушку – девушку, с которой он уже был знаком. Соответственно, он мог использовать и какую-либо иную дескрипцию («красавица, с которой я танцевал на таком-то балу», «дама, поразившая всех своей красотой и обходительностью на таком-то балу» и т.п.). Словом, принц уже знал, кого ищет, и если бы ему привезли не Золушку (допустим, хрустальная туфелька пришлась бы впору другой девушке), он сказал бы: «Это не она!» Давая поручение своим посыльным, он играл в референциальную игру в дескрипции.

2. Когда пришла пора жениться Ивану-Царевичу и двум его братьям, отец велел им пустить стрелы в произвольных направлениях и жениться на тех существах, которые эти стрелы подберут. Как мы помним, стрела Ивана попала на болото, где ее подняла Лягушка, и – при всей неожиданности такого поворота событий – Ивану пришлось взять ее в жены, поскольку она (и только она) соответствовала использованной царем дескрипции. В данном случае дескрипция «то существо, которое поднимет стрелу» была единственным средством идентификации объекта, поэтому Иван, увидев Лягушку с его стрелой, не мог сказать: «Это не она!» В этом случае дескрипция была употреблена атрибутивно: царь и царевичи играли в атрибутивную игру в дескрипции.

Итак, различие между референциальным и атрибутивным употреблением определенной дескрипции в том или ином речевом акте сводится соответственно к наличию или отсутствию независимой идентификации объекта агентом.

Это обуславливает еще один специфический для референциального употребления дескрипций феномен: возможность коммуникативно *успешной* референции к некоторому объекту посредством *неверной* дескрипции. Возьмем к примеру с дескрипцией «книга, лежащая на столе», использованной при игре в дескрипции первого типа. Допустим, что я ошибочно принял за книгу сувенир в форме книги. В этом случае употребленная мною дескрипция по отношению к объекту, который я имею в виду, неверна. Для полноты картины мы можем допустить, что на единственном в этой комнате столе лежит ровно одна книга, но я ее не заметил (она закрыта широким журналом). Таким образом, моя дескрипция применима только к данной книге, но неприменима к объекту, который я имею в виду – сувениру в форме книги. Тем не менее мои партнеры по игре должны найти именно тот объект, который я имею в виду, т.е. сувенир, и если они предположат, что это книга (та, что лежит под журналом), я справедливо отвечу, что они не угадали. (Хотя, конечно, когда я получу более точные сведения о предмете, который я загадал, мне придется принять упрек в том, что я употребил ошибочную дескрипцию и направил партнеров по ложному следу.)

Итак, денотат – объект, соответствующий дескрипции, – может не совпадать с референтом (подразумеваемым объектом) или отсутствовать. Однако в обоих случаях референция может оказаться успешной в коммуникативном аспекте: собеседник агента понимает, какой объект тот подразумевает, употребляя неверную дескрипцию.

Еще раз вспомним пример с книгой и сувениром в форме книги. Если мой гость при референциальной игре в дескрипции говорит: «Книга, лежащая на столе», – и если при этом я знаю, что лежащая на столе книга моему гостю не видна, а виден сувенир, имеющий форму книги, то я, конечно, догадаюсь, что мой гость имеет в виду именно сувенир. И если он скажет: «Книга, лежащая на столе, имеет внушительные размеры», – я правильно пойму,

о каком предмете идет речь и какое свойство мой гость этому предмету приписывает, т.е. правильно пойму, какую пропозицию он хочет мне сообщить. Здесь мы имеем коммуникативный успех при использовании неверной дескрипции.

Подведем итог. Феноменальная специфика речевых актов, в которых определенные дескрипции употребляются референциально, состоит в следующем:

- 1) референт дескрипции фиксируется говорящим независимо от ее предикативного содержания;
- 2) это делает возможным коммуникативный успех референции (успех оказания собеседнику на объект, о котором пойдет речь) посредством неверной дескрипции.

II. Семантический и прагматический подходы к феномену референциальности. Семантическое объяснение феномена референциальности применительно к определенным дескрипциям рассматривает последние в качестве омонимичных. Тезис семантического объяснения состоит в том, что конвенциональные правила употребления определенных дескрипций задают для каждой из них два значения, выбор между которыми определяется контекстуальными факторами; назовем их атрибутивным и референциальным значениями. Атрибутивное значение позволяет посредством дескрипции указывать на денотат (когда он существует), референциальное – на референт.

С точки зрения *прагматического* подхода при интерпретации предложений, содержащих определенные дескрипции, необходимо различать их буквальный смысл, или выраженную пропозицию, и дополнительный смысл, или сообщенную пропозицию. Выраженная пропозиция определяется только семантическими правилами языка, на котором осуществляется речевой акт; определяя выраженную пропозицию, мы осуществляем семантическую интерпретацию предложения. Сообщенная пропозиция определяется особенностями ситуации, в которой осуществляется речевой акт.

Например, если при ограблении банка грабитель говорит своему сообщнику: «Копы близко», – это может означать: «Пора делать ноги». Здесь для того, чтобы установить сообщенную пропозицию («пора убежать»), недостаточно знать русский язык с его семантическими правилами: необходимо знать ситуацию речевого акта, положение собеседников в этой ситуации и т.п. Расхождение между выраженной и сообщенной пропозициями имеет место в случаях намека («кое-кто разбил кувшин» в смысле «Слоненок разбил кувшин»), косвенной просьбы («здесь душно» в смысле «откройте, пожалуйста, окно») и т.п. Прагматическое объяснение интересующего нас феномена включает в себя два тезиса:

1. Определенная дескрипция семантически однозначна, и ее значение таково, что она может указывать только на денотат. Поэтому когда – в приведенном выше примере – мой гость говорит: «Книга, лежащая на столе, изрядно толста», – буквальный смысл данного предложения (выраженная пропозиция) приписывает изрядную толщину книге, скрытой от его взгляда журналом.

2. Однако ситуация, в которой осуществляется его речевой акт (я знаю, что он видит сувенир и не видит книгу на столе), позволяет мне понять не только то, что говорят его слова в свете семантических правил русского языка, но и то, что хочет сказать он сам: что изрядную толщину имеет данный сувенир (хотя мой гость ошибочно принимает его за книгу).

Изложенное прагматическое объяснение феномена референциальности было предложено С. Крипке в классической для данной темы работе¹ (оттуда же взят пример с ограблением банка).

Теперь я хочу представить два варианта семантического объяснения референциального употребления дескрипций и показать, что оба принимают допущения, которые делают их более расточительными, чем прагматическое объяснение.

---

¹ Kripke S. Speaker's Reference and Semantic Reference // *Midwest Studies in Philosophy*. 1977. Vol. II. P. 255–276.

1. *Уподобление определенных дескрипций демонстративам.* Г. Ветстейн¹ интерпретирует определенные дескрипции в референциальной функции как разновидность демонстратива – индексикального выражения, сопровождаемого демонстрацией (указанием посредством жеста и т.п.).

Таким образом, Ветстейн относит референциально употребляемые определенные дескрипции² к той же семантической категории, что и выражения типа «вот этот господин», «тот автомобиль» и т.п. Иначе говоря, референциальное употребление дескрипции всегда сопровождается указанием на подразумеваемый объект. Как и в случае стандартных демонстративов, таких как «этот» и «тот», указание может иметь различный характер – от прямого указательного жеста до всевозможных контекстуальных факторов, показывающих слушателю, что говорящий применяет определенную дескрипцию к независимо фиксированному объекту, и помогающих слушателю этот объект – опять же независимым образом – идентифицировать. Например, если на столе перед собеседниками лежит несколько книг, то мое употребление дескрипции «книга, лежащая на столе» будет референциальным, если я указываю на подразумеваемую книгу взглядом, рукой или как-либо еще либо если функцию указания выполняют какие-либо контекстуальные факторы.

---

¹ Wettstein H.K. Demonstrative Reference and Definite Descriptions // *Philosophical Studies : an International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1981. Vol. 40, № 2. P. 241–257. См. также: Wettstein H.K. The Semantic Significance of the Referential-Attributive Distinction // *Philosophical Studies : an International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1983. Vol. 44, № 2. P. 187–196.

² В рамках любой теории, трактующей дистинкцию Доннелана как семантическую, в том числе и в рамках теории Ветстейна, термин «референциально употребленная определенная дескрипция» равнозначен термину «определенная дескрипция в референциальном значении». Конечно, в рамках прагматической интерпретации дистинкции Доннелана эти термины неравнозначны.

В другом месте¹ я предложил детальную критику этой концепции; сейчас я ограничусь указанием на ее неэкономичный характер. В рамках данной концепции семантическая трансмутация предполагает допущение (на мой взгляд, контринтуитивное), согласно которому предикат F может иметь значение « F , на которого указывает говорящий» (подобно тому как слово «тот» означает «объект, на который указывает говорящий»). Например, предикат «книга» может – помимо стандартного значения – иметь значение «книга, на которую указывает говорящий». Представленная выше (крипкеанская) прагматическая трактовка дистинкции Доннелана делает это допущение избыточным.

2. *Уподобление определенных дескрипций собственным именам.* В своей классической работе «Demonstratives» Д. Каплан намечает возможность интерпретации референциально употребленных дескрипций в качестве своего рода собственных имен². Эта возможность базируется на том обстоятельстве, что дескрипция, примененная к определенному индивиду или объекту, может «прилипнуть» к нему в качестве прозвища (в этом случае соответствующий речевой акт оказывается чем-то вроде акта крещения). В частности, это происходит, когда у дескрипций, по выражению Стросона³, «вырастают заглавные буквы» («Священная Римская империя», «Железная Маска», «Рыжий» и т.п.). Детально данную концепцию разработала Ж. Марти⁴. При этом Каплан и Марти принимают крипкеанскую трактовку собственного имени как

---

¹ Borisov E. How Do We Use Definite Descriptions to Express Singular Propositions? // Problemos. 2014. № 85. P. 130–140.

² Kaplan D. Demonstratives. An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals // Themes from Kaplan / J. Almog, J. Perry, H. Wettstein (eds.). Oxford, 1989. P. 560–562.

³ Strawson P.F. On Referring // Mind. New Series. 1950. Vol. 59, № 235. P. 338.

⁴ Marti G. The Essence of Genuine Reference // Journal of Philosophical Logic. 1995. Vol. 24, № 3. P. 275–289; Item. Direct Reference and Definite Descriptions // Dialectica. 2008. Vol. 62, № 1. P. 43–57.

ярлыка, лишённого какого бы то ни было дескриптивного содержания.

Таким образом, в данном случае мы имеем дело с ещё более радикальной семантической трансформацией: дескрипция – выражение, существенным образом указывающее на свойства объекта, – превращается в собственное имя – выражение, исключающее указание на какие бы то ни было свойства.

Данная теория содержит ряд слабостей, главная из которых состоит в том, что она не объясняет случаев, когда дескрипция употребляется референциально, но говорящий существенным образом использует её предикативное содержание, т.е. стандартное семантическое значение. Иначе говоря, «за кадром» этой теории остаются случаи, когда дескрипция используется референциально, но без превращения в собственное имя. Детальная экспликация этого возражения выходит за рамки данной работы; сейчас только отметим, что эта теория, как и предыдущая, принимает специальное (и с прагматической точки зрения опять же необязательное) допущение, согласно которому дескрипция может использоваться не только как комплекс предикатов, но и как инструмент прямого указания.

Итак, обе рассмотренные семантические теории постулируют допущения, которые делают их менее экономичными, чем прагматическая теория Крипке. Очевидно, такого рода допущения необходимы для любой семантической теории, которая постулирует *семантическое превращение*: контекстуально обусловленный переход некоторого выражения из одной семантической категории в другую. Как мы видели, в теории Ветстейна дескрипции в некоторых контекстах превращаются в демонстративы, а в теории Каплана и Марти – в собственные имена.

В заключение ещё раз стоит отметить, что данный анализ – в силу его краткости и избирательности – не претендует на решение контрверсы семантического и прагматического подходов

к дистрикции Доннелана¹. Представленный результат – гипотеза о предпочтительности прагматического подхода как более экономичного – требует проверки посредством более обстоятельного анализа и более полного охвата репрезентативных теорий.

---

¹ В данной работе не ставится задача дать репрезентативный обзор существующих семантических концепций; их краткий обзор см.: Amaral F.S. Definite Descriptions Are Ambiguous // *Analysis*. 2008. Vol. 68, № 4. P. 288–297. Теории Вестейна и Каплана–Марти были выбраны как репрезентирующие существенную особенность большинства влиятельных семантических теорий – постулирование семантического превращения. Отметим также, что существуют семантические теории, опирающиеся на другие представления о предметной области семантики (см., напр.: Capuano A. From Having in Mind to Direct Reference // *Reference and Referring* / W.P. Kabasenche, M. O'Rourke, M.H. Slater (eds.). Cambridge ; London, 2012. P. 189–208).

2. ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЯЗЫКА

2.1. Проблема следования правилу: в поисках прямого решения

(В.А. Ладов)

Экспозиция проблемы

Проблема следования правилу была сформулирована Л. Витгенштейном в § 201 «Философских исследований»: «...правило не может определить никакого способа действия, ибо любой способ можно привести в соответствие с этим правилом... если любое действие можно согласовать с правилом, то любое действие можно сделать и противоречащим ему. Следовательно, тут не будет ни соответствия, ни противоречия»¹.

Можем ли мы отдать себе отчет в том, в соответствии с каким правилом употребляем в нашей речи то ли иное выражение? Содержит ли значение нашего выражения эксплицитное правило его употребления? Витгенштейн отрицательно ответил на этот вопрос, сформулировав, по словам С. Крипке, «...наиболее радикальную и оригинальную скептическую проблему, с которой сталкивалась философия...»²

Упомянутому американскому логик удалось одна из наиболее внятных и интригующих интерпретаций проблемы следования правилу, после опубликования которой дискуссии вокруг идей

---

¹ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. С. 163.

² Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск, 2005.

позднего Витгенштейна в аналитической философии вспыхнули с новой силой. Крипке предложил проэкзаменовать на предмет ясности высказываний, пожалуй, самый претенциозный язык – язык математики. Задача состояла в том, чтобы проверить, способен ли претендующий на наибольшую строгость в обозначениях язык математики преодолеть витгенштейновское сомнение. Если бы ответ оказался положительным, то можно было бы показать границы скепсиса; если же был бы получен отрицательный ответ, то скептический тезис относительно следования правилу можно было бы автоматически распространить и на все менее строгие виды употребления языка.

Оригинальность крипкевской аргументации состояла во введении своеобразных дефект-правил (сам Крипке не употребляет такого термина, но его можно встретить в работах, комментирующих уже «крипкевского Витгенштейна»). Предположим, перед нами стоит задача произвести сложение двух десятичных чисел – 68 и 57. Очевидно, что ответом, который мы получим в результате арифметического действия, будет число 125. Однако здесь появляется крипкевский скептик и спрашивает: «Почему вы уверены, что ответ ‘5’ как результат суммы 68 и 57 будет неправильным?» Ответ ‘125’ был результатом операции сложения, однако, возможно, что под знаком ‘+’ в выражении ‘68 + 57’ подразумевается вовсе не плюс, а квус. Квус, или квожение, – это специфическое дефект-правило, которое формулируется следующим образом: «Производи с десятичными числами те же самые манипуляции, что и в случае операции сложения, но когда один из операндов окажется равным или большим, чем 57, в ответе всегда выдавай 5». Уверены ли мы в таком случае, что в выражении ‘2 + 2 = 4’ знак ‘+’ указывает на плюс, а не на квус? Очевидно, что знак ‘+’ в последнем примере будет указывать по определению сразу на два значения, которые на данном участке числового ряда не различаются между собой. Мы же будем тешить себя иллюзией, что употребляем знак ‘+’ строго в значении сложения, хотя никаких рациональных аргу-

ментов в защиту нашей веры привести не сможем. Если это так, то мы уже не сможем решительно заявлять о нашей ошибке в случае выражения '68 + 57 = 5', ибо, возможно, мы и ранее употребляли знак '+' в значении квус и просто не отдавали себе в этом отчета. Из наших предыдущих употреблений знака невозможно сделать однозначное прогнозирование его будущих употреблений, ибо прошлые употребления уже содержали в себе бесконечное количество значений в качестве правил употребления. Если, продуцируя выражение '2 + 2 = 4', мы под знаком '+' могли подразумевать все что угодно, это равносильно тому, что мы не подразумевали под ним ничего.

Варианты решения: прямое и скептическое

Такова проблема: если значение выражения должно содержать в себе правило его употребления, то значение не есть факт, мы не можем обнаружить ничего, что могли бы недвусмысленным образом связать с определенным знаком. Следует подчеркнуть радикальность данного скепсиса. Проблема даже не в том, что у нас нет надежных путей интерпретации чужой речи, что утверждается, например, У. Куайном в его теории неопределенности радикального перевода¹, проблема в том, что даже на уровне субъективности я не могу отдать себе отчет о значениях выражений своего языка.

С. Крипке выделил два возможных варианта решения данной проблемы (хотя насчет авторства такой интерпретации среди философов-аналитиков не утихают споры²).

Прямое решение проблемы следования правилу заключалось бы в том, что мы признаем тезис скептика о радикальной неопре-

---

¹ Куайн У.В.О. Слово и объект. М, 2000.

² Холт Дж. Так чья же всё-таки идея? // Философия науки. 2004. № 2. С. 117–118.

деленности значения ошибочным и приведем сумму весомых контраргументов в его опровержение. Крипке вполне уместно приводит здесь пример с теорией сомнения Декарта¹. Декарт действительно дал прямое решение своей проблеме. Его скептик утверждал, что невозможно найти основания для твердого, незыблемого знания, все можно поставить под сомнение. На это Декарт ответил теорией *cogito*, которая гласила, что мы способны иметь необходимо истинное знание, заключающееся в суждении «*Cogito ergo sum*». Таким образом, французский мыслитель сначала выдвинул скептические аргументы, а потом представил их опровержение.

Скептическое решение обсуждаемой проблемы исходит из непроверяемости скептических аргументов. Скептик прав: значение не есть факт, и мы в самом деле не можем отдать себе отчет о значениях выражений своего языка. Однако вслед за этой уступкой скептику признается, что сама проблема выглядит катастрофичной только в том случае, если принимается наивная трактовка функционирования языка. Если признать, что слова языка должны иметь стационарные объективные значения, то проблема следования правилу действительно должна ставить под сомнение саму возможность функционирования языка, а значит, в соответствии с идеей лингвистического поворота, и познания в целом.

Скептическое решение пытается пересмотреть основополагающие воззрения на сущность языка как такового. Слова языка вообще не предназначены для того, чтобы указывать на какие-либо устойчивые образования, данные субъекту в качестве фактов. Функция языка состоит в обеспечении успешной коммуникации между членами сообщества в процессе совместной деятельности. Познание значения сводится к освоению легитимного употребления того или иного выражения для большинства членов сообщества.

---

¹ Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск, 2005. С. 65.

Следствием такой установки оказывается постулируемый Крипке переход от условий истинности в понимании значения выражения к условиям утверждаемости¹. Значением выражения является не тот устойчивый объективный факт, благодаря которому это выражение истинно, а лишь факт легитимной утверждаемости данного выражения в качестве истинного в том или ином сообществе. Выражение «Джон подразумевает под ‘+’ плюс» невозможно верифицировать как истинное или ложное, если заниматься поиском объективного факта, ибо скептик прав: под ‘+’ можно подразумевать все что угодно. Но его можно признать истинным в смысле всеобщего признания его правильности.

Следовательно, рассмотренный выше скептический тезис Витгенштейна не разрушает язык, ибо для того, чтобы пользоваться языком, нам вообще не нужно усвоение каких-то устойчивых объективных сущностей в качестве значений слов. Таково скептическое решение проблемы следования правилу, предложенное, со слов Крипке, Витгенштейном: скептик прав, но мы не должны выглядеть озадаченными данным обстоятельством.

Эпистемическая несостоятельность скептического решения

Скептическое решение, предложенное Крипке, вовсе не выглядит «громом среди ясного неба». Рефлексия над культурно-историческими основаниями научных парадигм, познания, мировоззрения в целом – это идея-фикс всей современной (и как часто говорят – неклассической) философии. Любая форма познания, любой багаж накопленных знаний признаются локальными, зависимыми от фундаментальных предпосылок той или иной культуры, традиции, психологии, языка. Утверждается, что не может

---

¹ Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск, 2005. С. 72.

быть истинного, объективного видения мира. Любой взгляд, любые суждения эпистемически равноправны, они представляют собой только аспекты видения, зависимые от определяющих парадигм, концептуальных каркасов, вырваться за пределы которых у субъекта познания нет никакой возможности.

Хорошо известные в континентальной философии тенденции мысли (поздняя феноменология Э. Гуссерля, герменевтика Г.-Г. Гадамера, философия культуры О. Шпенглера, структуралистская философия М. Фуко, деконструкция Ж. Деррида и т.д.) задали умонастроение всей современной эпохи. К сожалению, и аналитической философии не удалось удержаться от соблазнительного в своей авторитетности образа рефлектирующего культуролога. И новые релятивистские тезисы в философии языка, продуцированные в середине XX в. У. Куайном, Н. Гудменом, П. Грайсом и, конечно же, Л. Витгенштейном, по общему признанию, характеризуют переход от ранней аналитической традиции к поздней, переход, о котором родоначальник аналитической философии Б. Рассел выразился с нескрываемым пренебрежением: «...если она (теория значения позднего Витгенштейна. – *В.Л.*) истинна, то философия есть в лучшем случае слабая помощь составителям словарей, а в худшем – праздная болтовня за чашкой чая»¹.

Рассел был не прав, но не в отношении «праздной болтовни» позднего Витгенштейна, а в отношении возможного допущения истинности данной теории. Главная претензия к теории значения Витгенштейна, впрочем, как и к любому виду культурно-релятивистских концепций, состоит в том, что они не могут быть ни истинными, ни ложными – они логически противоречивы и эпистемически невозможны.

Когда Крипке дает скептическое решение проблеме следования правилу посредством постулирования перехода от условие-

---

¹ Russell B. *My Philosophical Development*. New York, 1959. С. 216–217.

истинностной концепции значения к концепции значения, формируемого на основе условий утверждаемости выражения, он сам делает это заключение в рамках условие-истинностной концепции. Крипке объявляет нам: вот так и обстоят дела со значением знака; язык работает так, что он не нуждается в опоре на факты мира в качестве значений выражений, значения можно формировать посредством консенсуса утверждаемости правильности употребления выражения в том или ином сообществе. Здесь делается попытка дать окончательный ответ на вопрос, что есть значение. Правота скептического решения демонстрируется Крипке корреспондентно: имеются объективные факты мира, указывающие на то, что значение именно таково. Очевидно, что постулирование этого общего тезиса вступает в противоречие с его собственным содержанием: факты мира таковы, что не существует фактов мира; значение слова «значение» состоит в том факте, что значение не есть факт. То, что Крипке утверждает в качестве решения проблемы следования правилу, должно установить запрет на создание какой-либо теории значения, ибо теория значения всегда должна руководствоваться корреспондентным принципом познания – она стремится ответить на вопрос: «Что есть значение слова?» Однако содержание скептического решения говорит о том, что получить какой-либо объективный, устойчивый ответ на данный вопрос невозможно.

Логическая противоречивость крипкевского тезиса обращала на себя внимание критиков скептического решения. Например, С. Блэкберн язвительно замечает, что, с точки зрения Крипке, «...частью истинностных условий любого суждения является то, что вырабатывать их может сообщество (за исключением, разумеется, суждения... об этом суждении)»¹.

Однако, как уже было сказано выше, под данную критику подпадает, конечно же, не только Крипке, не только Витгенштейн, но

---

¹ Blackburn S. The Individual Strikes Back // Synthese. 1984. Vol. 58. P. 294.

и в целом позиция релятивизма, антиреализма, скептицизма в познании. В рамках аналитической философии один из самых удачных аргументов, демонстрирующих эпистемическую несостоятельность культурного релятивизма, привел Х. Патнем в своей работе «Разум, истина и история»¹. Аргумент вошел в аналитическую традицию под названием «мозги в бочке».

Если мы вообразим такого субъекта познания, которому по определению будет закрыт доступ к объективному миру (пусть это будут мозги в бочке), то отсюда с необходимостью следует, что структура его языка не допускает построения высказываний, имеющих референцию. Способен ли такой субъект продуцировать высказывание «Мы – мозги в бочке»? Очевидно, нет. Мозги в бочке устроены так, что не имеют ресурсов для порождения референциальных высказываний. Ситуация, при которой мозги в бочке говорят себе: «Мы – мозги в бочке» эпистемически невозможна.

Если по отношению к работе Крипке данный аргумент оказывается вполне применимым ввиду академического рационального стиля изложения проблемы американским логиком, то касаемо текстов Витгенштейна дело обстоит сложнее. Последний, прибегая к специфическому афористичному стилю письма, настойчиво пытался утверждать, что вообще не предлагает какого-то устойчивого универсального взгляда на значение: «Для *большого* класса случаев – хотя и не для *всех*, – где употребляется слово “значение”, можно дать следующее его определение: значение слова – это его употребление в языке»², – чем ставил в тупик симпатизирующих ему интерпретаторов. М. Даммит, например, говорит следующее: «Я не мог бы отнестись с тем уважением к его работе, которое я имею, если бы я не рассматривал его аргументы и прозрения как основанные на истинности его убежде-

---

¹ Патнем Х. Разум, истина и история. М., 2002.

² Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. С. 99.

ния»¹. То есть заявления Витгенштейна о локальности его работы, не претендующей на универсальную истинность выводов, на статус теории, дискредитируют те положительные результаты, те тезисы относительно значения, которые в данной работе содержатся. Тем самым Витгенштейн снова загоняет себя в порочный круг: если не иметь намерения зафиксировать общий отчет о значении языкового выражения, зачем тогда было продуцировать тезисы по проблеме следования правилу, которые ведь явно имеют универсалистские претензии, распространяющиеся на весь язык?

Похоже, в фиксации данной проблемы сходятся многие из исследователей творчества австрийского мыслителя. Вот, что пишет, к примеру, П. Богосян: «Главная трудность, стоящая перед предполагаемым интерпретатором Витгенштейна, состоит в том, как примирить его отвержение субстантивных конститутивных отчетов относительно значения... с его очевидными конститутивными и трансцендентальными претензиями на анализ следования правилу»².

Оставляя в стороне указанные выше дополнительные трудности в интерпретации текстов самого Витгенштейна, снова обратимся к формулировке скептического решения С. Крипке. Как уже сказано, по отношению к работе американского логика аргумент Х. Патнема звучит вполне убедительно. Скептическое решение утверждает, что значение формируется на основе конвенций сообщества, при этом само утверждение о таком статусе значения претендует на универсальность и объективность, оно представляет собой субстантивный отчет о значении. С точки зрения Патнема, если бы значение действительно формировалось в виде конвенции, то никакое сообщество не смогло бы продуцировать референциалистский, субстантивный тезис о том, что значение формируется на основе конвенции.

---

¹ Dummett M. *The Logical Basis of Metaphysics*. Cambridge, 1991. P. xi.

² Boghossian P.A. *The Rule-Following Considerations* // *Mind*. 1989. Vol. XCVIII, № 392. P. 544.

Аргумент Х. Патнема вынуждает нас признать несостоятельность скептического решения проблемы следования правилу. И дело не просто в пространных критических замечаниях о том, что антиреализм разрушает классические идеи знания и истины, вынашиваемые западной культурой со времен Античности, – именно такой контраргумент является наиболее распространенным по отношению к релятивизму всех мастей, столь модному в современной философии; дело в том, что антиреалистская позиция просто эпистемически несостоятельна: невозможно, будучи последовательным и непротиворечивым в рассуждениях, утверждать такую позицию в качестве теории. Нам следует сосредоточиться на поисках прямого решения скептической проблемы.

Поиски прямого решения: неудачи

Десятая глава монографии «Значение» П. Хорвича¹ – одного из ведущих аналитиков, работающих в области теории значения в настоящий момент – так и называется: «Прямое решение скептического парадокса Крипке». Квинтэссенция мысли Хорвича сосредоточена в следующем пассаже:

«Так, Крипке утверждает, что мы имеем право сказать: “Джонс подразумевает под ‘плюс’ сложение”, всякий раз когда мы имеем право утверждать, что его ответы более или менее созвучны с нашими – т.е. что его диспозиции к употреблению этого термина соответствуют нашим. Другими словами, мы можем заключить, что Джонс подразумевает под ‘плюс’ сложение, исходя из нашей уверенности, что его базовое употребление этого термина точно такое же, как и наше. Таким образом, условия истинности “с точки зрения теории употребления” для приписывания значения оправдываются – но ни в коей мере не устраняются – теми условиями утверждаемости, которые поддерживает Крипке»².

---

¹ Horwich P. Meaning. Oxford, 1998.

² Ibid. P. 222–223.

Таким образом, Хорвич говорит, что факты, относящиеся к условиям утверждаемости, сами по себе играют роль тех референтов, к которым отсылают условия истинности. Просто под истинными условиями здесь понимаются не факты природы или психические переживания субъекта, а факты корреляции субъектных диспозиций. Такой факт сам является фактом мира в некотором смысле, а потому может выступать основанием условий истинности суждения в привычной трактовке корреспондентной теории истины.

Как видим, Хорвич пытается показать, что крипкевское решение само является прямым. Думается, что данный вывод слишком поспешен. Скорее, Хорвичу удастся найти еще один аспект, на основании которого крипкевский ход мысли можно обвинить в противоречивости: соглашаясь со скептиком в правомерности критики условие-истинностной концепции значения, Крипке предлагает решение проблемы, основывающееся на этой же концепции. Это еще один аргумент в пользу неправомерности скептического решения. Однако отрицание такого решения еще не влечет за собой автоматически утверждение прямого выхода из проблемной ситуации. Прямое решение должно заключаться не в том, что мы показываем ущербность скептической позиции, а в том, что мы обосновываем нашу способность при вычислении $68 + 57$ подразумевать под '+' плюс, т.е. следовать правилу сложения.

Ф. Петти в работе «Реальность следования правилу»¹ сделал еще одну, достаточно подробно обсуждавшуюся среди специалистов, попытку дать прямое решение крипкевской проблеме, заявив: «Мы показали, во-первых, что факт того, что конечное число примеров иллюстрируется бесконечным числом правил, не означает, что он не может репрезентировать определенного правила для данного субъекта...»² Однако аргументация в защиту этого

---

¹ Pettit P. The Reality of Rule-following // Mind. 1990. Vol. XCIX, № 393.

² Ibid. P. 13.

тезиса оказалась у Ф. Петти, прямо скажем, не блестящей, и еще более странными выглядят выводы, которые он делает в итоге: «...предприятие следования правилу и все, что с ним связано, оказывается рискованным. Оно основывается на случайности того, что определенные ответы могут оказаться корректными с определенной степенью вероятности... следование правилу не только рискованно, но в определенном смысле интерактивно. Оно требует того, чтобы следующий правилу субъект находился в позиции взаимодействия с другими носителями тенденции к действию...»¹ Очевидно, что вероятностность и интерактивность – это как раз те основные характеристики следования правилу, которые вытекают из скептического решения проблемы, прямое решение должно утверждать неограниченную стабильность следования, без отсылок к сообществу.

Еще одно весьма показательное рассуждение демонстрирует Йемима Бен-Менахем: «Я утверждаю, что из дескриптивной перспективы отношение между правилом и его применениями является внутренним и как таковое неуязвимо для скептического парадокса»². Данный тезис также претендует на то, чтобы являться прямым решением. При этом аргументация в защиту тезиса сводится к следующему. Не нужно говорить, что мы не можем ввести достоверное следование правилу и потому впадаем в полный произвол. Мы продолжаем говорить, что следование правилу, скажем, сложения, имеет необходимый характер, обусловленный формулировкой правила. Но если скептик нам укажет, что формулировка правила не имеет необходимого характера, то мы на это должны ответить: «Просто в этом состоит наше понимание-употребление термина “необходимый”!» Необходимый для нас – это релятивный

---

¹ Pettit P. The Reality of Rule-following // Mind. 1990. Vol. XCIX, № 393. P. 16, 17.

² Ben-Menahem Y. Explanation and Description: Wittgenstein on Convention // Synthese. 1998. Vol. 115. P. 101.

с точки зрения скептика. Но это есть наше понимание необходимости, и нам этого достаточно. Точно так же, как абсурдно спрашивать, почему богатым называется тот, у кого много денег, – просто так называется. Таково и употребление понятия «необходимость».

Таким образом, по мысли Бен-Менахема, исчезает скептическое затруднение: мы и дальше говорим, что следуем правилу с необходимостью, но с необходимостью, понимаемой в особом смысле. Бен-Менахем заключает в итоге: «Парадокс, или, скорее, псевдопарадокс – это симптом патологической тяги выйти за пределы языка, от которой Витгенштейн стремится нас излечить»¹.

Представляется, что аргументация Бен-Менахема не снимает скептической проблемы в формулировке Крипке. Ибо крипкевский скептик под необходимым следованием понимал такое, которое осуществляется в неограниченном количестве случаев. И вот по отношению к такому пониманию необходимости скептическая проблема остается. Бен-Менахем пытается ее решить за счет «спора о словах», за счет амфиболии. Он утверждает, что когда мы говорим о необходимом следовании, мы имеем в виду другое. Пусть будет так. Но ведь скептическая проблема была поставлена в той терминологии, где под необходимым понималось то, что понимает крипкевский скептик. Следовательно, и решаться она должна в данном семантическом контексте. Крипке удивляется, что мы следуем правилу слепо. Бен-Менахем соглашается с этим, просто добавляет, что в нашей языковой практике мы такое слепое следование называем необходимым. Но это не ответ крипкевскому скептику: он, отвечая ему, говорит с ним на разных языках.

Выше были приведены известные попытки формулировки прямого решения, сделанные в литературе по проблеме следования правилу за последние десятилетия. Ни одна из этих попыток

---

¹ Ben-Menahem Y. Explanation and Description: Wittgenstein on Convention // Synthese. 1998. Vol. 115. P. 119.

не является удовлетворительной. Поиск прямого решения следует продолжить.

Новая попытка

1. В чем все же проблема? В существовании дефект-правила «квожение» или в неясности стандарт-правила «сложение»?

Вначале приведем данные в энциклопедической литературе определения понятия «сложение», которые являются, на удивление, неясными:

«Сложение – одна из основных арифметических операций. Результат сложения называется суммой. Сумма чисел a и b обозначается $a + b$, при этом a и b называются слагаемыми. Сложение чисел коммутативно: $a + b = b + a$, и ассоциативно: $(a + b) + c = a + (b + c)$. Операция, обратная сложению, называется вычитанием»¹.

«Сложение – арифметическое действие. Результатом сложения чисел a и b является число, называемое суммой чисел a и b (слагаемых) и обозначаемое $a + b$. При сложении выполняется переместительный (коммутативный) закон: $(a + b) + c = a + (b + c)$ »².

Во-первых, такие определения слишком широки, ибо свойствами коммутативности и ассоциативности обладает не только сложение; во-вторых, в данных определениях, по сути, не говорится, в чем именно состоит сама арифметическая операция; наконец, в-третьих, в последнем определении вообще неверно указано свойство коммутативности.

Сформулируем точнее понятие сложения и основывающееся на нем правило.

---

¹ Иванова О.А. Сложение // Математическая энциклопедия : в 5 т. / гл. ред И.М. Виноградов. М., 1984. Т. 4: Ок–Сло.

² Математика : Большой энциклопедический словарь / гл. ред. Ю.В. Прохоров. 3-е изд. М., 2000. С. 546.

Сложение двух любых натуральных чисел a и b – это арифметическое действие, задающее движение по числовой прямой в правую сторону от точки a на b шагов с шириной шага, равной 1. Тогда понятие-директива ‘сложение’ будет выглядеть следующим образом: распознавай предстоящее перед тобой конкретное действие как сложение в том случае, если оно удовлетворяет следующим признакам, а именно: это действие, задающее движение по числовой прямой и т.д. В конце концов мы можем ввести правило употребления знака ‘+’ в предложениях типа ‘ $a + b$ ’: распознавай предстоящее перед тобой конкретное действие как сложение в том случае, если оно удовлетворяет следующим признакам, а именно: это действие, задающее движение по числовой прямой и т.д., и всякий раз связывая в языке данное распознавание со знаком ‘+’.

Экстравагантный скептический аргумент Крипке заключался в формулировке понятия квожения, которое относительно настоящего определения сложения могло бы выглядеть следующим образом. Квожение двух натуральных чисел a и b – это арифметическая операция, задающая движение по числовой прямой в правую сторону на b шагов с частотой шага 1, но в случае, если значение a или b достигает 57, конечным пунктом движения по числовой прямой всегда является точка, соответствующая числу 5. То есть правило квожения гласит: распознавай предстоящее перед тобой конкретное действие как квожение, если оно удовлетворяет следующим признакам, а именно: это действие, задающее движение по числовой прямой и т.д., и всякий раз связывая в языке данное распознавание со знаком ‘+’. В таком случае в выражении ‘ $2 + 2$ ’ знак ‘+’ оказывается двусмысленным. Употребление этого знака подпадает сразу под два правила.

Однако в тексте Крипке можно встретить очень примечательное сомнение, выдающее неуверенность автора в самой формулировке проблемы. Американский логик утверждает, что дело в фантомности, латентности дефект-правил. Их скрытое присутствие

всегда оставляет возможность неопределенности. Тем не менее главная скептическая аргументация в пользу неопределенности сосредоточивается у него вокруг самого определения понятия сложения. Крипке утверждает, что данное понятие содержит радикально неясный термин «любой»: сложение любых положительных чисел a и b – это арифметическая операция и т.д. По форме это известный аргумент *Ad infinitum*. Мы говорим: любые положительные числа. Но что значит любые? Наше познание ограничено, в течение нашей разумной жизни мы сталкивались только с конечным количеством чисел натурального ряда. Следовательно, и содержание понятия «любой» дано нам в качестве индуктивного обобщения нашего предыдущего конечного опыта. Возможно ли помыслить границу применимости данного термина? Теоретически это вполне допустимо. Предположим, что я в своей жизни всегда сталкивался с числами до 56 – они были для меня любыми. А вот число 57, которое я встретил впервые, перестало подпадать под понятие «любой». Тогда получается, что само понятие сложения оказывается ограниченным, оно однозначно действует только для чисел, меньших 57; после этого в силу может вступить какое угодно другое правило, основанное на другом понятии.

В итоге возникает двусмысленность в формулировке проблемы. В чем же, собственно, дело? В существовании фантомных дефект-правил или же в неясности самого стандарт-правила? Эта двусмысленность обнаруживается у Крипке прямо на одной странице текста. Сначала он пишет: «Тем не менее действительный тезис парадокса Витгенштейна, конечно, не состоит в том, что правило сложения каким-то образом *смутно* или оставляет некоторые случаи своего применения неопределенными. Напротив, слово ‘плюс’ обозначает функцию, чье определение совершенно точно – в этом отношении оно *не* похоже на нечеткие понятия, выражаемые с помощью ‘большой’, ‘зеленый’ и т.п. Суть состоит в очерченной выше скептической проблеме, что в моей голове остается неопре-

деленным, *какую* функцию (плюс или минус) обозначает ‘плюс’, когда я использую это слово, что обозначает ‘зеленый’ (зеленый или зелубый) и т.д.»¹; но буквально несколькими строками ниже он начинает сомневаться в своем первоначальном утверждении: «Хотя возможно, что смутность в обычном смысле входит в загадку Витгенштейна следующим образом. Когда учитель *вводит* для ученика такое слово, как ‘плюс’, если он не сводит его к более ‘фундаментальным’, ранее изученным понятиям, он вводит его посредством конечного числа примеров плюс инструкция: “Делай точно так же!” Последнее предложение действительно может рассматриваться как смутное в обычном смысле, хотя от него зависит наше схватывание наиболее точного понятия. Эта разновидность смутности тесно *связана* с парадоксом Витгенштейна»².

Более тщательное рассмотрение вопроса показывает, что дефект-правила на самом деле не способны сбить нас с толку и поставить непреодолимую скептическую проблему. Подтверждением этого тезиса могут служить следующие мыслительные эксперименты.

Представим себе, что мы начинаем движение от точки *A* по маршруту *AD* в соответствии со следующей схемой:

A---*B*-----*C*-----*D*

Если в точке *B* нам задать вопрос, куда мы движемся, сможем ли мы с полной определенностью сказать, что нашей целью является *D*? Очевидно, сможем, несмотря на то что в точке *B*, казалось бы, неразличимы пути *AD* и *AC*. При условии, что для нас четко определено местонахождение *D* (а ведь именно это и утверждает Крипке в аргументации первого типа: «...слово ‘плюс’ обозначает

---

¹ Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск, 2005. С. 79.

² Там же.

функцию, чье определение совершенно точно...»¹), мы можем даже ничего и не знать о C , быть в неведении, может ли оно нам встретиться на нашем пути или нет, и вместе с тем, ничуть не колеблясь, мы окажемся способными ответить, что движемся по маршруту (т.е. в соответствии с правилом перехода) от A к D .

Допустим, мы отправляемся в космическое путешествие по маршруту Земля–Меркурий. При этом принятый коридор движения кораблей таков, что на Меркурий можно попасть только через Венеру. На Луне наш корабль останавливает космический патруль и интересуется, отдаем ли мы себе отчет в том, по какому маршруту движемся, ведь в данной точке пути маршруты Земля–Меркурий и Земля–Венера совпадают? На это мы вполне бы могли ответить, что ввиду наших посредственных астрономических познаний мы не имеем никакого представления о Венере, о том, где она находится, и какие еще маршруты космических кораблей проходят через Луну. Но нам доподлинно известен план, как добраться до Меркурия, и больше нас, собственно, ничего не волнует – очевидно, что мы способны отдать себе отчет, по какому именно маршруту движемся.

Так и в случае с правилом сложения. Если бы для нас был вполне ясен смысл фразы «Сложение двух любых положительных чисел a и b – это арифметическое действие, задающее движение по числовой прямой...», то никакое фантомное квожение не способно было бы нам помешать в вычислениях. Вполне допустимо, что существует функция, область значения которой совпадает с функцией сложения, но в случае аргументов, превышающих 56, в ее области значения можно будет обнаружить только одно число: 5. Однако это несколько не должно нас смущать при вычислении $2 + 2$, ибо мы установили, что знак ‘+’ будет обозначать функцию сложения, которая для *любых* положительных чисел определяется

---

¹ Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск, 2005. С. 79.

вполне четко. Может быть, кто-то посчитает высказывание '68 + 57 = 5' истинным, подразумевая под '+' квожение, – это допустимо; но главное, что мы, обращаясь к своей субъективности, обязательно расценим это высказывание как ложное, ибо в противовес скептику мы окажемся способными отдать себе отчет в том, что мы подразумеваем под '+'.

Иное дело, если само правило сложения оказывается неясным. Ввиду того, что я усваиваю его индуктивно, на конечном количестве примеров, я не могу иметь абсолютно четкого понятия «любое число», а значит, я не могу отдать себе отчет о той области определения, на которой действует функция сложения. Тогда и возникает проблема: я начинаю теряться, что именно я подразумеваю под знаком '+', каким будет мой следующий шаг употребления данного знака?

Та же ситуация возникает в нашем мыслительном эксперименте. Если сам маршрут Земля–Меркурий оказывается для меня неопределенным, если Меркурий отстоит на столь далекое расстояние от Земли, что путь до него оказывается недоступным для обозрения, то на вопрос космического патруля на Луне о том, каким маршрутом я двигаюсь и способен ли я различить движение по маршруту Земля–Меркурий и Земля–Венера, я уже не смогу дать определенного ответа. Я скажу, что Меркурий – это где-то там, где и Венера, может быть, эти маршруты вообще совпадают, а может быть и нет, но пока их различия не даны мне в опыте, возможно, они проявятся в дальнейшем.

В итоге мы можем констатировать наличие весьма комичной ситуации. Те самые столь эпатажные примеры Крипке с дефект-правилами, которые, собственно, и принесли столь широкую известность его интерпретации Витгенштейна ввиду ее оригинальности и необычности, на деле оборачиваются лишь красочными риторическими фигурами, присутствие которых вовсе не обязательно для формулировки скептического сомнения относительно следования правилу. Главным аргументом скептика должен вы-

ступать факт неясности стандарт-правила сложения, а не наличие дефект-правила сложения.

2. *Однозначность употребления квантора всеобщности в математической индукции*

По сути, основная проблема сосредоточивается вокруг квантора всеобщности. Мы говорим: для всяких (любых) натуральных чисел a и b операция сложения такова, что она будет задавать движение по числовой прямой от точки a в правую сторону на b шагов с частотой шага 1. Употребление квантора всеобщности здесь является, по логике скептического рассуждения, принципиально неясным: ввиду ограниченности познавательного опыта конечного существа невозможно, чтобы оно продуцировало необходимые суждения о бесконечном.

Однако в математике мы сталкиваемся по крайней мере с одним достойным внимания примером продуцирования суждений о бесконечном, истинность которых не подвергается сомнению. Это те суждения, которые являются результатом так называемой математической индукции. Операция математической индукции тем более поразительна, что она, по сути, является разновидностью общей формы индуктивного умозаключения, по отношению к которой скептик и выстраивает критическую аргументацию. И тем не менее, несмотря на то что индуктивное умозаключение относительно, скажем, цвета яблок, когда мы их вынимаем из ящика, оказывается недостоверным, будучи распространенным на натуральный ряд чисел, оказывается неограниченно истинным.

Например, применяя метод математической индукции, мы можем утверждать, что выражения $1^2 + 2^2 + 3^2 + \dots + n^2$ и $n(n + 1)(2n + 1)/6$ равны при *любых* значениях n . Во-первых, показывается, что данное равенство выполняется при $n = 1$. Во-вторых, предполагается, что данное равенство выполняется при $n = k$, и доказывается, что оно будет выполняться для $n = k + 1$. Этот шаг нужен для того, чтобы обосновать, что при продвижении по числовому ряду вправо на единицу (неважно с какого места) данное

равенство будет сохраняться. И наконец, последний шаг представляет собой введение суждения с квантором всеобщности: при соблюдении вышеуказанных условий мы утверждаем, что данные выражения будут равны при *любоых* значениях n . Почему мы можем быть уверены в любом n ? Потому что на место k может быть подставлена 1. При этом равенство данных выражений уже доказано как для 1, так и для перехода к $k + 1$, т.е. для 2. Двигаясь по числовому ряду, мы можем последовательно подставлять на место k числа 2, 3, 4 и так далее и всегда быть уверенными в том, что для следующего за k числа равенство выражений сохранится. Так мы с полной определенностью продуцируем суждение о каком угодно большом n , для которого данное равенство всегда будет выполняться.

Все это говорит о том, что специфика построения натурального ряда, заданная аксиомами Пеано, такова, что она в самом деле допускает достоверные суждения с квантором всеобщности. Значимость такого вывода для эпистемологии трудно переоценить: арифметика действительно оказывается той специфической областью познания, где конечное по своим познавательным возможностям существо оказывается способным продуцировать суждения о бесконечном.

Если суждения с квантором всеобщности применимы к натуральному ряду чисел в случае операции математической индукции, то почему эта возможность должна отрицаться в случае операции сложения? Операция сложения также применима к натуральному ряду чисел, и если мы признаем однозначность и последовательность построения натурального ряда в соответствии с аксиомами Пеано, то мы должны согласиться и с тем, что выражение «любые положительные числа a и b » в формулировке правила сложения является вполне осмысленным. Ибо даже в случае бесконечно удаленных от нашего конечного опыта чисел мы будем точно знать, что данная операция будет состоять в движении в правую сторону от точки a на b шагов с частотой шага 1,

и никаких «провалов» на этой числовой прямой существовать не будет.

3. *Что мог бы сказать крипкевский скептик об аксиоматике Пеано?*

«Непросто решить, на что именно наша математика стала бы похожа, если бы мы адаптировали эту “антропологическую” позицию. Могли ли бы аксиомы Пеано остаться неизменными?»¹ – такой вопрос ставит М. Даммит, обсуждая воззрения позднего Витгенштейна. И данный вопрос здесь в самом деле оказывается наиболее уместным. Единственное, что остается скептику после того, как было установлено, что натуральный ряд чисел является такой специфической областью, которая допускает по отношению к себе суждения неограниченной степени общности, – это поставить под сомнение однозначность самого построения натурального ряда. Следует признать, что операция математической индукции, которая допускает осмысленное применение квантора всеобщности, сама оказывается основанной на предпосылке однозначно и последовательно построенного натурального ряда (хотя вопрос о статусе математической индукции оказывается не столь очевиден: известно, что данная операция является не просто следствием аксиом Пеано, но и, собственно, одной, а именно пятой, аксиомой, задающей построение натурального ряда; и тем не менее можно сказать, что данная операция имеет в качестве предпосылки однозначную трактовку тех понятий, которые составляют как ее определение, так и определения остальных аксиом). Скептик может поставить под сомнение однозначность понятий, входящих в аксиоматику Пеано.

Например, скептик может усомниться в ясности понятия «следующее за». Вторая аксиома гласит: «Следующее за натуральным числом есть натуральное число». Но что значит «следующее за»? Идущее сразу после, имеющее перед собой только предыдущее

---

¹ Dummett M. Truth and Other Enigmas. London, 1978. P. 182.

число и ничего более? А что если понятие «следующее за» будет проинтерпретировано так, что оно подразумевает число, вслед за ним яблоко, а потом снова число? Наше овладение содержанием понятия «следующее за» происходило на конечных примерах. Мы записывали '1' и говорили, что следующим за 1 является число, большее его на 1, т.е. 2, и т.д. Однако мы никогда не добирались до числа 56. Если бы мы сделали это, далее, возможно, произошло бы вот что: вслед за знаком '56', который отсылал к числу 56, появился бы знак '57', который отсылал к яблоку, а потом знак '58', который снова отсылал к числу, а именно к 58. Тогда следующим за 56 оказывалось бы число 58 (кстати сказать, вторая аксиома не указывает на то, что следующее за натуральным числом натуральное число должно быть больше предыдущего на 1).

Скептик может поставить вопрос: вы, получившие представление о содержании понятия «следующее за» на конечном числе примеров, можете ли быть уверены в том, что однозначно будете трактовать это понятие для неограниченного количества случаев? Или можно было бы сформулировать данную скептическую проблему при помощи экстравагантных дефект-правил Крипке (помня о том, что суть дела все же в неясности стандарт-правила). Допустим, что существуют два правила: 'следующее за' и 'кведущее за'. Первое из них не допускает «провалов» в натуральном ряде, тогда как второе предполагает, что иногда между следующими друг за другом числами могут оказаться яблоки. Тогда скептик спросит: применяя термин «следующее за» по отношению, скажем, к числу 2, вы уверены в том, что обозначаете им понятие-правило 'следующее за', а не 'кведущее за'?

4. Патовая ситуация: *ex nihilo nihil fit*

Нам ничего не остается, как признать весомость данного скептического аргумента. Мы в самом деле можем усомниться в ясности понятий, составляющих аксиоматику Пеано, а потому и в однозначности построения натурального ряда. В этом смысле скепсис Витгенштайна–Крипке неискореним.

Однако проблема в другом. Как ввести саму скептическую аргументацию? Чтобы сформулировать какую-либо теоретическую позицию, необходимо опереться на позитивное основание. Одно дело утверждать, что при допущении существования определенной предметной области мы можем сформулировать скептический аргумент относительно однозначности наших суждений об этих предметах, и совсем другое дело утверждать, что суждения о предметах не могут быть сформулированы однозначно, ибо сама предметная область оказывается иллюзией, она не существует. В последнем случае скепсис теряет смысл, поскольку мы отрицаем существование того, по отношению к чему этот скепсис был выражен.

5. Решение

Признавал ли Крипке открыто несостоятельность радикального скептицизма или же лишь интуитивно чувствовал, что данный ход мысли не позволит сформулировать проблему? Так или иначе, скептическая аргументация американского логика опирается именно на позитивный тезис. Собственно, формулировка скептической проблемы и оказалась столь интригующей как раз потому, что Крипке утверждал невозможность следования определенному правилу в однозначно определенной заданной области, т.е. в области арифметики. Утверждая неспособность познающего различить, что стоит за знаком '+' в выражении '68 + 57' – правило сложения или квожения, – Крипке не ставит под сомнение то, что за знаком '57' стоит число 57, а не яблоко. Если бы он усомнился в последнем, то скепсис относительно значения знака '+' просто потерял бы смысл.

Крипке признает однозначность построения натурального ряда и утверждает при этом, что мы не способны отличить друг от друга правила сложения и квожения в выражении '68 + 57'. Вышеизложенные рассуждения показали, что это не так. При допущении однозначного построения натурального ряда чисел в соответствии с аксиомами Пеано мы способны отдать себе отчет в том, что,

употребляя знак '+', следуем правилу сложения. Тем самым было представлено прямое решение проблемы следования правилу.

2.2. Обозначает ли слово «ощущение» ощущение?

(В.А. Ладов)

Проблемная ситуация

В начале 80-х гг. XX в. в аналитической философии появилась новая и оригинальная интерпретация «Философских исследований» Л. Витгенштейна¹. Автором этой интерпретации стал американский логик С. Крипке. Его работа «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке»² стала настолько обсуждаемой в среде витгенштейноведов и витгенштейнианцев, что впоследствии Витгенштейн, по меткому выражению Х. Патнема, превратился в Крипкенштейна³. Однако вопрос о том, насколько крипкевская интерпретация соответствовала реальному Витгенштейну, по-прежнему остается открытым. В данном разделе мы обратимся только к одной из тем «Философских исследований» – аргументу против индивидуального языка – и попробуем критически оценить, является ли корректным то прочтение данного аргумента, которое предложил С. Крипке.

Крипкевская интерпретация аргумента

Оригинальность крипкевского видения аргумента индивидуального языка состояла в том, что он иначе, нежели большинство

---

¹ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. I. С. 75–319.

² Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М., 2010.

³ Putnam H. On Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // Proceedings of Aristotelian Society. 1996. Supp. Vol. 70. P. 255.

витгенштейноведов, прочел соответствующие параграфы «Философских исследований». Крипке посчитал, что суть аргумента содержится не в параграфах, следующих за § 243, которые по обыкновению считались посвященными аргументу индивидуального языка, а, напротив, в более ранних пассажах. Так, он предполагал, что в § 201–202, которые, с его точки зрения, вообще представляют собой квинтэссенцию главной темы «Философских исследований», уже представлен вывод относительно проблемы индивидуального языка. А пассажи, следующие за § 243, являются, скорее, только следствиями этих более фундаментальных положений. Вот как сам Крипке описывает эту ситуацию во введении к своей книге:

«Общепринятый взгляд на “аргумент индивидуального языка” в “Философских исследованиях” предполагает, что он начинается с раздела 243 и продолжается в разделах, непосредственно следующих за ним. Согласно этой точке зрения данный аргумент имеет дело прежде всего с проблемой, касающейся “языка ощущений”. Дальнейшее обсуждение аргумента в рамках этой традиции, как в поддержку, так и с критикой, акцентирует внимание на следующих вопросах: Принимает ли данный аргумент форму принципа верификации? Оправдана ли эта форма? Применяется ли она корректно к языку ощущений? Основывается ли данный аргумент на чрезмерном скептицизме относительно памяти и т.д.? Некоторые решающие пассажи, следующие за § 243, – например, такие знаменитые разделы, как § 258 и § 265 – в известной степени остались темными для комментаторов, и считалось, что их надлежущая интерпретация должна обеспечить ключ к “аргументу индивидуального языка”.

С моей точки зрения, действительный “аргумент индивидуального языка” нужно искать в разделах, *предшествующих* § 243. В самом деле, уже в § 202 вывод делается *в явной форме*: “Следовательно, невозможно подчиниться правилу “индивидуально”, иначе мысль о подчинении правилу была бы тем же, что и само

подчинение”. Я не думаю, что Витгенштейн здесь осознанно *предвосхитил* аргумент, который он должен был дать в деталях позднее. Напротив, все решающие размышления содержались в обсуждении, постепенно подготавливающим вывод, сделанный в § 202. Разделы, следующие за § 243, должны прочитываться в свете предшествующего обсуждения, ибо трудные в любом случае, они оказываются гораздо менее понятными, если прочитываются в изоляции. Примененный к *ощущениям* “аргумент индивидуального языка” является только специальным случаем более общих рассуждений о языке, заявленных ранее...»¹

На содержательном уровне оригинальность подобной интерпретации заключалась в том, что Крипке напрямую связал аргумент индивидуального языка с проблемой следования правилу, и из-за этого сам аргумент начал звучать по-иному. Он перестал быть лишь аргументом о языке индивидуальных субъективных ощущений. Именно так его рассматривали до Крипке, именно этот взгляд был представлен, к примеру, в дискуссии А. Айера² и Р. Риса³. Теперь же понятие индивидуального языка стало значительно шире. Референтами языковых выражений в данном случае отныне могли выступать не только ощущения, но и вещи внешнего мира, абстрактные сущности, события, короче говоря, вся совокупность предметностей, которая обычно соотносится с использованием языка. Главной спецификой новой интерпретации данного аргумента явилось то, что агент речи должен употреблять языковые выражения в качестве своеобразного Робинзона, изолированного от какой-либо связи с сообществом. И вот здесь в отношении индивидуального языка как раз и возникает та проблема, которая

---

¹ Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М., 2010. С. 14–15.

² Ayer A.J. Can there be a Private Language? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1954. Supp. Vol. 28. P. 63–76.

³ Rhees R. Can there be a Private Language? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1954. Supp. Vol. 28. P. 77–94.

формулируется Крипке как проблема следования правилу. По сути, невозможность индивидуального языка для Крипке возникает из-за наличия проблемы следования правилу в той ее формулировке, которую он изложил в своей книге.

Суть проблемы, связанной с употреблением языковых выражений, у Крипке состоит в следующем. Сейчас, в данный момент употребления знака '+' в выражении '2 + 2', я оказываюсь в затруднении относительно того, какое значение приписать этому знаку. Казалось бы, значением '+' должен выступать плюс, арифметическая функция сложения. Но дело в том, что из-за конечности моего опыта познания я не имею в своем распоряжении, не созерцаю целиком всю функцию сразу. По этой причине логически допустимой оказывается следующая эпистемологическая коллизия. Возможно, в данном конкретном примере я употребляю '+' для обозначения иной функции, скажем, квус, которая отличается от плюса в области больших чисел, но здесь, по отношению к числу 2, она оказывается совершенно идентичной плюсу. Возникает радикальная двусмысленность. В данном частном применении знака '+' мое употребление этого выражения подпадает сразу по крайней мере под два правила, и нет ничего в опыте моего сознания, чтобы могло разрешить это затруднение.

Таким образом, употребляя слово, мы не фиксируем его значение. Самое большое, на что мы можем надеяться, – это ухватиться за созданную нами самими иллюзию стабильности, впечатление того, что мы все же понимаем, что имеем в виду, используя выражения языка. И вот эту иллюзию, по мысли Крипке, как раз и не способен продуцировать и поддерживать изолированный Робинзон, использующий язык индивидуально. Он, подобно буриданову ослу, постоянно будет находиться в ситуации радикальной неопределенности выбора между теми альтернативными правилами, которым он может следовать в своем словоупотреблении.

Единственной спасительной соломинкой, за которую может ухватиться агент речи, считает Крипке, выступает сообщество.

Именно оно способно генерировать и поддерживать ту иллюзию относительной стабильности значений, которая столь необходима для успешного использования языка. Эта иллюзия стабильности порождается в субъекте за счет того, что он наблюдает одобрения своих словоупотреблений в реальной практике использования языка со стороны других участников коммуникации. Получая подобные одобрения, агент речи подкрепляет свою уверенность в корректности той интерпретации значений слов, которой он придерживается в данный момент. Так возникает впечатление стабильного и ясного употребления языковых выражений.

Крипке понимает, что таким образом генерируются не сами значения, не правила, а лишь иллюзии значений, ибо за счет своей причастности к сообществу говорящих со мной на одном языке ни я, ни другие члены данной лингвистической группы не приобретают каким-то чудесным образом способность созерцать правило как определенную универсальную сущность целиком. Тем не менее постоянные перекрестные ссылки друг на друга среди членов сообщества делают свое нужное дело. Они вселяют уверенность в то, что агенты речи правы, корректны в своих лингвистических действиях. И эта, в буквальном смысле языковая, игра является единственным возможным выходом из создавшейся скептической ситуации, ибо данное условие – генерация иллюзии значения в коммуникации – оказывается необходимым и, главное, достаточным для успешного функционирования языка. Индивидуальный же язык оказывается в принципе невозможным именно по этой причине. В нем не выполняется данное условие функционирования языка. В нем отсутствует даже иллюзия относительной стабильности значений слов. В нем царит полный хаос и неопределенность.

Взгляд из Оксфорда

Однако не все в последующие после выхода книги Крипке годы разделили выраженную в ней позицию. Так, авторитетные вит-

геншейноведа из Оксфорда – Г. Бейкер и П. Хакер – активно критиковали крипкевскую интерпретацию¹.

В противовес Крипке Бейкер и Хакер утверждали, что Робинзон как лингвистический субъект, способный следовать правилам употребления выражений, вполне возможен. Во втором томе своего объемного «Аналитического комментария» к «Философским исследованиям» Л. Витгенштейна они обращают внимание на совершенно иной аспект практики следования правилу и успешного функционирования языка: «Понятие следования правилу здесь связано с понятием регулярности, а не с понятием сообщества следующих правилу...»², – хотя и не акцентируют столь настойчиво свое противопоставление позиции сообщества. Но в работе, которая конкретно посвящена критике книги Крипке, тон замечаний оксфордских философов оказывается более однозначным: «Отметим, что в этом обсуждении ничто не говорит о каких-либо обязательствах относительно множественности *агентов*. Весь акцент – на регулярности, на множественности *обстоятельств* действия. Ключевым для понятия следования правилу является периодически повторяющееся действие в соответствующих контекстах, действие, которое *расценивается как следование правилу*»³.

По сути, позиция Бейкера и Хакера сводится к следующему. Для распознавания правил, для стабильного следования им, для успешного функционирования языка, значения выражений которого должны содержать в себе правила их употребления, вовсе не обязательно наличие коммуникативного сообщества, достаточно лишь субъективной регулярности, повторяемости действий. Когда лингвистические действия Робинзона регулярны, когда он из раза в раз употребляет языковые выражения по отношению к одним

---

¹ Бейкер Г.П., Хакер П.М.С. Скептицизм, правила и язык. М, 2008.

² Baker G.P., Hacker P.M.S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity. Oxford, 1985. Vol. 2 of an Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. P. 140.

³ Бейкер Г.П., Хакер П.М.С. Скептицизм, правила и язык. М, 2008. С. 49–50.

и тем же предметам, фактам, событиям, когда такое употребление входит для него в привычку, тогда, считают оксфордские философы, у нас нет никаких оснований отказывать ему, во-первых, в определенной стабильности использования языка, и во-вторых, в том, что он понимает, в каком смысле употребляет слова, каким правилам следует. Собственная субъективная регулярность лингвистических действий будет дисциплинировать Робинзона, он окажется способным сверять свои нынешние употребления с предыдущими и выбирать в качестве правильных те, регулярность которых выше.

С критикой такой позиции выступил, в свою очередь, известный американский витгенштейновед, непосредственный ученик Витгенштейна Н. Малколм. Он указал на то, что о Робинзоне можно говорить в разных смыслах, проведя различие между физически изолированным Робинзоном, который большую часть своей жизни провел в человеческом сообществе, но однажды либо по воле случая, либо в связи с неотвратимыми роковыми событиями оказался в одиночестве, и изначально изолированным Робинзоном, который всю свою жизнь прожил вне коммуникации с другими людьми. Для краткости обозначения мы будем называть этих двух мыслимых субъектов «Робинзон по несчастью» и «Робинзон по рождению».

Американский витгенштейновед считает, что Робинзон по несчастью, бесспорно, возможен. В дискуссии о возможности / невозможности индивидуального языка речь должна идти не об этом: «Большинство из нас следует правилам, когда мы находимся одни. Я вычисляю свой подоходный налог в одиночестве. Я пишу письма, читаю, думаю, когда я один. Я вырос в англоязычной среде и несу ее с собой, где бы я ни был. Если бы я потерпел кораблекрушение, подобно Робинзону Крузо, на необитаемом острове, я бы мог припомнить (по крайней мере, на время) мое знание английского или арифметику. Это естественно для людей – производить вычисления, следовать инструкциям, подготавливать пла-

ны в одиночестве. В этом смысле каждый из нас является “уединенным индивидом” достаточное количество времени. Конечно, каждый из нас потратил много лет на изучение речи, письма и вычислений. Мы выросли в сообществах носителей языка и тех, кто следует правилу. *Философская* проблема относительно “тех, кто следует правилу уединенно” должна состоять в вопросе, смогли бы тот, кто вырос в полной изоляции от людей, создать язык для своих собственных нужд. Мог ли существовать Крузо, который (в отличие от Крузо Дефо) никогда бы не был членом человеческого общества, и тем не менее который придумал бы язык для своей повседневной жизни? И признает ли Витгенштейн такую возможность?»¹

Поскольку Малколм находится в оппозиции Бейкеру и Хакеру по вопросу об индивидуальном языке, то вполне понятно, что он, во-первых, сам дает отрицательный ответ на эту, как он подчеркивает, *философскую* проблему, и во-вторых, Малколм считает, что и Витгенштейн также высказался бы против возможности существования прирожденного Робинзона. Общественное согласие для Малколма является тем необходимым основообразующим фоном, на котором могут возникнуть язык и практика следования правилу. Робинзон по рождению изначально лишен возможности быть вписанным в это коммуникативное сообщество, поэтому его предполагаемые попытки создать свой язык и следовать правилам самостоятельно обречены на провал в виду отсутствия тех критериев, по которым он мог бы оценить корректность своих действий. Прирожденный Робинзон, по мысли Малколма, не был бы способен провести различие между своей убежденностью в следовании правилу и действительным следованием, различие, на важность которого указывал Витгенштейн в § 202 «Философских исследований»: «Стало быть, “следование правилу” – некая практика. *Пола-*

---

¹ Malcolm N. Wittgenstein on Language and Rules // Philosophy. 1989. Vol. 64. P. 17.

гать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. Выходит, правилу нельзя следовать лишь “приватно”; иначе думать, что следуешь правилу, и следовать правилу было бы одним и тем же»¹.

В ответ на критические замечания Н. Малколма Г. Бейкер и П. Хакер предлагают нам более тщательно рассмотреть концепт Робинзона по рождению. Оказывается, одиночество такого Робинзона тоже может быть случайным. Причем речь не должна идти о том, что он при определенных обстоятельствах может вступить в коммуникацию с другими, достаточно лишь того, что, когда мы извне обратим внимание на его субъективные действия, мы будем способны при надлежащей продолжительности наших наблюдений зафиксировать регулярности в его индивидуальных лингвистических практиках. И это, с точки зрения Бейкера и Хакера, уже показывает неиндивидуальный характер такого языка: «Очевидно, мыслимо, утверждал Витгенштейн, чтобы каждый субъект говорил только с самим собой, чтобы он знакомился только с теми языковыми играми, в которые играет сам (задавая самому себе нормы или убеждения, ставя перед собой вопросы и т.д.), и даже чтобы язык этих людей имел очень большой словарь. Исследователь, который бы изучал этих монологистов, мог бы понять выражаемые ими мысли и преуспеть в вероятном переводе на свой собственный язык посредством наблюдения за тем, как их действия соотносятся с их артикулированной речью. Изучая их язык, он мог бы приобрести способность предсказывать то, что они могли бы сделать, в той мере, в какой то, что они говорят, включает в себя прогнозирования или решения»². Такого Робинзона можно назвать эмпирически случайным. С рождения он жил в изоляции и исполь-

---

¹ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. I. С. 163.

² Baker G.P., Hacker P.M.S. Malcolm on Language and Rules // Hacker P.M.S. Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford, 2001. P. 175–176.

зовал язык только индивидуально. Однако данный характер его лингвистической деятельности все равно не является необходимым. И обнаруживается это не только и не столько в том, что он может вступить в диалог с другими, а лишь в том, что другие могут подсмотреть, как он использует свой язык, и признать такое использование вразумительным.

Основными понятиями, с помощью которых Бейкер и Хакер пытаются зафиксировать специфику своей позиции, являются понятия совместного (shared) и совместимого (shareable) языков. Язык необязательно должен быть совместным, т.е. выработанным в процессе реальной коммуникации между субъектами. При чем язык Робинзона по несчастью, конечно же, не становится несовместным только потому, что он вдруг, по воле случая, оказывается один. Несовместный язык – это язык прирожденного Робинзона. И он, по мнению оксфордских философов, бесспорно, возможен. Однако всякий язык должен быть совместимым. Нельзя представить существование несовместимого языка. «...разногласие между Малколмом и нами возникает... по поводу того, действительно ли практика, которая учреждает основание или предпосылку существования правила, должна быть совместной, общественной практикой или же она может быть несовместной (но совместимой)»¹.

Совместимость означает то, что имеется логическая возможность понять такой язык. Эта возможность может так никогда и не быть реализована. Можно представить, что прирожденный островитянин так и проживет всю жизнь в одиночестве. Можно допустить даже и то, что он все же будет обнаружен, его действия и лингвистическая практика, которой он обладает, будут подвергнуты наблюдению, и что наблюдающие так ничего и не поймут из его языка в силу ограниченности времени или средств наблю-

---

¹ Hacker P.M.S. Wittgenstein: Meaning and Mind. Oxford, 1993. Vol. 3 of an Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Part I: Essays. P. 313.

дения. Опыт познания значений совместимого языка может окончиться неудачей, но должна быть мыслима небесполезность самой затеи такого познания. Логическая возможность познания совместимого языка заключается в том, что если мы, гипотетически, будем бесконечно долго наблюдать за агентом речи, то все же сможем распознать те регулярности в его лингвистической практике, которые он генерирует: «...обладание понятием, следование правилу, овладение языком предполагают не то, что все это должно быть совместным с другими людьми, но, скорее, что это *может быть совместимым*, что другим *есть смысл* понимать, соглашаться по поводу того, что расценивать как осуществление того же самого в отношении правила, как следование правилу тем же самым образом»¹.

Бейкер и Хакер подчеркивают, что проблема не в различии Робинзона по несчастью и Робинзона по рождению, как думал Малколм, а в том, чтобы зафиксировать тонкости в позиции прирожденного Крузо: «...контраст, рассматриваемый Витгенштейном, состоит не между совместным языком, который также может быть использован в одиночестве, и несовместным языком, но между *совместимым* языком и мнимым языком, который не может быть в принципе понят любым другим человеком»².

Логически необходимый Робинзон не тождествен прирожденному Робинзону. Последний мог бы вполне успешно использовать свой собственный язык, ни разу так и не столкнувшись с братьями по разуму за всю свою жизнь. И тем не менее он все равно являлся бы эмпирически случайным Робинзоном, ибо мыслимо, что если бы его лингвистическая практика стала предметом наблюдения, то в ней удалось бы распознать регулярности, формирующие правила. Логически необходимый Робинзон должен был бы использо-

---

¹ Hacker P.M.S. Wittgenstein: Meaning and Mind. Oxford, 1993. Vol. 3 of an Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Part I: Essays. P. 314.

² Ibid. P. 318.

вать абсолютно индивидуальный язык. При сколь угодно длительном наблюдении за его лингвистическими действиями мы никогда не смогли бы распознать в них никаких регулярностей. Но это означает лишь то, что никаких регулярностей в нем, по сути, нет. Бейкер и Хакер, как можно предположить на основании хода их рассуждений, утверждают необходимый характер следствия: если регулярности в языке есть, то они могут быть обнаружены. Соответственно, по *modus tollens* можно заключить: если регулярности в принципе обнаружить невозможно, следовательно, их в языке нет. Но если в лингвистической практике отсутствуют какие-либо регулярности употребления знаков, то это, в свою очередь, означает, что и языка как такового нет. Имеет место лишь хаотическое нагромождение фонем, не подчиняющееся никаким закономерностям. Представляется, что именно поэтому Бейкер и Хакер называют такой язык мнимым. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это звуковое нагромождение только напоминало бы язык, но таковым бы не являлось. Логически необходимый Робинзон не в состоянии говорить, ибо абсолютно индивидуальный, несовместимый язык невозможен.

Почему Витгенштейн говорит о языке ощущений?

Несмотря на столь мощный критический заряд, который содержится в исследованиях оксфордских витгенштейноведов по отношению к позиции Крипке и его последователей, обращает на себя внимание то, что в определенных принципиальных моментах интерпретации противоборствующих сторон схожи. Так, исходя из представленной выше аргументации Бейкера и Хакера, можно заключить, что они не против расширения референциального поля предполагаемого индивидуального языка. Бейкер и Хакер, как и Крипке, должны были признать, что Робинзон может говорить о чем угодно, например о вещах внешнего мира. Они были недовольны лишь тем, что Крипке необходимым условием функциони-

рования языка посчитал его актуальное осуществление в интерсубъективной лингвистической практике. В противовес этому они заявляли, что язык даже изолированного от рождения Робинзона все равно возможен. Наиболее принципиальный момент в рассуждении возникал при введении условия, что если в отношениях между языковыми выражениями и их референтами не будет никакой, даже лишь потенциально обнаруживаемой, регулярности, то такой язык нужно будет расценить как логически необходимо невозможный, а значит, в понимании Бейкера и Хакера, – мнимый, индивидуальный язык.

Но все же как быть с тем, что в § 243 «Философских исследований» Витгенштейн, что называется, черным по белому ставит вопрос именно о языке *ощущений*? Витгенштейн трактует индивидуальный язык именно таким образом, и именно относительно такого языка возникает вопрос о его возможности: «Но мыслим ли такой язык, на котором человек мог бы для собственного употребления записывать или высказывать свои внутренние переживания – свои чувства, настроения и т.д.?»¹

Возникает подозрение, что Крипке в своей интерпретации оказывается слишком груб, проводя масштабную связь аргумента индивидуального языка с проблемой следования правилу и полностью погружая содержание § 243 в контекст § 201–202. И, в сущности, масштабная дискуссия между последователями Крипке и оксфордскими витгенштейноведами, основные моменты которой были представлены выше, нисколько не проясняет ситуацию. На основании позиции Крипке мы не можем ответить на вопрос, почему индивидуальным Витгенштейн называет только тот язык, референтами которого выступают внутренние переживания. На основании же позиции Бейкера и Хакера мы вообще не можем сказать, почему язык ощущений следует расценивать

---

¹ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. I. С. 171.

как логически необходимый индивидуальный язык. Поясним последний тезис.

Когда Бейкер и Хакер называют индивидуальный язык мнимым, т.е. говорят, что, по сути, это уже и не язык, что на уровне логической индивидуальности язык просто исчезает, то их рассуждение выглядит корректным. Однако все снова становится не столь прозрачным, когда мы коснемся вопроса о языке ощущений. Дело в том, что регулярности языка ощущений невозможно презентировать в intersubjectивной коммуникации не потому, что они как таковые отсутствуют, а лишь потому, что абсолютно непрозрачными оказываются те предметы, на которые знаки данного языка должны указывать. Реципиент речи не способен проникнуть в сознание говорящего, не способен за него испытать те ощущения, которые агент речи пытается описать. Но если сам говорящий может отдать себе отчет в том, что он испытывает в тот или иной момент своей внутренней психической жизни, то становится не совсем понятным утверждение Бейкера и Хакера (а они такое утверждение в самом деле делают¹), что такой субъект не будет способным продуцировать регулярности. Исходя из их предшествующих рассуждений, вполне можно было бы сказать, что такому субъекту ничто бы не мешало продуцировать регулярности в действиях означивания ощущений, ибо для этого ему вовсе не обязательно было бы актуальное присутствие и корректировка со стороны социальной группы. Невозможность же рассказать другим об этих регулярностях в данном случае, как представляется, все же не имеет логического характера. Скорее, она основана лишь на том эмпирическом обстоятельстве, что устройство познавательного аппарата реципиента речи таково, что он не способен зафиксировать предметы означивания, к которым обращается говорящий. Но из этого логически не следует, что таких предметов нет, как и не

---

¹ Baker G.P., Hacker P.M.S. Malcolm on Language and Rules // Hacker P.M.S. Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford, 2001. P. 322–323.

следует, что нет регулярностей, касающихся появления и фиксации этих предметов. Нет ничего *логически* невозможного в допущении такого познавательного аппарата – например, божественного, – который был бы способен фиксировать ощущения, относящиеся к внутреннему миру человека.

Принцип внутренней связи между наличием регулярности и возможностью ее демонстрации, который читался в ходе рассуждений оксфордских философов, можно сформулировать еще в более общем виде: *логическая невозможность* демонстрации чего бы то ни было возникала бы только тогда, когда этого нечто, что мы собираемся демонстрировать, на самом деле нет; в любом ином случае невозможность демонстрации была бы лишь эмпирической, а не логической. Регулярности мнимого языка невозможно показать другим, потому что их нет, потому что язык лишь мнится, на самом деле его нет. Но регулярности языка ощущений невозможно показать по иной причине, и потому нет оснований считать такой язык мнимым.

Если считать, что субъект не способен фиксировать регулярности появления своих ощущений и задавать регулярности их означивания, то в таком случае нужно признать, что данный агент речи нуждается в других субъектах, чтобы генерировать эти регулярности. Но ведь это означало бы не что иное, как принятие позиции Малколма, который утверждал, что говорящему, чтобы не потеряться в своем лингвистическом опыте, необходимы актуальная оценка и корректировка его действий со стороны сообщества. Очевидно, что Бейкер и Хакер утверждали обратное: субъект способен самостоятельно генерировать регулярности. И если эти регулярности действительно имеют место, то их в принципе могут распознать другие.

Распознать регулярности языка ощущений *в принципе* возможно. Утверждать обратное – значит помещать себя в сферу эмпирически случайного. Утверждать невозможность языка ощущений лишь на том случайном эмпирическом основании, что люди не

способны проникать во внутренние психические миры друг друга, – то же самое, что и утверждать невозможность языка прирожденного Робинзона только лишь на том случайном эмпирическом основании, что этот субъект за всю свою жизнь так и не повстречался с другими носителями языка. В ходе своих рассуждений оксфордские философы настойчиво склоняли нас к выходу на чисто логический, а не эмпирический уровень размышления, но в итоге сами попали в ту западню, от которой предостерегали.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что ни оригинальная интерпретативная стратегия С. Крипке, ни стратегия его оппонентов из Оксфорда не позволяют ответить на поставленный выше вопрос: почему Витгенштейн называет индивидуальным языком именно язык ощущений? Кажется, что Бейкер и Хакер были более чутки к тексту «Философских исследований», поскольку, в отличие от Крипке, многократно обращали внимание на этот важный аспект мысли Витгенштейна, но та аргументация, которую они в итоге выстроили в своей полемике с Крипке, так и не дает удовлетворительного ответа. Бейкер и Хакер утверждали, что язык ощущений действительно является логически необходимым индивидуальным языком, однако их аргументы были недостаточны для обоснования данного тезиса.

Аргумент индивидуального языка и проблема следования правилу

Спор между С. Крипке и оксфордскими витгенштейноведами развернулся вокруг того, что считать достаточным условием возможности следования правилу употребления языковых выражений. Крипке считал, что таковым условием выступает согласие сообщества (и потому индивидуальный язык изолированного Робинзона невозможен), Бейкер и Хакер полагали, что для следования правилу достаточно лишь субъективной регулярности (и потому невозможен только логически необходимый, мнимый

индивидуальный язык). Однако в основании данной дискуссии находится общее убеждение, которое, как это видно, оппоненты разделяют. Они напрямую связывают вопрос об индивидуальном языке с проблемой следования правилу. Основания словоупотребления в соответствии с правилами трактуются по-разному, но индивидуальный язык невозможен как раз из-за того, что в нем исчезает правилосообразная деятельность – это есть важнейший пункт в рассуждении, относительно которого оппоненты обнаруживают согласие.

Как мы уже выяснили, данный ход мысли не дает возможности ответить на вопрос, почему Витгенштейн называет индивидуальным языком именно язык ощущений. Соответственно, чтобы попытаться представить удовлетворительный ответ на поставленный вопрос, было бы уместным отказаться от того основания, на котором выстраивалась интерпретация, не приведшая к успеху. Это мы и предлагаем сделать. Попробуем рассмотреть § 243 и следующие за ним автономно, без отношения к § 201. Попытаемся обсудить аргумент индивидуального языка без непосредственной связи с проблемой следования правилу.

Если ориентироваться на содержание «Философских исследований», то сложно поспорить с тем утверждением, что целью функционирования обыденного языка является коммуникация в сообществе, поддерживающая взаимодействие субъектов в процессе совместной деятельности. Если это так, то язык в принципе должен быть публичным. Цель агента речи – некоторое сообщение, послание реципиенту. Чтобы эта цель была достижимой и послание успешным, значениями языковых выражений должно выступать то, что в принципе может быть передано другому, значения должны быть intersubjektivны. Конечно, вполне возможно, что это требование будет выполняться только потенциально. Вполне мыслим изолированный Робинзон, разговаривающий сам с собой. Однако в таком случае он будет обращаться к некоторому воображаемому собеседнику в качестве реципиента его речевых

актов, и должно быть мыслимо, чтобы этот предполагаемый собеседник Робинзона понимал. Это значит, что языковые выражения Робинзона должны быть потенциально открытыми, должна существовать возможность, чтобы их значения были восприняты иными людьми. Если бы языковые выражения имели абсолютно непрозрачные значения, то языковая деятельность просто лишалась бы смысла, ибо язык переставал бы выполнять свою главную функцию – обеспечение коммуникации.

Далее, если субъективные ощущения являются абсолютно непрозрачными, а это так, по крайней мере по отношению к возможностям познавательного аппарата людей, то язык, значениями выражений которого были бы эти ощущения, не имел бы смысла. Индивидуальный язык невозможен не потому, что использующий его агент речи натолкнулся бы на непреодолимые преграды при продуцировании языковых выражений (как это понималось при связи аргумента индивидуального языка с проблемой следования правилу), а лишь в силу того простого обстоятельства, что это продуцирование было бы бессмысленным. Индивидуальный язык – это мнимый язык, но не потому, что в нем отсутствует какая-либо регулярность в правилах употребления языковых выражений, а потому, что он не выполняет главную функцию языка – не обеспечивает интересубъективную коммуникацию. Не существует языка ощущений, ибо ощущение в качестве значения языкового выражения не транслируемо, а цель языка – трансляция значений.

Если отказаться от прямой корреляции аргумента индивидуального языка с проблемой следования правилу и принять в качестве предпосылки лишь крайне простое и, как кажется, очевидное утверждение, что для позднего Витгенштейна язык – это социальное явление, а языковая деятельность – это публичная деятельность, то у нас появляется возможность удовлетворительной интерпретации сразу двух важнейших аспектов темы индивидуального языка. Мы объясняем, почему индивидуальным языком

Витгенштейн называет именно язык ощущений и почему он считает, что такой язык невозможен.

***Что на самом деле обозначают слова,
которые должны обозначать ощущения?***

Приведенная выше интерпретация, по крайней мере в качестве одного из возможных взглядов на позднего Витгенштейна, могла бы нас удовлетворить, если бы не одно «но». Как объяснить тот очевидный эмпирический факт, что мы широко используем в нашем обыденном языке выражения, обозначающие внутренние переживания, эмоции, ощущения? Если язык обязан быть потенциально публичным и если субъективные переживания принципиально не публичны, то как они могут быть значениями языковых выражений? Эти выражения, исходя из предложенной интерпретации, не могут нести никакого смысла, их продуцирование совершенно бесполезно. Зачем в таком случае мы используем их в нашей речи?

В параграфах, следующих за § 243, Витгенштейн, как это можно заметить, прилагает усилия к тому, чтобы показать, что язык ощущений является таковым только по видимости. Нам кажется, что мы имеем слова, обозначающие ощущения, но на деле более тщательный анализ показывает, что это не так. В этом можно увидеть типичный для позднего Витгенштейна методический ход – своеобразную терапию, освобождение путем тонкой аналитической работы от тех пут и ловушек, в которые нас вовлекает столь сложная и многогранная стихия языка.

Что имеет в виду ребенок, когда научается произносить фразу «Мне больно»? Сделать значением данного выражения свое болевое ощущение он не может, ибо оно абсолютно субъективно, а язык обязательно должен предполагать возможность intersubjectивной коммуникации. И все же это выражение осмысленно. Ребенок обучается родителями с помощью фраз, подобных этой,

обращать внимание других не на свое ощущение, а на свое *поведение*, связанное с болевым ощущением. Если ощущение абсолютно субъективно, то болевое поведение уже, так сказать, выставлено вовне, оно оказывается доступным для фиксации другими субъектами и, таким образом, уже может стать значением языкового выражения. Фраза «Мне больно» в устах ребенка должна вызвать отклик у других на демонстрируемое болевое поведение. Ребенок ждет помощи или хотя бы сочувствия. Причем сочувствие может быть вызвано именно благодаря тому, что взрослый способен заметить в интересубъективной среде по поведению ребенка, что он имеет определенное ощущение. Когда ребенок произносит, обращаясь к родителю: «Мне больно», – он подразумевает: посмотри, как я себя веду, я показываю, что имею ощущение.

Языком ощущений может быть не только членораздельный язык слов и выражений. Это могут быть, например, стон, гримаса. Гримаса боли, выраженная произвольно, допустим, в результате болевого шока, языком еще не является. Но если она выражена намеренно, то она имеет целью некоторое послание другим субъектам в сфере интересубъективной коммуникации. Ее значением выступает болевое поведение. Своим поведением субъект показывает вовне, что имеет остро неприятное ощущение. Болевое поведение – это ощущение, вывернутое наизнанку, вовне, чтобы его заметили другие.

В § 261 Витгенштейн радикализирует описанный выше ход рассуждения, подтверждая, как кажется, наши соображения: «Какое у нас основание называть “О” знаком какого-то *ощущения*? Ведь “ощущение” – слово нашего общепринятого, а не лишь мне одному понятного языка. Употребление этого слова нуждается в обосновании, понятном всем. Не спасало бы положения и такое высказывание: с человеком, записавшим “О”, *что-то* происходило, пусть это и не было *ощущением*, – больше этого ведь и не скажешь. Дело в том, что слова “происходить” и “что-то” тоже принадлежат общепринятому языку. – Итак, в ходе философствования

рано или поздно наступает момент, когда уже хочется издать лишь некий нечленораздельный звук...»¹

Оказывается, предложение «Язык ощущений не имеет в качестве референтов ощущения» тоже является не совсем корректным. Дело в том, что ощущения, которые мы переживаем в субъективности, вообще не описываются словом «ощущение». Они в прямом смысле немые, они не могут стать значениями каких-либо языковых выражений, ибо язык должен предполагать публичность. Если слово «ощущение» нашего общего языка осмысленно, если оно имеет значение, то его значением не выступает ощущение. Скорее, его значением выступает опять же поведение, представляющее вонне то, что с нами происходит внутри. Витгенштейн показывает, что о том, что с нами происходит внутри, мы никогда не говорили и не пытались говорить. Используя такие видовые слова для ощущений, как «боль», «страх» и т.д., и такое родовое слово, как «ощущение», мы никогда не обозначали ощущений. Мы никогда не обозначали того, что обозначить невозможно. Слово «ощущение» всегда обозначало лишь поведение.

Между прочим, на эти тонкие моменты в рассуждениях, представленных в «Философских исследованиях», обращает наше внимание все тот же П. Хакер, который уже после смерти своего друга и неизменного соавтора – Г. Бейкера – продолжил публикацию скрупулезных пошаговых комментариев к главному сочинению позднего Витгенштейна: «Параграф 261 представляет решающее соображение: остенсивное определение, например “красный”, предполагает грамматику дефиниендума, а именно то, что это – слово для цвета. Отсюда “индивидуальное” остенсивное определение “боли” должно предполагать, что оно является именем *ощущения*. Но “ощущение” есть слово нашего общего (публичного) языка...»²

---

¹ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. I. С. 175.

² Hacker P.M.S. Wittgenstein: Meaning and Mind. Oxford, 1993. Vol. 3 of an Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Part I: Essays. P. 5.

Подобные пассажи лишней раз указывают на заслуживающую высокой оценки проницательность и аккуратность этого оксфордского философа в интерпретации «Философских исследований». Ему, по сути, удалось увидеть аргумент индивидуального языка с совершенно иной стороны, не так, как это сделал Крипке, не так, как это делал он сам ранее в соавторстве с Г. Бейкером, ввязавшись в спор с приверженцами крипкевской трактовки аргумента. Может быть, аргумент индивидуального языка вообще не стоит напрямую связывать с проблемой следования правилу. Его можно рассмотреть автономно, представив иную, отличную от наиболее распространенных версий, стратегию обоснования того, почему индивидуальный язык невозможен.

3. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА

3.1. Теория речевых актов в феноменологии и аналитической философии: опыт сравнительного анализа

(Р.А. Юрьев)

Теория речевых актов, как правило, известна благодаря работам таких философов XX в., как Дж.Л. Остин и Дж.Р. Серл и рассматривается главным образом в рамках традиции аналитической философии. Дж. Остин и Дж. Серл, обращая внимание на дифференциацию языковых ситуаций и тех правил, которые ими управляют, выделили большое количество методологически важных понятий, с помощью которых анализ многообразных речевых актов стал претендовать на статус отдельной философской дисциплины, имеющей к тому же и определенное практическое и методологическое значение для гуманитарных наук. Понятие речевого акта прочно вошло в современный философский лексикон и вполне справедливо связано с именами названных авторов.

Однако, существует точка зрения Кевина Маллигана¹ и Барри Смита², согласно которой истоки теории речевых актов необходимо искать гораздо раньше, а именно, как это часто принято называть, в «континентальной» философской традиции. Истоки теории речевых актов современные исследователи К. Маллиган и Б. Смит

---

¹ Mulligan K. Promisings and other Social Acts: Their Constituents and Structure // Speech Acts and Sachverhalt. Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology. Doordrecht, 1987. P. 29–90.

² См.: Smith B. Austrian Philosophy : the Legacy of Franz Brentano. Chicago ; La Salle, IL, 1994. URL: http://ontology.buffalo.edu/smith/book/austrian_philosophy/; Item. An essay on material necessity // Canadian Journal of Philosophy. 1992. Supp. 18. P. 301–322.

связывают с именем Адольфа Райнаха – феноменолога начала XX в., одного из геттингенских учеников Эдмунда Гуссерля. Согласно их позиции, А. Райнах, хотя и оставил в философской традиции сравнительно небольшое количество своих произведений, тем не менее предвосхитил многие концептуальные новации классической теории речевых актов в аналитической философии. Поэтому проблема заключается в том, можно ли говорить о единой теории речевых актов, невзирая на различия, связанные с принадлежностью частных теорий к аналитической философии или феноменологии.

На сегодняшний день предпринимаются попытки сравнительного анализа традиции феноменологии и аналитической философии как в зарубежной, так и отечественной традиции. Если это и происходит, то часто в контексте преодоления контрверз «англо-американской» и «континентальной» философии. Но в то же время можно утверждать, что трансформация теории речевых актов в контексте «лингвистического поворота» редко является предметом отдельных исследований, основной фокус которых смещен в аналитику наиболее репрезентативных фигур в философии: Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Г. Фреге, Л. Витгенштейна и др. Это позволяет, в свою очередь, вписать изменения, произошедшие в теории речевых актов, в контекст более обширных трансформаций философии в XX в. в целом.

В зарубежной литературе, посвященной компаративному анализу, стоит отметить статью Д. Фоллесдала «Введение в феноменологию для философов-аналитиков»¹. Что касается собственно сравнения феноменологии и аналитической философии в самой работе, то оно проходит по линии сходства и различия понимания «значения» у Г. Фреге и Э. Гуссерля. Не вдаваясь в подробности исследования Д. Фоллесдала, укажем, что вопрос «значения» при

---

¹ Фоллесдал Д. Введение в феноменологию для философов-аналитиков // Логика, онтология, язык. Томск, 2006. С. 158–173.

сравнении феноменологической и аналитической теорий речевых актов является одним из наиболее важных. Забегая вперед, отметим, что все различия теории речевых актов в феноменологии и теории речевых актов в рамках аналитической философии связаны именно с этим обстоятельством.

В отечественной философии феноменологию и аналитическую философию в процессе изменения параметров философствования в целом рассматривают Е.В. Борисов¹, В.А. Ладов², В.А. Суровцев³, при этом на первый план выдвигаются принципы контекстуальности, прагматики, перформативности, проективной открытости значения. Применительно к теории речевых актов в аналитической философии данные принципы позволяют рассматривать речевые акты как разновидность языковых игр, где конкретные речевые ситуации имеют смысл лишь в определенном социокультурном и историческом контексте. Употребление имен в данном случае связано с набором необходимых коннотаций, принятых в языковом сообществе.

Выделенные отдельно Е.В. Борисовым в монографии «Основные черты постметафизической философии языка» параметры философской трансформации позволяют взглянуть на изменения в теории речевых актов как на закономерный процесс развития теории, связанный с переосмыслением понятия «значения» в XX в. В свою очередь, если говорить о единстве теории речевых актов независимо от принадлежности к традиции (о чем и пытается ска-

---

¹ См.: Борисов Е.В. Основные черты постметафизической онтологии. Томск, 2009; Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической онтологии. Вильнюс, 2008. Т. 1. С. 84–143; Борисов Е.В., Ладов В.А., Суровцев В.А. Язык. Сознание. Мир : очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. Вильнюс, 2010.

² См.: Ладов В.А. Семантика и онтология: проблема реальности в аналитической философии : учеб. пособие. Томск, 2010.

³ См.: Суровцев В.А. О методах аналитической философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. СПб., 2012.

зять Кевин Маллиган), то необходимыми являются не только вышеназванные параметры, показывающие различия, но и те, благодаря которым можно говорить о единстве теории речевых актов независимо от философской принадлежности.

В.А. Суровцев, рассуждая об ответе на вопрос: «Что же такое “аналитическая философия”», – предлагает рассматривать параметры, задающие «семейное сходство» текстов аналитических философов, а именно то, что они определяются «топически», «генетически», «тематически» и «методически»¹. Следовательно, можно говорить о возможном единстве теории речевых актов, используя данные параметры применительно к теории речевых актов в феноменологии А. Райнаха и теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серла в аналитической философии.

Если взять в качестве основания *топический* и *генетический* параметры, то теория речевых актов в феноменологии и аналитической философии уходит своими корнями к работам родоначальников как феноменологии, так и аналитической философии. В первую очередь здесь имеется в виду так называемая «континентальная философия» конца XIX – начала XX в. Теория речевых актов А. Райнаха, безусловно, связана с творчеством Ф. Brentano, Э. Гуссерля и Т. Липпса, но также подтверждается факт знакомства А. Райнаха с работой Г. Фреге «Основоположения арифметики»². Можно предположить, что знакомство являлось опосредованным и было первоначально инициировано прежде всего изучением работ Э. Гуссерля периода «Философии арифметики» и «Логических исследований».

В свою очередь, вероятно, что на аналитическую теорию речевых актов оказали влияние и работы Г. Райла, который живо, но

---

¹ Суровцев В.А. О методах аналитической философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. СПб., 2012. С.74.

² Куренной В. Комментарии и примечания/Райнах А. Собрание сочинений. – М.: ДИК, 2001.– С.470.

критически интересовался феноменологией Э. Гуссерля и феноменологией М. Хайдеггера¹. В этом смысле дальнейшее обозначение Дж. Остином теории речевых актов как «лингвистической феноменологии» уже не выглядит случайным, как и точка зрения Дж. Серла о том, что философия языка является частью философии сознания, а такой знаковый термин феноменологии, как «интенциональность», в поздних работах Дж. Серла начинает приобретать важное значение.

Тематическое рассмотрение теории речевых актов в феноменологии и аналитической философии выглядит следующим образом. Сразу оговоримся, что при сравнении тематического поля нужно учитывать как общие черты, так и нюансы, которые обусловлены историко-философской ситуацией в тот или иной период. К примеру, феноменология А. Райнаха прежде всего следует общей антипсихологистской тенденции, свойственной как философии логического анализа Г. Фреге, так и феноменологии Э. Гуссерля раннего периода. Собственно говоря, «Априорные основания гражданского права» предвещают критика психологизма в общем виде и отдельно выделенные критические пассажи по отношению к психологическим теориям. Следует учитывать, что общий посыл антипсихологизма, свойственного феноменологии и логическому анализу того времени, А. Райнах полностью разделяет.

Такого же рода косвенная критика содержится и в более ранних работах А. Райнаха – «Кантово понимание проблемы Юма»² и «К вопросу о теории негативного суждения». Можно утверждать, что он разделяет общие положения гуссерлевского анализа идеальных объектов, а потому по умолчанию отталкивается от его

---

¹ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М., 2009. С. 56.

² См.: Райнах А. Кантово понимание проблемы Юма // Райнах А. Собрание сочинений. М., 2001. С. 43–75; Его же. К вопросу о теории негативного суждения // Райнах А. Собрание сочинений. М., 2001. С. 95–152.

результатов, не вдаваясь в подробности гуссерлевской аргументации¹.

Таким образом, можно говорить об едином тематическом и проблемном поле в феноменологии и аналитической философии, а часто и о схожей категориальной структуре, с помощью которой оно анализируется. Но что касается Дж. Остина и Дж. Серла, то разработка теории речевых актов в аналитической философии уже происходит в ситуации *post factum*, когда психологистские теории в философии стали маргинальным явлением. Работы Г. Фреге, Э. Гуссерля, Б. Рассела, Л. Витгенштейна и других исследователей

---

¹ Тем не менее платонические мотивы в философии А. Райнаха, свойственные Э. Гуссерлю раннего периода, крайне сильны. Для наглядности можно сравнить следующие высказывания А. Райнаха и Э. Гуссерля. А. Райнах пишет: «Те образования, которые общепринято называть специфически правовыми, обладают бытием так же, как числа, деревья или дома; что это бытие независимо от того, постигается ли оно людьми или нет, что оно, в частности, независимо от какого бы то ни было позитивного права. Не только ложно, но и по своему последнему основанию бессмысленно считать правовые образования творениями позитивного права... В действительности имеет место то, что так ревностно оспаривается: позитивное право преднаходит те правовые понятия, которые входят в него; оно ни в коем случае их не производит... Такого рода априорные положения имеются в изобилии, строго формулируемые и с очевидностью усматриваемые, независимые от какого бы то ни было постигающего их сознания, независимые и от каких бы то ни было вещей любого позитивного права, точно так же, как и те правовые образования, по отношению к которым они значимы». См.: Райнах А. Априорные основания гражданского права // Райнах А. Собрание сочинений. М., 2001. С. 156–157. Ср.: Гуссерль Э. Логические исследования Т. 1 // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 266. «Если мыслящих существ нет, если устройство природы исключает их, – пишет Э. Гуссерль, – и они, стало быть, реально невозможны – если для известных классов истин нет существ, которые были бы способны познать их, – тогда эти идеальные возможности лишены осуществляющей их действительности; в этом случае восприятие, познание, сознание истины (или же известных классов истин) никогда и нигде не реализуется. Но каждая истина сама по себе остается такой, какова она есть, сохраняет свое идеальное бытие».

сыграли здесь огромную роль. Потому и Дж. Остин, и Дж. Серл действуют в уже внутри сложившегося и нового философского словаря. Иными словами, то, что Г. Фреге, Э. Гуссерлю и А. Райнаху предстояло обосновать, для Дж. Серла и Дж. Остина представляется достаточно очевидным.

Однако при более пристальном рассмотрении можно обнаружить важные различия в деталях. Характеризуя творчество Г. Фреге, В.А. Суровцев указывает: «Знание, претендующее на истинность, не должно принадлежать сознанию отдельного человека. Сама истина формирует объективные аспекты референции, поскольку выступает в качестве предметного значения, не зависящего от конкретной психической жизни. Таковы все истины науки, значение которых оставалось бы неизменным, даже если бы не существовало ни одного человека. Объективность мысли сродни объективности вещей внешнего мира, которые не изменяются ни под воздействием нашего мышления, ни даже усилием воли. Дерево как внешний объект моих психических процессов не изменяется в результате того, что мое отношение к нему имеет определенную психологическую окраску, оно не изменяется в результате того, что я всегда воспринимаю лишь его часть. Так и мысль, будучи воспринята, не меняет своей истинности, но всегда пребывает самостождественной и неизменной»¹. С подобной характеристикой истины А. Райнах полностью бы согласился. Но при этом нужно учитывать, что платонизм Г. Фреге и А. Райнаха весьма различен по исполнению, что и необходимо продемонстрировать.

В работе «К вопросу о теории негативного суждения» А. Райнах критикует попытки связать негативное суждение с некими психологическими обстоятельствами. В психологистских теориях негативное суждение понималось как нечто такое, что относится к сто-

---

¹ Суровцев В.А. Автономия логики: источники, система и генезис философии раннего Витгенштейна. Томск, 2001. С. 45.

роне сознания. А. Райнаха при рассмотрении понятия «положения дел» больше интересуется смыслом того, что схватывается в суждении. Положения дел – это то, во что верится или утверждается в суждении, только они могут находиться в отношении основания и следования, принимать форму модальностей («форма предмета как таковая исключает модальность»)¹, в отличие от предметов могут быть позитивными или контрадикторно-негативными, не допуская при этом психологических характеристик в качестве атрибутивных.

Соответственно, умозаключения представляют собой цепочку следований положений дел. Суждение «красная роза», «роза красная» отражает единый вещный комплекс, лежащий в основании положения дел. Если положение дел не существует, то тогда существует положение дел, ему противоположное. А это никаким образом не может быть связано с психологически окрашенной концепцией негативного суждения как отрицания или отрицательного отношения к чему-либо. В этом смысле идеи А. Райнаха сходны по духу в антипсихологистском пункте с идеями Г. Фреге.

Иногда даже может показаться, что в некотором смысле А. Райнах вторит и вводимому Г. Фреге «принципу контекстности» («Необходимо всегда учитывать полное предложение. Только в нем слова обладают подлинным значением»²), говоря следующее: «Предположим, что кто-то выражается вопреки тем или иным требованиям словоупотребления. В таком случае его прежде всего упрекали бы в том, что он выражается вопреки употреблению языка, но никогда то, что он говорит, не стало бы ложным из-за использования неупотребительного выражения, если оно правильно, или же правильным, если оно ложно. Значение предложения,

---

¹ Райнах А. К вопросу о теории негативного суждения // Райнах А. Собрание сочинений. М., 2001. С. 121.

² Цит. по: Суровцев В.А. Автономия логики: источники, система и генезис философии раннего Витгенштейна. Томск, 2001. С. 36.

конечно, не затрагивается выражением, здесь речь действительно идет «лишь о различии слов»¹.

Однако данное рассуждение не должно вводить в заблуждение. Вряд ли это можно назвать по-настоящему принципом контекстности по той причине, что хотя А. Райнахом и признается очевидность произвольности знака, в то же время смысл и значение представляют единое целое. А. Райнах не проводит различия смысла и значения предмета, поэтому при сопоставлении суждений «красная роза растет в саду», противопоставленном суждению «бытие красным розы растет в саду», второе представляется А. Райнахом бессмысленным не по той причине, что у «бытия красным розы, растущей в саду» нет коррелята значения, а потому что оно «ложно и даже бессмысленно». Но, сопоставив суждения «красная роза растет в саду» и, например, «Souvenir du Docteur Jamain² растет в саду», мы увидим, что в райнаховской структуре положения дел невозможно помыслить эти суждения как эквивалентные, поскольку смысл жестко привязан к значению. Эквивалентными будут суждения типа «роза красная растет в саду», «в саду растет красная роза», «роза красная в саду растет» и т.д.

Внимание А. Райнаха сфокусировано на предметной, а не на функциональной стороне значения. В соответствии с терминологией Г. Фреге можно было бы здесь сказать, что аргументная часть суждения является у А. Райнаха строго фиксированной, что потом налагает определенный отпечаток на всю теорию речевых актов и априорных оснований права в целом. В итоге значение и смысл у А. Райнаха, совпадая в его априорных основоположениях и сущностных законах, предшествующих позитивному праву, имеют свою специфику и свои ограничения, тем самым не допуская малейшей возможности перформативного использования, как это

---

¹ Райнах А. К вопросу о теории негативного суждения // Райнах А. Собрание сочинений. М., 2001. С. 118.

² Сорт роз красного цвета.

в дальнейшем произошло в теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серла.

Значимость творчества Г. Фреге в становлении аналитической философии бесспорна, но при этом различие между смыслом и значением, согласно В.А. Ладову, привело к достаточно разнообразным интерпретациям его трудов. Часто категория значения, выделенная Г. Фреге, отсылает его творчество к так называемой «реалистской» позиции: в традиции аналитической философии творчество Г. Фреге виделось как демонстрация «референциалистской» семантики. Иными словами, за знаками стоит объективная реальность, состоящая из материальных объектов. С другой стороны, категория смысла позволяла относить творчество Г. Фреге уже к «антиреалистской» позиции, в частности к «ментализму», где «значением слова... могут выступать только определенные психические переживания – ощущение, впечатление, намерение и т.д., которые подразумеваются агентом речи при произнесении выражений языка»¹. Но также существует и позиция, согласно которой можно понимать «реализм в широком смысле, вводя сюда и область объективно существующих абстрактных объектов, и в таком случае Фреге предстал как адепт универсалистской семантики и снова становился реалистом (уже как платоник)»².

Не вдаваясь в подробности «реалистских-антиреалистских» дискуссий по вопросу принадлежности Г. Фреге к той или иной позиции, укажем на фундаментальную важность самого различения *смысла* и *значения*, которое инициировало данные споры. Дело в том, что теория речевых актов Дж. Серла явно эксплицирует в данном случае одну из сторон понимания *значения*. Основные тезисы о значении³ можно понимать так, что намерения говоряще-

---

¹ Ладов В.А. Семантика и онтология: проблема реальности в аналитической философии : учеб. пособие. Томск, 2010. С.16–17.

² Там же. С. 24.

³ См.: Searle J.R. Speech Acts : an Essay in Philosophy of Language. Cambridge, 1969. P. 48: «Понимание предложения есть знание его значения. 1. Значение

го и слушающего необходимо дополнить конвенционалистской трактовкой значения. Дж. Серл в данном конкретном случае говорит о том, что в языке есть конвенции значения, установленные «конститутивными правилами». Смысл воплощен в намерении говорящего как некая субъективная медиальная сторона значения. Значения же устанавливаются конвенционально в результате общей языковой практики. Поэтому Дж. Серл считает, что игнорировать сущности, имеющие объективное существование в рамках социокультурного и исторического сообщества, преждевременно, поскольку они задают базовые параметры коммуникации.

Таким образом, несмотря на очевидность *топического*, *генетического* и *тематического* параметров в теории речевых актов в аналитической философии и феноменологии, обнаруживаются и достаточно принципиальные различия, связанные с исходным пониманием *значения* в качестве предпосылки, которые определяют их специфический облик. Не нужно забывать и о разной терминологии, используемой А. Райнахом, с одной стороны, и Дж. Остином и Дж. Серлом – с другой, хотя и это различие, скорей всего, следует из вышеназванных предпосылок.

предложения определяется правилами, и эти правила устанавливают как условия произнесения, так и то, что произнесение позволяет считать нечто в качестве чего-то (counts as). 2. Произнесение предложения и значение являются содержанием: (a) намерения (i-1) заставить слушателя знать (узнать, быть предупрежденным), что определенные положения дел установлены определенными правилами; (b) намерения заставить слушателя знать (узнать, быть предупрежденным) это посредством признания (i-1); намерения (c) заставить его признать (i-1) в силу его знания правил произнесенного предложения. 3. Тогда предложение обеспечивает конвенциональные средства для достижения намерения произвести определенный иллокутивный эффект на слушателя. Если говорящий произносит предложение, и он имеет его в виду, то он будет иметь намерения (a), (b), (c). Понимание слушателем предложения будет просто состоять в постижении этих намерений. Намерения будут достигнуты, если слушатель понимает предложение, т.е. знает его значение и знает правила, определяющие его элементы».

Это необходимо помнить, говоря о *методическом* параметре. К. Маллиган отмечает особую тематическую общность теории речевых актов Дж.Л. Остина и теории социальных актов А. Райнаха. Оба они открывают новую сферу философии, рассматривая такие социальные и речевые акты, как сообщение, вопрошание, распоряжение, принятие обещания и т.д.¹ Но при этом для Дж. Остина важно то, что «целостный речевой акт в целостной речевой ситуации – это то *единственное реальное* явление, объяснением которого мы в конечном итоге занимаемся»². Для английского мыслителя характерно внимание к контексту и речевой ситуации в целом. Поэтому он и предлагает при анализе речевого акта рассматривать внешние условия его успешности / неудачности.

Для А. Райнаха же характерно внимание для выявления априорной, своего рода «эйдетически» усматриваемой, структуры. Но, тем не менее, с точки зрения К. Маллигана, Дж. Остин и А. Райнах, несмотря на совершенно различный теоретический фундамент, приходят примерно к одним и тем же заключениям о чертах речевых актов и необходимости различения лингвистических и нелингвистических компонентов. Новаторство А. Райнаха в рамках феноменологической традиции заключается в том, что он не только акцентирует внимание на ментальных состояниях, но и, связывая эти состояния с лингвистической оболочкой, вводит понятие «социального акта».

Схема социального акта, предложенная А. Райнахом, следующая: субъект («Я») обнаруживает себя во внутренних (внутренние акты) и внешних переживаниях. Наряду с внутренними актами существует и их внешнее выражение, которое не является для них необходимым условием. «Акту как таковому это не присуще (то,

---

¹ Mulligan K. Promisings and other Social Acts: Their Constituents and Structure // Speech Acts and Sachverhalt. Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology. Doerdrecht, 1987. P. 28.

² Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. С. 117.

что решение может выражаться в мимике, жестах, быть изъясленным вовне, сообщенным другим. – Р.Ю.), не является для него необходимым. Он вполне может протекать внутренним образом, он может спокойно пребывать в самом себе, не получая внешнего выражения <eine Äußerung> в каком бы то ни было смысле»¹.

Необходимым условием именно «социального акта» является его выражение: «распоряжение и просьба не могут осуществляться чисто внутренним образом»². Это «*переживания, направленные на другое лицо*» (А. Райнах). Подобного рода переживания «проникают в другого», нужно, чтобы другой «им внял». Именно здесь можно говорить о своего рода перформативности социального акта в данном понимании. «Все это социальные акты (просьба, увещание, вопрошание, распоряжение, сообщение, обещание. – Р.Ю.), которые тот, который их осуществляет, *в ходе самого осуществления* направляет другому лицу, чтобы закрепиться в его душе»³. Согласно К. Маллигану, это значит, что социальный акт не является ни ментальным действием, ни внелингвистическим, ни лингвистическим действием, – это «*фундаментально новое понятие*», включающее в себя сразу три компонента⁴.

Социальный акт у А. Райнаха – это и слова, намерения, и их усвоение. При этом всегда нужно учитывать неконтекстуальный, неперформативный, непрагматический и строго фиксированный характер значения в его теории. Если в аналитической философии в качестве *методического* отличия выдвигается внимание к средствам самого философствования, к тонкостям словоупотребления (это особенно ярко проявилось в творчестве Дж. Остина), то схо-

---

¹ Райнах А. Априорные основания гражданского права // Райнах А. Собрание сочинений. М., 2001. С. 175.

² Там же.

³ Там же. С. 176.

⁴ Mulligan K. Promisings and other Social Acts: Their Constituents and Structure // Speech Acts and Sachverhalt. Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology. Doerdrecht, 1987. P. 35.

жие отрывки у А. Райнаха, когда он приводит пример с выражением «я хочу сделать это для тебя» (и здесь, согласно К. Маллигану, можно говорить и о сообщении, о воле, о намерении и об обещании) не должны вводить в заблуждение. В результате К. Маллиган указывает на схожесть понимания А. Райнахом и Дж. Остином класса имплицитных («неэксплицитных») перформативов. Поэтому здесь, несмотря на «аналитичность» рассуждений А. Райнаха, исследования «естественного словоупотребления» не носят систематического характера.

Однако феноменологическая теория речевых актов вполне успешно решает ряд проблем, связанных с анализом «ситуации обещания», которой посвящен значительный пласт исследований теории речевых актов в аналитической философии. А. Райнах говорит, что обещание естественным образом порождает требование и обязательство. Значения статичны, отражают идеальное положение дел и схватываются аналогично гуссерлевскому категориальному созерцанию. Здесь феноменологическая теория речевых актов близка к реалистскому (платоническому) пониманию творчества Г. Фреге, поскольку существует идеальное содержание акта действия, и это идеальное содержание должно быть полностью реализовано во всех возможных мирах.

Идея обещания и того, что из него следуют требования и обязательства, может быть схвачена только понятийно. Здесь оказывается, что истина существует без эмпирического субъекта. В аналитической теории речевых актов полностью отражается прагматический и перформативный поворот современной мысли, при котором контексты, правила, конвенции являются необходимым условием действия и этики. Для феноменологии значение не дополняется конвенциями и не устанавливается правилами, а мыслится самотождественным.

Если открытие теории речевых актов в аналитической философии состояло в том, что произнесения слов служат не только выражению пропозиций, но и совершению действий, а иллюку-

тивные акты связаны с определенными типами произнесений с различной иллокутивной силой, то подобная характеристика по отношению к теории речевых актов в феноменологии достаточно условна. Значения речевых актов статичны, а потому и рассматриваются в терминах «схватывания», «категориального созерцания», «эйдетической интуиции», «познания положения дел». Речевой акт в аналитической философии может быть понят в контексте терминологии «употребления», «действия», «осуществления намерения». Здесь упор делается на динамике значения, способах употребления, контекстах и иллокутивной силе говорящего (особенно если рассматривать теорию речевых актов у Дж. Серла, где он вводит понятие «статусных функций»). Аппликация положений о иллокутивной силе может быть рассмотрена и на примере аскриптивного характера юридических понятий, детально разработанного одним из единомышленников Дж. Остина, основателем аналитической философии права Гербертом Хартом¹, где установление значения требует внешнего авторитетного источника, выносящего вердикт.

Постановка проблемы речевого акта в феноменологии заслуживает пристального внимания хотя бы потому, что, сравнивая ее с более новыми версиями теории речевых актов в аналитической философии, мы можем отследить, как в истории философии XX в. происходят значительные сдвиги в понимании того, что есть истина, как она познается и какова ее роль. Отсюда можно утверждать, что теория речевых актов в современной философии представляет собой единое явление с достаточно очерченными границами и предметом исследования, которое формировалось в разных философских традициях и в зависимости от их оснований имеет собственный исследовательский потенциал и своеобразие. Если говорить о том, что сравнение различных версий теории

---

¹ Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск, 2012.

речевых актов в феноменологии и аналитической философии не приводит к утверждению однозначного единства теории ввиду рассмотренных нами нюансов, то можно заметить, что феноменологическая теория речевых актов вносит свой вклад в становление «постметафизической онтологии». По-своему ставя, но в то же время не раскрывая проблем интерсубъективности и коммуникации, теория А. Райнаха предвосхищает в определенном смысле попытки преодоления «методического солипсизма» Э. Гуссерля позднего периода.

В качестве итога отметим следующее. Во-первых, существует общее тематическое поле речевых актов для феноменологии и аналитической философии, связанное с анализом речевых ситуаций. Во-вторых, можно говорить об общем топическом и генетическом источнике двух теорий, что связано с тенденцией критики психологизма в континентальной философии в начале XX в. Здесь речь идет, прежде всего, о работах Г. Фреге и Э. Гуссерля. В то же время, в-третьих, можно обозначить значительные различия в методическом параметре двух теорий, где основная демаркационная линия связана со статическим и динамическим характером значения. В аналитической теории речевых актов реализуется конвенционалистская трактовка значения, в то время как в феноменологической версии речевых актов можно говорить о значении в реалистском смысле. Поэтому, если использовать терминологию Л. Витгенштейна, можно говорить скорее о «семейном сходстве» двух теорий в рамках единого тематического поля, нежели об их прямой преемственности, что тем не менее оставляет вопрос об их диалоге открытым для последующих историко-философских дискуссий.

3.2. Теория речевых актов в критическом зеркале лингвистической антропологии и социолингвистики (*Е.А. Найман*)

Введение

В последнее время все чаще отмечается, что при изучении различных форм и видов коммуникации знание грамматики и лексики языка оказывается недостаточным. Интерпретация смысла высказываний определяется «грамматикой контекста» (Р. Сколлон), важнейшим компонентом которой выступают участники речевой ситуации.

В чем состоит значимость проблемы участников речевого события для дисциплин, изучающих процесс коммуникации? Прежде всего она важна для понимания феномена дейксиса, связывающего смысловые и контекстуальные параметры высказывания. И это неудивительно, поскольку отношение между языком и контекстом отражено в структуре языка при помощи дейктических категорий. Именно за счет дейксиса происходит грамматикализация основных характеристик речевого события, а потому при интерпретации высказывания дейктическая информация наиболее значима.

Одним из важнейших разновидностей дейксиса, наряду с пространственным и временным, является персональный дейксис, отвечающий за кодирование ролей участников речевого события. Первое лицо грамматикализует отношение говорящего к самому себе, второе лицо – к адресату, а третье – к «другому». В связи с этим легко обнаружить отражение персонального дейксиса в категориях лица, а также дифференциацию ролей участников речевого события в соответствии с данным грамматическим делением.

Исходя из этого традиционная концепция речевого события, разработанная в информационной теории, лингвистике, семиотике,

литературной критике и социологии, предполагала бинарную структуру отношений между говорящим и слушающим, отправителем и получателем, адресантом и адресатом. Тем не менее вот уже несколько десятков лет в прагматике и социолингвистике активно обсуждаются недостатки биполярной модели речевого взаимодействия как основной или даже единственной формы человеческой коммуникации. Изучение дискурса из контекстуальной перспективы вызывает неудовлетворенность классической моделью коммуникативного акта. Для объяснения связи личности и дейксиса требуется как анализ гораздо более сложных социальных условий общения, так и учет взаимосвязей между ролями участников речевого события и их социальной идентичностью. Наиболее радикальную программу «декомпозиции» бинарной модели предложил Ирвин Гофман, по мнению которого такие «фольклорные» категории, как «говорящий» и «слушающий», следует «разложить на аналитически более мелкие составные элементы»¹.

Многие исследователи, выступившие в поддержку этой идеи, полагают, что описание речевой ситуации требует гораздо большего количества категорий, нежели используемые в классической парадигме. По мнению классика современной прагматики С. Левинсона, философы и лингвисты используют слишком упрощенную конструкцию ролевой структуры речевой ситуации при анализе категорий первого и второго лица. Как отмечает Левинсон, «такие понятия, как “говорящий” и “адресат”, мало пригодны для обработки грамматических различий, происходящих в дейксических системах различных языков»². Если же двойственная система «говорящий–слушающий» перестает удовлетворять, то возникает вопрос о количественном и качествен-

---

¹ Goffman E. *Forms of Talk*. Philadelphia, PA, 1981. P. 129.

² Levinson S.C. *Putting linguistics on a proper footing: Explorations in Goffman's concepts of participation* // Goffman E. *Exploring the Interaction Order*. Boston, MA, 1988. P. 184.

ном определении категорий, необходимых для описания коммуникативной ситуации.

Методология

Мы ставим своей целью всестороннее обсуждение, содержащее аналитический обзор и критический анализ, состояния проблемы участников речевого события в современной прагматике и социолингвистике, а также определение границ наиболее влиятельных концепций при объяснении компьютерно-опосредованных форм коммуникации.

Методологической основой выступили три ключевых подхода к проблеме участников речевого события. Первый из них – этнографический, представленный в 1970-х гг. основателем «этнографии речи» Деллом Хаймсом, второй – социологический, разработанный в 1980-х гг. Ирвином Гофманом. Третий подход – социолингвистический, связанный с исследованиями 1990-х гг. новозеландского социолингвиста Алана Белла. В работе производится сравнительный анализ указанных подходов, а также привлекаются исследования представителей современной прагматики (С. Левинсон) и социолингвистики (Д. Ирвайн, У. Хэнкс), направленные на их критическое обсуждение. Предметом интереса всех этих исследований является «язык в ситуации», а их общим методологическим подходом можно считать теорию социальной индексальности, контекстности значения и деятельности природы языка.

Теоретические основания

Одним из первых исследователей, выступивших против традиционного бинарного описания коммуникативной ситуации, был Делл Хаймс – пионер антропологического подхода в социолингвистике, создавший в начале 70-х гг. прошлого века проект этногра-

фии коммуникации и оригинальную таксономию, способную помочь этнографу классифицировать и объяснять модели группового коммуникативного поведения.

Важнейшим компонентом речевой ситуации, по Хаймсу, являются ее участники. Четыре категории описывают участников речевого события: Говорящий / Отправитель – авторитет, стоящий за сообщением; Адресант – тот, кто озвучивает сообщение; Слушатель / Аудитория – человек или группа людей, воспринимающие сообщение; Адресат – тот, к кому непосредственно обращено сообщение. Таким образом, Хаймс выделяет по две категории на Отправителей и Получателей. Нужно сказать, что люди в разных речевых сообществах по-своему квалифицируют участников речевой ситуации: «В зависимости от верований и обычаев категории Отправителей и Получателей по-разному распределяются среди членов данной группы»¹.

Несмотря на то, что Хаймс определил роли участников события, их наиболее детальный анализ предложил его коллега по Пенсильванскому университету, выдающийся социолог Ирвин Гофман, считавший понятие «участия» отправной точкой при изучении речи. Гофман обозначает понятием «статус участия» (*participation status*) отношение человека к произнесенному им в конкретной ситуации, а «каркасом участия» (*participation framework*) – общую комбинацию «статусов» в каждый момент времени.

В «Формах разговора» (1981) Гофман резко выступил против модели Отправителя, который самостоятельно создает текст, озвучивает его, выражая свои убеждения. Зачастую человек произносит заученные слова или читает заготовленный текст, не участвуя в его создании и не высказывая с его помощью собственного мнения. Вспомним русское выражение: «Ты поешь с чужих слов!» К примеру, при синхронном переводе переводчик передает себе

---

¹ Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. VII: Социоллингвистика. С. 59.

седнику слова другого человека. Говорящий способен пародировать чужой акцент, диалект, цитировать, повторять многочисленные высказывания, услышанные в средствах массовой информации или рекламе.

Гофман полагает, что местоимение «Я» не идентично категориям «говорящий» или «пишущий». Оно может относиться к трем различным ролям: Аниматору, Автору и Принципалу, входящим в состав «производственного формата» (production format) высказывания. Аниматор – это «звучащий ящик», человек, двигающий губами и жестикулирующий. В модели Хаймса Аниматор соответствует Адресанту, а роль Отправителя подразделяется Гофманом на две: Автора и Принципала.

Автор – это стратег, который формулирует сообщение, отвечая за выбор слов и чувств, выраженных в тексте. При этом автор и физический аниматор не совпадают. Казалось бы, фразы «Я думаю», «Я полагаю», «Я хочу» обозначают реальные мысли, чувства и желания того, кто их произносит. Однако это не совсем так, поскольку употребляя местоимение «Я», говорящий превращается в персону, характер или фигуру. Не являясь частью пространства реального речевого события, он становится элементом мира, о котором говорит. Когда человек произносит: «Я сегодня не могу ясно выразаться», – то «Я» в этом высказывании – какой-то иной персонаж, близкий ему, но другой. Ведь на самом деле данная фраза проговаривается вполне отчетливо. Аниматор может воскликнуть: «Я лишился дара речи!» – но при этом полностью доносит до слушателя содержание высказывания. Можно сказать: «Я люблю бананы», – когда ими угощают, ненавидя их. Этой фразой человек не выражает свои реальные чувства, он произносит ее из вежливости.

Принципал – это институциональный авторитет, или инициатор, стоящий за словами, чью позицию и убеждения выражают высказанные слова. Принципалом может быть конкретный человек, как в примере Гофмана из его работы «Анализ фреймов»,

«когда Джон, отвечая Мэри по телефону, в порядке услуги поворачивается к Гари и говорит: “Мэри хочет знать, можешь ли ты прийти туда вечером”, – тогда Джон... лишь звуковой генератор приглашения; принципалом, ответственным источником сообщения является Мэри, даже если она не передает приглашение лично»¹. В этом случае Мэри совершенно не обязана физически присутствовать в момент речевого события. У Мэри, кроме того, может быть подруга, от имени которой также поступило это приглашение. В таком случае принципал становится коллективным.

За произнесенными словами у говорящего всегда стоит социальная идентичность или роль, от лица которых он высказывается. Как правило, субъектом речи выступает глашатай социальной группы, сообщества, коллектива, обращаясь к слушателям от имени некоего общего «мы». Понятие Принципала тесно связано с многообразием социальных ролей. Индивид способен быстро менять социальные роли и идентичность, но при этом способности Автора и Аниматора остаются неизменными. Говорящие очень часто в разговоре для того, чтобы подчеркнуть, что выражают не свою позицию, а позицию группы, к которой принадлежат (команды, офиса, фирмы, школы, семьи, политической партии), переключаются на институциональный голос, используя местоимение «мы».

Пьер Бурдьё в работе «Что значит “говорить”». Экономика языковых обменов» (1991) утверждает, что человек становится авторитетом и получает власть в обществе, когда какая-либо группа дает ему право говорить от ее имени, делая его своим доверенным лицом, или «глашатаем»². Взамен биологического тела он получает тело учредителя: «Государство – это Я». К примеру, сутана, латынь или церковнославянский язык выступают необходимыми символами, дающими основание говорить от имени Церкви или

---

¹ Гофман И. Анализ фреймов. М., 2004. С. 619.

² Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, MA, 1991.

Бога. Причем текст, произносимый священником, не обязательно понимать, главное – признавать его легитимность. Свидетельством уважения к «глашатаю» выступают такие обращения, как «Его Высочество», «Его Преосвященство», которые говорят не столько о признании личности, сколько о признании назначившего его института. Именно поэтому уважительные формы обращения носят глубоко политический характер.

В большинстве современных государств на президента возложено право говорить от имени страны. Однако зачастую он делает это через своего пресс-секретаря, который превращается в Аниматора слов, написанных спичрайтерами (авторами) от имени президента (Принципала). Во многих культурах выделялись люди, выполнявшие функцию «носителя слов вождя». Например, на острове Тикопия, в Меланезии, вожди не выступали перед племенем на собраниях, а давали инструкции своим помощникам, сообщавшим народу волю вождей, которые не считали нужным даже присутствовать на собраниях. От имени библейского пророка Моисея, по причине его косноязычия, говорил его брат Аарон.

Несмотря на то, что говорящий исполняет все три роли одновременно, различать их необходимо, поскольку существуют ситуации, в которых участники стремительно меняют роли, и их распределение перестает быть очевидным. Например, в радиointервью ведущий озвучивает вопросы зрителей, зачитывая их, а затем может задавать вопросы от своего имени, или в течение лекции преподаватель обращается к цитатам классиков, а потом предлагает свои комментарии. В этих случаях бывает довольно непросто проследить ролевое переключение.

В начале 1990-х гг. новозеландский социолингвист Алан Белл, исследуя процесс создания новостных историй, в особо сложные речевые события вводит четвертую роль¹. Белл полагал, что автор

---

¹ Bell A. Language style as audience design // *Language in Society*. 1984. Vol. 13. P. 145–204.

может выполнять различные функции по отношению к тексту. «Автор» Гофмана подразделяется на «Автора» и «Редактора» / «Редакторов» (Editor / Editors). В результате у Отправителя, наряду с ролью Автора и Принципала, появляется новая роль – Редактора. Иерархическая структура участников усложняется. Помимо Принципала, существует Автор, создающий начальный вариант (драфт) проекта новостной истории. После этого история проходит через руки редакторов, вносящих изменения в текст до тех пор, пока в окончательном виде его не прочтает или опубликует Аниматор.

Белл отмечает, что каждая роль в новостном процессе осуществляется в особом речевом событии, а всякий прежний вариант текста встраивается в последующий. Журналист со своими целями и нормами взаимодействия, подготавливая текст, передает его редактору – жертве своих профессиональных обстоятельств. Это только кажется, что журналист – единственный автор новостного репортажа, создающий его синтаксическую и дискурсивную форму. На самом деле он компилирует из многочисленных источников: интервью, материалов пресс-конференций, пресс-релизов, отчетов, предыдущих сообщений на ту же тему. Фрагменты этих текстов появляются в репортаже в виде цитат или аудио- и видеоклипов. Роль редактора состоит в редактировании, т.е. преобразовании изначального текста в другой, отличный по форме, но сходный по содержанию. Редакторские изменения касаются удаления избыточной информации, лексических замен, синтаксических изменений и т.д. В результате зритель слышит новостную историю, наполненную текстуальными наслоениями, но при этом неспособен докопаться до ее первоисточника.

Однако такая «слоистость» характерна не только для новостей; она свойственна и повседневному общению. М. Бахтин настаивал на том, что многие наши разговоры наполнены словами, приходящими к нам из уст других людей, а большинство услышанных историй подвергается существенному редактированию: «Наша

речь во всех областях жизни и идеологического творчества переполнена чужими словами, переданными со всеми разнообразными степенями точности и беспристрастия»¹. Роль редакторов приложения к анализу языковых событий всех типов, включая интернет-тексты.

Говорящим в речевой ситуации требуется Адресат – второе и третье лицо местоименной парадигмы. «На мой взгляд, – отмечает Белл, – социолингвистику от лингвистики отличает изначальный интерес к слушателю, аудитории. Теоретическая лингвистика не оставляет места слушателям. По существу, идеалом говорящего / слушающего для Хомского выступает исключительно говорящий. Он / она никогда не слушают»². Ранее отмечалось, что Хаймс отделил Адресатов от большого количества «ложных» слушателей. Гофман предложил еще более подробную дифференциацию категории «Слушатель / Аудитория». Он полагает, что в любой речевой ситуации существует два вида участников: санкционированные и несанкционированные. Одни имеют свое законное социальное место в разговоре, а другие его лишены. Санкционированные участники – это члены аудитории, которым прямо адресован речевой акт, на кого смотрит говорящий и ожидает ответных реакций. Такого человека (или людей) можно назвать Адресатом, вторым лицом – «ты» или «вы». В диалоге роль второго лица очень важна, поскольку в зависимости от Адресата говорящие изменяют как форму, так и содержание речи. Манера речи Отправителя определяется «дизайном реципиента», т.е. знаниями и оценкой социальных характеристик Адресата.

Однако разговор предполагает участие множества людей. Третьи лица также могут быть санкционированными и несанкционированными.

---

¹ Бахтин М. Слово в романе // Бахтин М.М. Собрание сочинений. М., 2012. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). С. 91.

² Bell A. Style in dialogue: Bakhtin and sociolinguistic theory // Sociolinguistic variation: Theories, Methods, and Applications. Cambridge, 2007. P. 109.

рованными. Санкционированные третьи лица физически присутствуют во время речевого события, но прямого обращения к себе не предусматривают. Например, дети, сидящие за обеденным столом, или слуги, подающие еду во время разговора хозяев дома. Если разговор не двусторонний, а включает целый круг официальных лиц, то говорящий может либо обращаться ко всем, удостоивая взглядом каждого, либо визуально сосредоточивается на единственном слушателе, оставляя без внимания остальных.

Несанкционированных третьих лиц Гофман называет Свидетелями (*Bystanders*) и подразделяет их на Подслушивающих (*Overhearers*) и Соглядатаев (*Eavesdroppers*). Про Подслушивающих говорящему известно, что их появление на визуальном или звуковом горизонте возможно, но обращение к ним не предусмотрено. Обычно такие люди случайно становятся участниками разговора. Не желая того, они могут вмешаться в разговор, услышав его фрагмент, но при этом, как правило, дают о себе знать и извиняются, отказываясь подслушивать дальше. При этом не исключено, что такие свидетели станут санкционированными, продолжив участие в разговоре. Соглядатаи – это шпионы, о которых говорящему ничего не известно. Они занимаются тайным наблюдением, записывая разговор, или же злонамеренно подслушивают, скрываясь за занавеской.

Специфическая комбинация всех этих ролей и отношений в течение высказывания, по терминологии Гофмана, называется «каркасом участия» (*participation framework*) конкретного момента разговора. По большей части эти роли аудитории назначаются говорящим, а физическое месторасположение, телесная ориентация или направление взгляда определяют «кто есть кто» в разговоре. Зачастую физическая дистанция между говорящим и слушающим совпадает с их ролевой дистанцией: Адресат расположен физически ближе, а Соглядатай – дальше. Жесты или изменение тона голоса также имеют большое значение при назначении Адресата.

В двуязычном сообществе выбранный язык может безошибочно номинировать Адресата в разговоре, а языковое переключение способно изменить статус участников беседы. Сьюзан Гал описывала ситуацию в Оберварте (Австрия), когда двое молодых людей вели шуточный разговор на немецком в присутствии пожилой мамы. В какой-то момент беседы один из них, обращаясь к маме, переключился на венгерский, чтобы о чем-то ее спросить. Пожилая женщина была Слушателем, когда разговор шел на немецком, и превратилась в Адресата, когда выбрали венгерский¹.

На языковой выбор говорящего может повлиять не только Адресат, но и Подслушивающий. Джон Гамперц обнаружил довольно строгое правило в двуязычном немецко-словенском сообществе на юго-западе Австрии: существует жесткий запрет на разговор по-словенски в смешанной компании. Туристы неделями могут жить в деревне, не подозревая, что в ней говорят еще на каком-то языке, кроме немецкого². А С. Гал и Н. Дориан открыли идентичную ориентацию двуязычных сообществ с противоположными результатами. В Оберварте, в гостинице, группа билингвов переключалась с немецкого на венгерский, когда их просили об этом Свидетели за соседним столиком, совершенно спокойно. Однако в Восточном Сазерленде (Великобритания) группа билингвов в баре от подобной просьбы перейти с гаэльского на английский отказывалась наотрез.

Аудитория является наиболее важным компонентом массовой коммуникации. Оригинальность подхода Гофмана состоит в том, что физическое присутствие в речевой ситуации не обязательно делает участника частью аудитории, а физическое отсутствие не исключает его полноправного участия в ней. Как отмечает А. Белл, в контексте массовой коммуникации аудитория не только обособ-

---

¹ Gal S. Language Shift: Social Determinants of Linguistic Change in Bilingual Austria. New York, 1979. P. 121.

² Gumperz J. Discourse strategies. Cambridge, 1982. P. 47.

лена от Отправителя, но и сами ее представители изолированы друг от друга. Причем коммуникатора и аудиторию разделяет как пространство, так и время. В телевизионном вещании, например, большинство контента транслируется не вживую, а в записи. Кроме того, представление о составе своей аудитории у создателей массового продукта весьма расплывчато. В массмедийных ситуациях каждый человек может оказаться Подслушивающим. К примеру, во время телевизионного интервью у нас имеется аудитория, физически присутствующая: интервьюируемый (Адресат), продюсеры, техники, операторы, возможно, зрители в студии (утвержденные реципиенты). Однако наряду с ней подключена и внешняя, массовая аудитория, отделенная от речевого события пространством и временем.

Дискуссия

Несомненно, все три формы лица местоименной парадигмы в классической лингвистике являются онтогенетическими прототипами социальных ролей. Хотя и существуют языки, обходящиеся без третьего лица (например, ряд австралийских языков), все же в большинстве из них сохраняется неизменная триада: «говорящий», «адресат» и «другой».

В связи с этим лингвист-антрополог Вильям Хэнкс задается любопытными вопросами: Если выделение традиционных ролей говорящего и слушающего упрощает модель речевого события (как утверждает Гофман и его последователи), то почему в этом случае естественные языки имеют столь примитивные местоименные парадигмы? Если Гофман потребовал «декомпозиции» ролевой системы участия, то почему бы не осуществить ее и относительно местоимений первого и второго лица? Отчего языки лишены более «точных» форм различения ролевых отношений, помимо «я» и «ты»? Исследователь отмечает: «Понятно, что язык предоставляет синтаксические средства для их обозначения, но почему

не совершается их лексикализация?»¹ Как объяснить безразличие языков к расширению и детализации ролевой системы участников речевого события?

Первое возможное объяснения связано с тем, что местоимения универсальным образом демонстрируют семантику, основанную на диалогической ситуации речевого высказывания. Таким образом, «говорящий» и «слушающий» исчерпывают роли участников, а третье лицо таковым не является. Как известно, Э. Бенвенист утверждал, что «говорящий» субъект формируется дейктической областью самого процесса говорения. Несмотря на то, что язык без выражения лица вообразить невозможно, не все местоимения грамматической парадигмы имеют его свойства. Арабские грамматисты называли форму третьего лица «отсутствующим лицом»: «Он (или она) может служить формой обращения к кому-то присутствующему, когда его хотят исключить из личной сферы “ты”»². При выражении почтения третье лицо выступает формой вежливости, возвышающей собеседника над уровнем лица, а может выражать презрение, унижающее его как лицо. Важно, что «перевод единственного числа во множественное в личных местоимениях не является простой плюрализацией»³.

Множественные формы первого и второго лица на самом деле таковыми не являются, а превращаются в «расширенные» лица, присоединяющие некоторое возможное внеличное Другое («не-я» или «не-ты»). Только «не-лицо, расширенное и не ограниченное в своем выражении, обозначает неограниченную совокупность наличных существ»⁴. Таким образом, если «я» и «ты» определяют дейктическую область в момент выполнения речевого акта, уста-

---

¹ Hanks W.F. Exorcism and the description of participant roles // *Natural Histories of Discourse*. Chicago, IL, 1996. P. 155.

² Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М., 1974. С. 265.

³ Там же. С. 266.

⁴ Там же. С. 269.

навливая социальные отношения, то в этом случае данная область предполагает расширение и проскальзывание в нее многообразных ролей участия, которые возникают за счет совмещения альтернативных дейктических сфер и текущего прагматического контекста, т.е. смешения и несовпадения дейктических категорий с контекстом взаимодействия.

Второе объяснение связано с тем, что диаду первого и второго лица можно обнаружить в двусторонней природе системы взятия репликого шага, которая универсальна для неформального разговора. Для двусторонней системы не имеет значения число возможных участников речевого события и их роли. В этой связи важно отметить, что несмотря на то, что грамматикализация ролей свойственна большинству языков, грамматическая актуализация роли участника события не обязательно кодируется одними местоимениями. Роли могут быть обозначены как в морфологии глагола, так и в вокативных формах. К примеру, среди некоторых национальностей Индии принято при обращении к вышестоящему использовать глаголы и местоимения во множественном числе. В японском, баскском языках при близких отношениях говорящего к адресату к глаголу добавляется дополнительный морфологический признак, произносимый в конце глагола.

Нужно отметить, что проблема грамматикализации многообразия ролей участников в различных языках достаточно сложна. Кроме того, между множествами категорий лица и ролей участия существуют пересечения: одни способны «проникать» в другие. Например, известен случай, когда прагматические формы второго лица используются для референтов, не являющихся участниками события; формы третьего лица или первого лица используются для субъекта, находящегося в роли адресата (сниходятельное «мы»). В русском языке есть «Ваш покорный слуга», а в персидском существует обозначение для говорящего «джанэб» – «эта сторона»: так говорит человек, называя себя, при обращении к вышестоящему.

Роль участника может кодироваться косвенным образом во временном, пространственном и социальном дейксисе. Левинсон полагает, что в различных частях грамматики возможно обнаружить все виды ролей, о которых говорил Гофман. Например, в области социального дейксиса, где социальные отношения участников по отношению к происходящему речевому событию закодированы в лингвистических формах. Наиболее типичным образом это проявляется в кодировке социального статуса говорящего по отношению к адресату или говорящего по отношению к третьему лицу. Существуют почтительные обращения, указывающие на другие виды ролей участников.

Антрополог Джудит Ирвайн, ученица Д. Хаймса, работавшая в 1970-е гг. в Сенегале и изучавшая народ волоф, полагает, что декомпозицию ролей участников можно производить до бесконечности. Всегда существует возможность помыслить более сложную модель конфигурации участников, поскольку в любой момент найдутся варианты участия, которые не предусмотрены той или иной моделью. Встречаясь с такими случаями, исследователь будет вынужден постоянно искать новые классификации. Как утверждает Ирвайн, «мне думается, что существует опасность, связанная с подходами к декомпозиции ролей участников; если роли фрагментируются, то они не перестают восприниматься как изначальные, универсальные, а их число признается конечным»¹. В этом случае такие модели, оторванные от контекста, будут отличаться от классической диады «говорящего–слушающего» лишь количественно.

Проблема ролей участия тесно связана с контекстом, коммуникативным актом, который «соотносится с другими актами, включая прошлые, будущие, гипотетические, сознательно избегаемые и т.д., и эти отношения – пересекающиеся фреймы, которые, если

---

¹ Irvine J. Shadow conversations: the indeterminacy of participant roles // *Natural Histories of Discourse*. Chicago, IL, 1996. P. 135.

хотите, наполняют информацией структуру участия в каждый данный момент»¹. Другими словами, различение ролей предполагает диахроническую контекстуализацию, о которой говорили Бахтин и Волошинов, обсуждая проблему «голоса» и авторства. Возникнув из рассмотрения специфики повествования и речи в романе, понятие «многоголосия» связано с такими формами дискурса, которые невозможно просто приписать индивидуальному акту Говорящего или Автора.

Нужно отметить, что рассматриваемые теории Хаймса, Гофмана и даже Белла возникли в эпоху, предшествующую современной IT-революции. Интернет-коммуникация еще более усложняет систему ролевого взаимодействия ее участников и проблематизирует ряд категорий, описывающих общение «лицом-к-лицу». Специфические черты онлайн взаимодействия, связанные с асинхронностью и публичной природой сообщений, оказывают существенное влияние на «каркас участия».

В целом ряде случаев в процессе онлайн полилога становится затруднительным определить единый круг участников речевого события, поскольку не существует какой-либо фиксированной группы или коллективного фокуса. Каждый участник в любую минуту может присоединиться или покинуть разговор. Асинхронность компьютерной коммуникации не позволяет рассматривать взаимодействия в рамках единого временного фрейма. К примеру, вторая часть смежной пары в разговоре может быть произведена спустя неделю после первой. Состояние речевого события становится открытым, и разговор может постоянно возобновляться.

В компьютерной коммуникации очень часто возможно идентифицировать только Аниматора, но не Автора. Например, довольно трудно определить автора, посылающего сообщение в новостную группу. При этом управление процессом обмена сообщениями

---

¹ Irvine J. Shadow conversations: the indeterminacy of participant roles // *Natural Histories of Discourse*. Chicago, IL, 1996. P. 135.

значительно усложняется, ибо отвечающий на сообщение не может быть полностью уверен, что его реципиент – это ожидающий получить от него ответ. По этой причине авторы иногда указывают в сообщении способы связи с ними, помимо новостной группы.

Особенно проблематичным в свете интернет-опосредованной коммуникации выглядит гофмановское разделение участников на санкционированных и несанкционированных. Такая ролевая категоризация перестает соответствовать речевому событию онлайн. Особенно сомнительным выглядит понятие «санкционированного участника» по причине асинхронности компьютерного общения. Ведь посланное сообщение может быть прочитано в любой момент каждым человеком, подключенным к Интернету. Другими словами, невозможно знать состав участников события в каждый данный момент времени, поскольку группа постоянно видоизменяется.

В контексте сетевого общения каждый становится потенциальным Соглядатаем – нератифицированным и безадресным ноунеймом. Для Гофмана данная категория явно содержит негативные моральные коннотации. Однако в ситуации компьютерного общения роль человека, читающего чужие сообщения и не оставляющего каких-либо следов своего присутствия, становится вполне легитимной. Такая роль – всего лишь знак низкого уровня вовлеченности в процесс общения. Соглядатай фактически превращается в «санкционированного» участника речевой ситуации. И действительно, когда автор посылает сообщение, он прекрасно знает о существовании Соглядатаев и вынужден включать их в состав своих реципиентов. Этот случай не предусмотрен моделью Гофмана: *X* знает, что *Y* – получатель его сообщения, но он не способен его видеть и не знает, кто он (*Y* – Соглядатай). Исходя из этого, роль Соглядатая в онлайн общении выглядит парадоксальной. В результате сама оппозиция между санкционированными участниками и свидетелями, теряя свой смысл, перестает соответствовать новым формам онлайн-коммуникации.

Выводы

В настоящее время бросается в глаза весьма низкий уровень теоретической разработанности проблемы участников речевого события, что во многом отражает современный уровень понимания данного вопроса. Мы имеем, с одной стороны, достаточно упрощенный подход к индексальным выражениям, связанным с некоторыми аспектами пространственного, временного и персонального дейксиса, а с другой – несистематизированное многообразие лингвистических и социальных форм речевого взаимодействия, реализуемых в современных коммуникативных практиках. Тем не менее более развитая система категорий для описания ролей участников речевых событий может быть крайне полезна для точного описания дейктических категорий.

Поскольку персональный дейксис лежит в основе всех дейктических систем естественных языков, то категория «роли участников» является фундаментальной для понимания контекста значения. В связи с этим видится необходимым провести как можно большее количество различий в сфере персонального дейксиса. Это следует сделать хотя бы для того, чтобы избежать довольно часто встречающегося в лингвистической и философской литературе смешения категорий «адресата» и «слушателя», «говорящего» и «автора высказывания», «реципиентов» и «целевой аудитории» и т.д. Кроме того, более подробная конкретизация ролей станет важным компонентом для компаративного анализа речевых событий в различных обществах и культурах.

Необходимо отметить и тот факт, что при анализе вербального взаимодействия, несомненно, существует уклон в изучение диалогического взаимодействия. Тем не менее во всех обществах существует полилог, испытывающий явный дефицит исследовательских техник. Современные формы компьютерно-опосредованной коммуникации показывают необходимость развивать независимую прагматическую структуру возможных ролей участников,

содержащую значительно большее разнообразие социально-дейктической информации. Несмотря на важность таксономий Хаймса и Гофмана, значение которых трудно переоценить, следует признать их ограниченность в отношении исследования широко распространенных в настоящее время многообразных форм сетевой коммуникации.

3.3. Проблема участников речевого события в современной прагматике (*Е.А. Найман*)

Введение

Теория речевых актов (ТРА) представляет собой развернутый философский подход к проблеме языка как действия. Несмотря на то, что Остина и Серля нельзя называть основателями парадигмы, тем не менее именно они начали разрабатывать обширный аналитический аппарат, объясняющий способ превращения языковых выражений в социальные действия. Влияние ТРА на современную философию, лингвистику, прагматику и антропологию невозможно подвергнуть сомнению. Однако, несмотря на высокий авторитет теории, в ряде своих методологических допущений она выглядит достаточно уязвимой. В работах современных антропологов и социолингвистов выдвигаются новые методологические подходы, способные значительно обогатить концепцию «языка как действия».

Методология

В центре нашего внимания – систематическое обсуждение рецепции ТРА представителями двух наиболее влиятельных парадигм современной социолингвистики и лингвопрагматики – антропологической теории языка и конверсационного анализа. Мето-

дологической основой данного раздела выступили работы ведущих представителей западной лингвистической антропологии (М. Розальдо, А. Аппадурай) и конверсационного анализа (Х. Сакс, Э. Щеглофф, А. Померанц), активно использующих как этнографические методы, так и влиятельные философские и социологические теории в области гуманитарных наук (этнометодология, этнография речи, когнитивная социология, интеракционизм, дискурсивный анализ и др.). Объединяющим началом их подходов явился акцент на коммуникативных практиках как конститутивных основаниях языковой культуры повседневной жизни, а также рассмотрение языка не только как формы мышления, но, прежде всего, как формы социального действия и культурной практики.

Дискуссионное поле

1. Лингвистическая антропология vs. ТРА

Представители лингвистической антропологии заметили, что ТРА преимущественно основывается на примерах из англоязычной культурной традиции, которым присваивается универсальный статус. Одним из наиболее значительных критиков теории Остина и Серля была известный французский антрополог Мишель Розальдо, проводившая свои исследования на Филиппинах, наблюдая за племенем илонготов. В вышедшей после ее трагической смерти в горах статье «То, что мы делаем со словами: речевые акты илонготов и теория речевых актов в философии» (1982) антрополог доказывала, что с помощью языка люди демонстрируют понимание их собственного уникального способа бытия в мире, а его использование в общении выражает особенности конкретной социальной системы.

Это означает, что любая классификация речевых актов в обществе должна рассматривать их как часть культурных практик, воспроизводящих определенный тип социального порядка. Любой анализ речевых актов должен быть основан на информации о чув-

ствах, мыслях и верованиях людей по поводу способов организации их жизненного мира.

Конфронтация Розальдо с ТРА состоит в принципиально различном способе понимания целей лингвистической интерпретации. Если для Серля и других теоретиков целью анализа выступает создание метода, указывающего на достаточные и необходимые условия коммуникации (например, принцип искренности или постулаты общения П. Грайса), то для Розальдо и близких ей исследователей цель состоит в том, чтобы понять, каким образом определенное использование языка способно поддерживать социальный порядок и понятие личности («Я») в качестве его составной части.

Критике подвергаются три основных постулата ТРА:

а) акцент на «истине» и «верификации», выраженных в формулировке условий искренности;

б) особое внимание к намерениям говорящего в процессе общения при интерпретации речевых актов;

в) теория личности («Я»), имплицитно содержащаяся в модели Остина и Серля.

Серль утверждает, что важнейшим условием успешности многочисленных речевых актов (например, поздравления) является искренность произносящего человека. Одним из условий речевого акта утверждения выступает искренняя вера говорящего в истинность данного высказывания. В процессе произнесения обещания человек должен иметь искреннее намерение его выполнить.

Розальдо показывает, что подобная искренность совершенно не свойственна илонготам и не может рассматриваться как универсальная стратегия речевого общения. К примеру, в языке илонгтов соответствия ассертивным глаголам английского языка (*saying, speaking, giving news*) встречаются в риторических формах ораторской речи во время дебатов. Однако же они связаны с установлением социальных отношений, а не с переживанием истинности

каких-либо утверждений. Розальдо отмечает: «Илонготы используют отрицание и утверждение в дискурсе как средства установления ролевого взаимодействия»¹.

Розальдо доказывает, что илонготы лишены концептуального репертуара, соответствующего акту обещания, рассматриваемого Серлем. Подобный акт в западном обществе предполагает искренность со стороны говорящего. У илонготов в момент обещания готовность выполнить какое-либо действие в будущем отделена от намерения его реально осуществить. Например, существуют ритуальные танцы, в которых участники клятвенно выражают обещание в будущем воевать со своими противниками при полном отсутствии гарантий его выполнения.

Для Серля «намерения» говорящего занимают центральное место в коммуникации. Намерение является важнейшим компонентом условия успешности речевого акта, необходимым для его рассмотрения в качестве действия. В процессе общения слушающий должен распознать намерения говорящего. Если же слушающий не понял намерения, то он переспрашивает, уточняя его.

Розальдо полагает, что внимание к намерениям и их распознанию адресатом предполагает слишком преувеличенную роль, отводимую индивидуальным действиям и их результатам. В этом случае «любые действия становятся исключительным достижением автономного “Я”, чьи действия существенным образом не сдерживаются взаимоотношениями и ожиданиями, которые определяют его локальный мир»². Такое рассмотрение социального действия оказывается необходимым для принятия логики аргументации Грайса и Серля. Однако индивиды не существуют атомарно, а вовлечены в социальный мир, с которым активно взаимодействуют. Французский антрополог полагает, что теория

---

¹ Rosaldo M.Z. The Things We Do With Words: Ilongot Speech Acts and Speech Act Theory in Philosophy // Language in Society. 1982. № 11. P. 214.

² Ibid. P. 204.

речевых актов практически не рассматривает контекст межличностного взаимодействия.

Розальдо доказывает, что для илонготов социальные отношения являются более важной частью коммуникации, чем индивидуальные намерения. Их более всего заботят способы поддержания социальных взаимодействий, нежели реализация каких-либо психологических мотивов или личных желаний. Когда Мишель была рассержена на людей, которые, пообещав, впоследствии отказывались с ней работать, то они вовсе не собирались приносить ей свои извинения или проявлять какое-либо сожаление по поводу случившегося. Они дарили женщине подарки, которые могли бы смягчить ее гнев. Илонготы совершенно не задумывались над психологическим состоянием участников описанной ситуации. Все, что они хотели в этот момент – это установить контроль над возможными последствиями ситуации, вызванной реакцией антрополога. В их задачу входила стабилизация ситуации всеми возможными способами. То, что происходило ранее, было для этих людей малозначимо.

Илонготы не реконструируют свои или чьи-либо прошлые психологические состояния и не осознают их связи с новой текущей ситуацией. Их эмоции есть функции социального контекста, а не какой-либо непрерывной и целостной внутренней жизни. Отсутствие психологической автономии объясняет неразвитость чувства личной ответственности. В случившемся илонготы упрекают не себя, а внешних духов. Их личное «Я» тождественно общественному, а его переживание изменяется в зависимости от перехода от одного социального контекста к другому. Отсутствие интереса к фактическим деталям и реконструкции прошлых психологических состояний предполагает, по мнению Розальдо, совершенно иную теорию личности у илонготов.

Французский антрополог утверждает, что понятие социального актора является культурно обусловленным, а не универсальным. Она полагает, что серлевская искренность и интенциональность

соответствуют западному идеалу человеческой деятельности, акцентирующему внимание на психологическом состоянии говорящего, а не на социальной сфере. Главное предположение западной ТРА состоит в том, что «внутреннее “Я” непрерывно в течении времени»¹ и представляет собой текучий поток переживаний, в котором существуют причинно-следственные связи между переживаниями, при которых одно переживание мотивирует остальные. Только принимая такую предпосылку, мы можем рассуждать об искренности, ответственности и интенциональности применительно к говорящему.

Однако подобная предпосылка отнюдь не разделяется всеми существующими культурами. В то время как Остин и Серль выделяли индивидуальные мысли и намерения при интерпретации, культурная антропология в лице К. Гирца стремилась подчеркнуть разделение между частным и публичным «Я», между индивидуальным и коллективным, присущее многим культурам. Лишним подтверждением этого является позиция индийского антрополога Арджуна Аппадурая, который в своей статье «Топографии Я: восхваление и эмоции в хинди в Индии» (1990) утверждает, что «похвала не является проблемой “прямой” коммуникации между “внутренним” состоянием людей, а содержит сложную систему общественных жестов и ответных реакций»². Именно благодаря им возникает некоторое «общее настроение», дающее возможность человеку почувствовать похвалу в контексте особого эмоционального фона окружающих. Исследователь отмечает: «Похвала – это сложная система отрегулированных и импровизационных практик, создающих это “общее настроение” (community of sentiment)»³. Антрополог полагает, что человеческое «Я» не просто содержится

---

¹ Rosaldo M.Z. *The Things We Do With Words: Ilongot Speech Acts and Speech Act Theory in Philosophy // Language in Society*. 1982. № 11. P. 218.

² Appadurai A. *Topographies of the Self: Praise and Emotion in Hindu India. // Language and the Politics of Emotion*. Cambridge, 1990. P. 93.

³ *Ibid.* P. 94.

«внутри» индивида. Наряду с этим оно пребывает и в ритуальном интерактивном общественном поведении. Создание «общего настроения» говорит о том, что значения слов или действий не ограничены индивидуальным намерением. Смысл слов и действий зависит от культурных практик, населяющих сообщества.

Дискуссия Розальдо с теорией речевых актов выявляет некоторые фундаментальные различия между аналитической философией и современной культурной и лингвистической антропологией. Принимая положение о различии понятия «личности» в различных культурах, любая этнографическая дискуссия об использовании слов в процессе социального взаимодействия не ограничивается фактической реконструкцией речевого события, а стремится описать интерпретативные стратегии ее участников, при которой эта реконструкция станет более адекватной и уместной.

Серль и Остин, начиная с допущения о «языке как действии», не проблематизируют само понятие «действия». Они допускают лишь статус «действия» как универсального измерения человеческого существования. Вопросы «кто делает, для кого и почему?» остаются за пределами теоретического рассмотрения.

Этнографы же, в свою очередь, стремятся расширить философскую концепцию «действия», включая в нее понятие «личности», а также взаимоотношение между языковым использованием и культурно обусловленными теориями истины, авторитета и ответственности. Контекстуальный анализ начинается с вопроса о том, какие вообще типы разговора в том или ином сообществе можно услышать и понять, а какие невозможно в принципе. Этнографическое изучение лингвистических практик, исходя из кросскультурных эмпирических исследований, помогает понять языковую активность как культурную практику. Несомненно, что ТРА придала значительный импульс развитию подобного понимания. Однако акцент, поставленный на индивидуальном речевом акте, индивидуальном высказывании и индивидуальном намерении, существенно сужает ее перспективы.

2. Критика теории речевых актов со стороны конверсационного анализа

В 70–80-х гг. XX в. критику ТРА продолжили представители социолингвистики-конверсационалисты. Основное внимание в ТРА уделялось индивидуальному акту речи. Однако, как правило, людям свойственно вести разговоры друг с другом. Разговор – это важнейший способ их социализации, а также сохранения социальных связей. Представители конверсационного анализа уделили особое внимание структурным аспектам такого события, как разговор. Исследование разговора сразу же привело к пониманию того, что он организован в единицах, значительно превышающих индивидуальное высказывание, реплику или речевой акт. Разговор – это последовательность двусторонних реплик, образующих секвенцию. В связи с этим основатель конверсационного анализа Х. Сакс и его коллеги ввели методологически важное понятие «смежной пары» (*adjacency pair*), являющейся элементарным циклом разговора. В разговоре многие реплики возникают как пары, на основе которых выстраивается его последовательность. Все «сдвоенные пары» имеют общую структуру:

- 1) состоят из двух реплик приблизительно одинаковой длины;
- 2) произносятся разными людьми;
- 3) следуют друг за другом;
- 4) эти пары являются упорядоченными.

Необходимо отметить, что понятие «смежной пары» представляет собой очень важную инновацию относительно «речевого акта», предложенного Серлем и Остином. Смежная пара – более сложная единица анализа, чем единичное высказывание или речевой акт. ТРА берет за единицу анализа речевой акт, произведенный индивидом. И иллюкутивная сила акта, и условия его успешности задаются и оцениваются независимо от других, особенно последующих, речевых актов. Однако анализ более крупных единиц, нежели речевой акт, как раз и создает возможность проникнуть а суть деятельностных аспектов языка, к которой стремилась

ТРА. Если мы действительно хотим знать о том, что *делает* речь, то обязаны устремить нацеленный взгляд на реакцию слушателя и его ответные высказывания. Однако этот аспект теории ТРА оставляют без внимания.

В ТРА иллокутивная сила высказывания оценивается с точки зрения определенных условий, которые описывают типичный априорный контекст, связанный с высказыванием, оставляя без внимания его последствия или результаты. Это как раз то, что относится к перлокутивному акту, который оказывается самым аналитически отсталым из всех трех остиновских актов. Так, к примеру, в ТРА оценка кого-либо высказывания будет рассматриваться как комплимент, если присутствуют определенные сопутствующие условия. Серль и Вандервекен отмечают: «Высказать комплимент – означает выразить одобрение слушателя в чем-либо. Высказывание комплимента предполагает, что вещь, за которую слушателя похвалили, есть нечто хорошее, хотя для слушателя она не обязательно является таковой. Мы можем, например, высказать комплимент кому-то за его героическое поведение или акт самопожертвования»¹.

Условия, которые определяют Серль и Вандервекен, важны для различения между комплиментом и другими видами связанных речевых актов, например похвалой. Однако они анализируют комплименты исключительно с точки зрения оценки позитивной ценности «вещи» за которую хвалят и уже существующих отношений между «вещью» и реципиентом. Анализ же комплимента как части сдвоенной пары позволяет по-новому и с другой стороны посмотреть на его последствия. К примеру, Анита Померанц, изучавшая комплименты в разговорах, показывает, что комплименты не только «выражают одобрение», а создают «проблему» для слушателей, сталкивающихся с конфликтом между двумя общими принципами

---

¹ Searle J., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge, 1985. P. 215.

интеракции: предпочтением согласия и избеганием самовосхваления. Принятие комплимента означает следование общей предпочтению согласия с собеседником, но при этом нарушает нежелание самовосхваления. Отвергнуть комплимент – попасть в другую ситуацию: последовать предпочтению избегания самовосхваления, но при этом нарушить предпочтение согласия с собеседником. Померанц выделяет две стратегии, позволяющие справиться с этим конфликтом: принижение похвалы (*praise downgrades*) и сдвиги референта (*referent shifts*).

Примерами «принижения» могут служить следующие обмены репликами:

А.: Хороший удар.

Б.: Ну, не совсем получился.

А.: Вы хороший повар

Б.: Ну, это очень просто приготовить.

«Сдвиг референта» означает, что реципиент переадресует похвалу кому-то еще. Адресат выходит из конфликта, поскольку у него отсутствует согласие с позитивной оценкой собеседника. Пример, приводимый Померанц:

«А.: You are a good rower, Honey.

В.: These are very easy to rower. Very light»¹.

Если мы проанализируем эти ответы на комплименты, то поймем очень важный аспект языка как социального действия: если мы хотим понять, что *делают* слова, то должны выйти за пределы индивидуальных высказываний. В примере Померанц фраза «These are very easy to rower» не является простым утверждением, а становится ответом на высказывание, произнесенное А., и решением «проблемы», которую он им создал. Если мы просто квалифицируем высказывание «These are very easy to rower» как утвер-

---

¹ Pomeranz A. Compliment Responses: Notes on the Cooperation of Multiple Constraints // *Studies in the Organization of Conversational Interaction*. New York, 1978. P. 102.

ждение, то не ответим на интересующий нас вопрос по поводу действенной способности речи.

Люди используют и интерпретируют речевые акты как части более крупных секвенциальных единиц. Смежная пара – это как раз пример такой единицы, в которой смысл каждой части пары объясняется с позиции другой. Представители разговорного анализа подчеркивают очень важную мысль: прежде всего необходимо обратить внимание на действия социальных акторов и используемые ими *методы* при решении практических повседневных проблем. Такой проблемой, зачастую не осознаваемой в качестве таковой самими говорящими, является, например, ответ на комплимент. А в более широком смысле эта проблема состоит в том, чтобы дать понять собеседнику, что мы осознали происходящее в разговоре в настоящий момент и предвидим дальнейшее течение событий.

Смежная пара – это элементарный фрейм, с помощью которого участники разговора показывают результат своего анализа действий друг друга. Каждый участник должен анализировать действия собеседника, чтобы совершить соответствующее ответное действие. Когда говорящий произносит первую часть смежной пары, то тем самым он создает интерпретативный фрейм, внутри которого то, что случится позднее, покажет в какой степени реципиент осознал и проинтерпретировал первую часть пары.

Невнимание к разговорным секвенциям в теории речевых актов приводит к неверным интерпретациям, к примеру, приветствия. Серль и Вандервекен полагают, что приветствие *hello* указывает на вежливую форму узнавания. Однако в этом случае упускается большое количество контекстов, в которых появляются приветствия. Это описание Серля не схватывает использование *hello* в телефонных разговорах. Скажем, *hello*, произнесенное по телефону, является не указателем узнавания, а ответом на звонок, и дает ресурс для звонящего, способного использовать его для узнавания. Об этом говорит Э. Щеглофф в своей работе

«Идентификация и узнавание в начале телефонного разговора» (1979).

Родоначальник конверсационного анализа приводит довольно простой пример:

«С.: Hello (ответ на звонок – ресурс для узнавания).

J.: Connie? (заявка на опознание звонящим).

С.: Yeah Joanie (заявка на опознание отвечающим)»¹.

Созванивающиеся используют первое *hello*, чтобы идентифицировать того, кто отвечает по телефону. В примере звонящий после первого *hello* находится в позиции распознающего. *Hello* – заявка на узнавание. Узнавание осуществляется через использование имени собственного (Connie). В этот момент отвечающий сам показывает, что узнал звонящего. Это вновь осуществляется через использование имени собственного (Yeah Joanie). Если отвечающий по телефону не использует имя собственное, употребляя лишь приветствие, звонящий может завершить процедуру узнавания и назвать свое имя. Например:

A.: Hello.

B.: Hi, Bonnie.

A.: Hi.

B.: Its Barbie.

Этот последний пример показывает, что приветствие само по себе необязательно интерпретируется как очевидное узнавание. Таким образом, даже для таких приветствий, как *hi*, описание Серля и Вандервеке не является адекватным.

Секвенциальный порядок очень важен не только внутри каждой смежной пары, но также при отношении между смежной парой и другими (предшествующими или последующими) единицами. Вся смежная пара целиком может иметь различную силу в зависимости от того, где она появляется внутри всего разговора. Это,

---

¹ Schegloff E.A. Identification and Recognition in Telephone Openings // *Everyday Language*. New York, 1979. P. 51.

например, касается пары *ciao / ciao* в итальянском языке в ситуации приветствия. В отличие от использования в англоязычных или испаноязычных сообществах, в Италии она может быть использована либо в начале, либо в конце приветствия. Например, вот как она используется в качестве приветствия в начале телефонного разговора:

G.: Pronto (Hello).

S.: Giorgio?

G.: Ah ciao (Hi).

S.: Ciao.

Мы здесь определенно можем видеть, что второе *ciao* явно не служит указателем «узнавания» для говорящего S., потому что он уже ранее узнал отвечающего (Giorgio?).

Различие между разговорным анализом и ТРА касается не только методологии анализа, но прежде всего различных единиц анализа. Анализ того, что существует до и после высказывания, есть только часть анализа, производимого конврсационалистами, исследующими язык как действие. Более важным является понимание разговора как пространства изучения повседневной активности социальных акторов. Рассматривая такую последовательность, как смежная пара, мы способны увидеть то, каким образом устанавливаются фреймы участников коммуникации.

Выводы

Критический анализ ТРА со стороны лингвистической антропологии и социолингвистики отчетливо демонстрирует различие парадигм, но вовсе не запрещает, а, наоборот, открывает путь к продуктивному диалогу разнообразных подходов к проблеме «языка как действия». Вовлечение ТРА в подобный диалог позволяет сравнить популярную философскую теорию с альтернативными позициями и точками зрения. Несмотря на различие подходов, все они, взятые вместе, позволяют значительно продвинуться

в изучении языка как продукта и инструмента культуры. Этнографическая программа исходит из идей, индуцированных эмпирическими исследованиями отдельных культурных сообществ, а методология конверсационализма ориентирована на анализ секвенций повседневного спонтанного разговора между людьми.

Наиболее важным возражением со стороны этнографически ориентированного подхода явилось неоправданное акцентирование Серлем определенных аспектов теории Остина, а именно принципов искренности и интенциональности. Конверсационалисты же упрекают ТРА преимущественно за недостаточное внимание к перлокутивному акту и разговорным секвенциям. Главный упрек в отношении философской теории состоит в том, что допускаемые ею обобщения осуществляются на основе интроспекции, воображаемых возможных ситуаций при отсутствии систематического сбора данных, касающихся реальных социальных взаимодействий. Как правило, философы автоматически допускают универсальность своих рабочих индивидуальных интуиций. К примеру, анализ ритуальных и институциональных речевых актов у Серля и Остина экстраполируется на всю теорию человеческой коммуникации и психологии.

Критическое переосмысление и уточнение ТРА еще в большей степени выявляет сложность проблемы интерпретации речевого поведения человека. Однако же осознание и принятие сложности и многоаспектности вопроса не влечет за собой потерю надежды на его более глубокое осмысление.

4. Проблемы семиотики

4.1. Ландшафты, на которых растут символы

(взгляд натуралиста)

(И.В. Мелик-Гайказян)

Утверждение Ч.С. Пирса «символы растут»¹ может вызвать вопросы. Почему они растут? Как они растут? На чем они растут? На первые два вопроса Пирс предоставляет ответ в оригинальной концепции семиозиса. Растут они сами собой, этот рост обнаруживает себя не только связанным с процессами сознания человека, но и «в биологических, химических и даже физических процессах».² Сегодня пансемиотическая концепция Пирса приходит в полное согласие с теорией самоорганизации, а точнее – с современным направлением фундаментальных исследований, именуемым «нелинейная динамика». Ответу на третий вопрос посвящен данный раздел. Попытка такого ответа имеет опору в постнеклассической рациональности в том ее понимании, которое было обосновано В.С. Стёпиным³.

Поиски ответа принадлежат натуральной философии, которую трудно в нынешние времена счесть респектабельной. Вместе с тем стиль нашего времени требует толерантности, а следовательно, предоставления голоса разного рода меньшинствам, в том числе – меньшинствам интеллектуальным. Эта же толерантность, вопло-

---

¹ Пирс Ч.С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3. С. 94.

² Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3-4. С. 11.

³ Стёпин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 123, 183–189.

щаемая в стиле гендерной гармонии, требовала бы в заголовке раздела употребить слова «взгляд натуралистки». Трудно сказать, старомодность или приверженность научному стилю изложения выражены словами «взгляд натуралиста».

Однако отмеченный нюанс употребления слов фиксирует два обстоятельства. Во-первых, чувствительность языка к перемене веяний в культурных ландшафтах. Во-вторых, подобие в сложении природных и культурных ландшафтов. В ландшафтоведении давно обосновано, что любая растительность дает наглядное выражение скрытых от поверхностного взора процессов, а смена доминирующих видов растительности фиксирует границы действия типов взаимосвязи геохимических, геоморфологических и тому подобных процессов. Только следует подчеркнуть, что общая тенденция этих «внутренних» процессов необратима в «человекообразных» масштабах времени, а растительность подвержена по крайней мере сезонной обратимости изменений. Аналогично этому рост символов как семиотическая динамика испытывает обратимые трансформации, а субстрат этого роста – информационные процессы – обладают принципиальной необратимостью. Понимание же необратимости (в частности, как «стрелы времени») стало рубежом, отделяющим неклассическую парадигму от постнеклассической.

На философском уровне феномен процесса был понят А.Н. Уайтхедом.¹ Исследования информационных процессов позволили дать лаконичную интерпретацию понимания им специфики процессов: процесс есть чередование стадий, на которых «сращение» многих факторов подводит к формированию некоторого результата, и оформление достигнутого результата есть условие «перехода» к следующей стадии².

---

¹ Whitehead A.N. *Process and Reality*. New York, 1929.

² Мелик-Гайказян И.В. Роль мадам Лавуазье в истории науки и проблема измерения // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки (философия и культурология). 2008. Вып. 1 (75). С. 68–69.

Итак, каждая стадия «стартует» в зависимости от результата предыдущей стадии. Сегодня мы уже имеем основания для того, чтобы сказать, что разворачивание процесса вариативно, нелинейно и необратимо во времени, но для исследования феноменов, обладающих такими качествами, у науки до второй половины XX в. не было инструментов. Акцентируем три момента, которые удалось установить при исследовании информационных процессов¹.

Во-первых, информационный процесс понимается как чередование стадий-процессов и их результатов, а это, следовательно, требует четкого разделения всех воплощений информации на информации-процессы и информации-результаты. Например, память можно понимать в качестве процесса хранения информации, а можно – как тезаурус, т.е. в качестве результата всего того, что сохранено в памяти. Если память-процесс измеряется в зависимости от времени хранения информации, то память-тезаурус можно измерить через количество информации. «Поменять» единицы измерения для памяти-процесса и памяти-тезауруса – т.е. для информации-процесса и информации-результата, – значит лишить смысла саму процедуру измерения. Самым известным примером является измерение *количества информации*, предложенное Клодом Шенноном в рамках математической теории связи, соответствующее такой стадии информационного процесса, как *передача информации*². Но у информации есть и другие характеристики – *новизна* и *ценность*, которые измеряют происходящее на этапах генерации и рецепции информации. И еще есть характеристика *эффективность информации*, которая отнесена к стадии создания оператора.

---

¹ Мелик-Гайказян И. В. Информационные процессы и реальность. М., 1998.

² До сих пор только с этой стадией связывают интерпретации всего феномена информации. См., напр.: Ардашкин И.Б. К вопросу о визуализации знания и информации: роль смарт-технологий // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 12–48.

Во-вторых, информационный процесс разворачивается в определенной последовательности своих стадий, которые нельзя «поменять» местами. Например, источник информации и ее рецепцию «поменять» местами невозможно.

В-третьих, исследовать действия информационных процессов оптимально на основе построения концептуальных моделей, в которых со всей наглядностью и очевидностью предстают механизмы их действия. Так, модель структуры процессов трансляции, которая будет обсуждена позже, раскрывает механизмы действия коммуникативных функций социокультурных систем.

Это положение находит свое подтверждение в выводе, сделанном У. Эко: «...в тот момент, когда мы сталкиваемся с проблемой передачи информации от одного человека к другому, теория информации становится теорией коммуникации»¹. Привлечение семиотики всегда связано с необходимостью исследований не только самого кода, но и процессов, приводящих к оформлению определенного кода, поскольку в широком смысле кодирование есть процесс такой подготовки сигнала / сообщения, которая соответствует формату канала трансляции для дальнейшей передачи. Следовательно, для понимания механизмов, связующих коммуникации, упрощений семиотической структурности и трансформации культуры, следует расширить предметную область, поместив в ее границы то, что предшествует процессу передачи информации, т.е. включить в предметную область процессы формирования кода. Если процессы трансляции начинаются с процесса передачи сигнала, а процессу передачи предшествует процесс подготовки сигнала к формату канала трансляции (т.е. процесс кодирования сигнала), то закономерен вопрос о процессе генерации самого сигнала. Другими словами, необходимо понимание механизма процесса возникновения сигнала.

---

¹ Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004. С. 139.

Стоит подчеркнуть огромное значение генерации сигнала, т.е. процесса, тождественного процессу генерации информации, поскольку именно с результатов этого процесса «стартуют» коды культуры и процессы коммуникации в социокультурных системах. Поэтому рассмотрение механизмов генерации кода требует особого внимания, что в данном разделе образует специальную его рубрику «О событии как начале роста», в которой будет представлено оригинальная модель процесса генерации информации.

Подчеркнем и то немаловажное обстоятельство в контексте данного раздела, что в «досинергетический» период теории информации механизм генерации информации не поддавался объяснениям. Источниками процесса генерации информации выступали некие «устройства» или источники информации. В их роли в моделях коммуникации выступают очень разные по своему содержанию структурные единицы. Например, в классе коммуникативных моделей Шеннона–Уивера – это то, что «кодирует или модулирует информацию», в классе коммуникативных модели Дж. Гербнера – это «событие, которое существует в реальности», а в классе моделей Уэстли–Маклина такую роль играет «пропагандист» определенных идей и позиций, целенаправленно стремящийся сообщить что-то публике относительно *X*»¹.

Таким образом, в теории коммуникации существует «разнойой» в понимании содержания источника этого процесса коммуникации, что актуализирует обращение к механизму генерации информации, а это, в свою очередь, требует расширить границы предметной области включением в ее границы уже не только теории информации, но и синергетики.

---

¹ Тухватулина Л.Р. Принципы классификации моделей коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 7. С. 49–53.

1. О событии как начале роста

Понимание механизма возникновения нового – генерации информации¹ – основывается на трех описаниях.

Первое из них принадлежит Г. Кастлеру² и входит в разнообразие дефиниций феномена информации: информация есть случайный запоминаемый выбор варианта из многих возможных и равноправных. В приведенном определении информации как выбора четко обозначаются условия этого выбора:

- а) выбор случаен;
- б) он совершается из многих возможных и равноправных (но не обязательно равновероятных вариантов);
- в) результат выбора запоминается.

Поясним, что значит «запомнить» в тех системах, которые в обыденном смысле памятью не обладают. На физическом языке это значит привести систему в определенное устойчивое состояние. При этом возникает упорядоченность (структура), олицетворяющая нарушение прежней пространственной симметрии и установление новой асимметричной и в то же время более упорядоченной формы координации частиц, из которых состоит система. Иными словами, запоминание выражает себя в том, что система фиксирует ее же совершенный выбор в изменении своей структуры.

Итак, то, что в обсуждаемом определении обозначено словом «запомненный», в общем виде (т.е. для открытых сложных систем любой природы) обозначается словом «фиксируемый». Таким образом, третье условие приведенного определения информации – запоминание выбора – реализуется в виде свойства информации, называемого «фиксируемостью», что выражается в «записи» ин-

---

¹ Мелик-Гайказян И.В. Информация и самоорганизация : (методологический анализ). Томск, 1995. С. 127–128.; Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Проективный консалтинг на «оси» синтактики // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 178.

² Кастлер Г. Возникновение биологической организации. М., 1967.

формации, не имеющей материальной природы, на материальном носителе.

На основе определения Г. Кастлера создана модель, иллюстрирующая механизмы переструктурирования системы, в которой этот выбор осуществляется¹. В этой модели запоминание выбора выражается в изменении концентраций элементов системы, становящихся носителями определенного варианта. В процессе выбора система трижды меняет свою структуру, проходя соответственно три этапа: «мозаика», «паркет», «чистый кластер». Описание содержания этих этапов приведем применительно к социокультурным системам.

1. Информационное пространство разбивается на кластеры с неустойчивыми границами, зависящими от подвижности элементов системы – носителей информации. *Мозаика* кластеров демонстрирует этап, на котором идеи уже высказаны, но участники (носители информации) еще не приняли окончательного решения и могут переходить (диффундировать) из кластера в кластер. Отметим, что на этой стадии конструктивными являются конъюнктурные цели, имеющие ситуативную ценность.

2. С течением времени происходит выпрямление нестабильных границ. Образуется структура типа *паркета*. Решения концептуально оформлены. Происходит медленная эволюция, в результате которой мелкие кластеры исчезают, а крупные увеличиваются. Каждая группа (кластер) имеет цель не только сохранить свою информацию, но и расширить ареал ее существования. Успешность существования зависит от совпадения индивидуальной цели с прогностическими целями образующегося кластера. Это цели видимого будущего состояния системы.

3. Образование состояния, в котором «побеждает» кластер носителей одной идеи. Процесс заканчивается образованием чистого кластера, например единого генетического кода или господства

---

¹ Чернавский Д.С. Синергетика и информация. М., 1990.

одной парадигмы. На завершающей стадии один из ареалов, преследующий асимптотическую цель (отдаленное будущее), занимает господствующее положение. Асимптотически ценная информация на промежуточных стадиях эволюции таковой практически никому не кажется. Убедиться в ее «вечной» ценности удастся лишь после «победы» соответствующего кластера.

Итак, модель демонстрирует смену конструктивных целей (конъюнктурные, прогностические, асимптотические цели) в конкуренции вариантов выбора системой своего будущего состояния.

Второе описание принадлежит синергетике и иллюстративно выражено в бифуркационной диаграмме, на которой ясно видны «ветви бифуркации», воплощающие одновременную возможность разных вариантов развития системы. В гуманитарных интерпретациях диаграмм бифуркаций часто упускается из виду, что происходящее принадлежит исключительно фазовому пространству. Выход из хаоса (образование ветвей) есть генерация информации, варианты возможных состояний есть усложнение структуры системы, и выбор одного из вариантов в социокультурных системах не уничтожает существование остальных. В принципе, до работ И.Р. Пригожина, о которых будет сказано в изложении третьего описания генерации нового, не могла быть создана и модель «мозаика – чистый кластер».

Третье описание принадлежит А.Н. Уайтхеду. Он разграничил категории бытия, действительности и реальности: бытие есть потенциальность, есть все, что может быть; действительность есть то, что осуществилось, есть область «действительных происшествий»; реальность – это вариант воспринимаемой действительности.

Понять смысл этого разграничения можно на известном примере. То начало, которое получило название «большой взрыв», создало физический мир с конечным набором мировых констант. Теперь уже известно, что эта *действительность* физического мира стало одной из 10^{50} возможностей, содержащихся потенциально

в бытии до события «большого взрыва». Восприятие этой действительности реализуется как в широком спектре описаний становления физического мира, так и в еще более широком спектре возникших реальностей (минералогической, органической, биологической и т.д.) как возможных рецепций результатов физической эволюции различными подсистемами становящегося мира.

Итак, существует сфера возможного – бытие; существует актуализированный вариант потенциального – действительность; существуют варианты воплощений действительности – реальность.

С этим разграничением бытия, действительности, реальности связано и создание А.Н. Уайтхедом философии процесса, выявившей две вида процесса: макроскопический и микроскопический. Первый из них – «это переход от достигнутой актуальности к актуальности в достижении»¹, это конституирование действительности или реальности, детерминированное превращением потенциального в актуальное. Второй вид процесса – телеологический, когда происходит «сращение» многих сущностей для создания новой «актуальной сущности», т.е. происходит «актуальное событие»². Таким образом, бытие, действительность и реальность трактуются как макропроцессы, отделяемые микропроцессами или актуальными событиями.

Философия процесса А.Н. Уайтхеда утратила метафизическую чистоту после ее воплощения И.Р. Пригожиным в программу конкретно-научных исследований, т.е. после того, что в данной рубрике раздела было отмечено как «второе описание». В числе весомых научных достижений реализации этой программы есть результаты, уже, в свою очередь, требующие философской рефлексии. Для понимания действия механизмов нелинейной динамики сложных систем важен состав признаков, по которым возможно разграничение событий и не-событий, т.е. повторяемых

---

¹ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 17.

² Там же. С. 297.

и вполне предсказуемых явлений. Эти требования выявлены И.Р. Пригожиным. Оставляя за скобками всю аргументацию их обоснования, приведем здесь только их перечисление¹.

1. События вызывают нарушение симметрии между прошлым и будущим, т.е. необратимо изменяют дальнейшую последовательность «действительных происшествий». Например, рождение новой звезды, которую мы теперь называем Солнцем, стало событием для глобальной эволюции. А вот наблюдаемые с Земли солнечные затмения есть явления, поскольку происходят с известной и полностью предсказуемой периодичностью. Следовательно, явление солнечного затмения к событиям не относится. Это разграничение явлений и событий входит в одно из обоснований необратимости времени, о которой было уже упомянуто.

2. Событие – это то, что может быть, а может и не быть, может случиться, а может и не случиться. Описание событий в терминах вероятности далеко не всегда корректно, поскольку совершению события предшествует хаотическое состояние, т.е. состояние, допускающее несводимое вероятностное описание. «Несводимое» – значит не допускающее перехода к описанию в терминах отдельных фазовых траекторий (обычный хаос) или отдельных волновых функций (квантовый хаос). Иными словами, событие – это абсолютно спонтанное «действительное происшествие», которое не противоречит детерминистическим законам, но и не выводится из них².

3. События должны обладать способностью изменять направленность и темп эволюции. Это значит, что события в то или иной степени становятся исходным пунктом нового развития и нового порядка.

---

¹ Пригожин И.Р., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1994.

² Игнорирование этого обстоятельства приводит к большим недоразумениям. Подробно об этом см.: Мелик-Гайказян И.В. Ошибки трактовки концепта «событие» в педагогических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50, С. 65–74.

В этих требованиях содержатся основания для понимания необратимости времени, роли нестабильности и сути нелинейности. Итак, все множество потенциальностей, которое есть бытие, способно спонтанно реализовывать один из вариантов своих возможностей, что тождественно «скачку из потенциальности в актуальность», или событию. Событие становится результатом «сращения», в котором «универсум вещей приобретает индивидуальное единство в результате подчинения “многих” из них конституированию “одной” новой вещи».¹ Во многом благодаря работам И.Р. Пригожина и его школы нам теперь ясен механизм «сращения». Сложные открытые системы могут переживать хаотические состояния, даже если внешнее воздействие на них остается неизменным. В этих состояниях любое случайное поведение элемента системы (флуктуация), не играющее роли в стабильном состоянии, способно «подчинить» себе поведение всех элементов системы (микросостояние распространяется по всему объему системы и определяет макросостояние), при особой согласованности этого поведения – когерентности – генерируется спектр новых вариантов порядка, а выбор одного из них воплощается в «новую вещь».

Таким образом, создание «новой вещи» становится «действительным происшествием», необратимо отделяющим область всего того, что может быть, – бытие, от действительности, которую образует выбранный вариант дальнейшего развития.

Сборка всех трех описаний позволила разработать модель тех этапов информационного процесса, которые соответствуют микропроцессам, трактуемым Уайтхедом в качестве телеологических (рис. 1).

В момент, соответствующий B_1 , система переживает хаотическое состояние. Присущее бытию – содержать все потенциальности – становится онтологическим условием совершения выбора. При выходе из хаоса происходит конкуренция различных вариантов

---

¹ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 16.

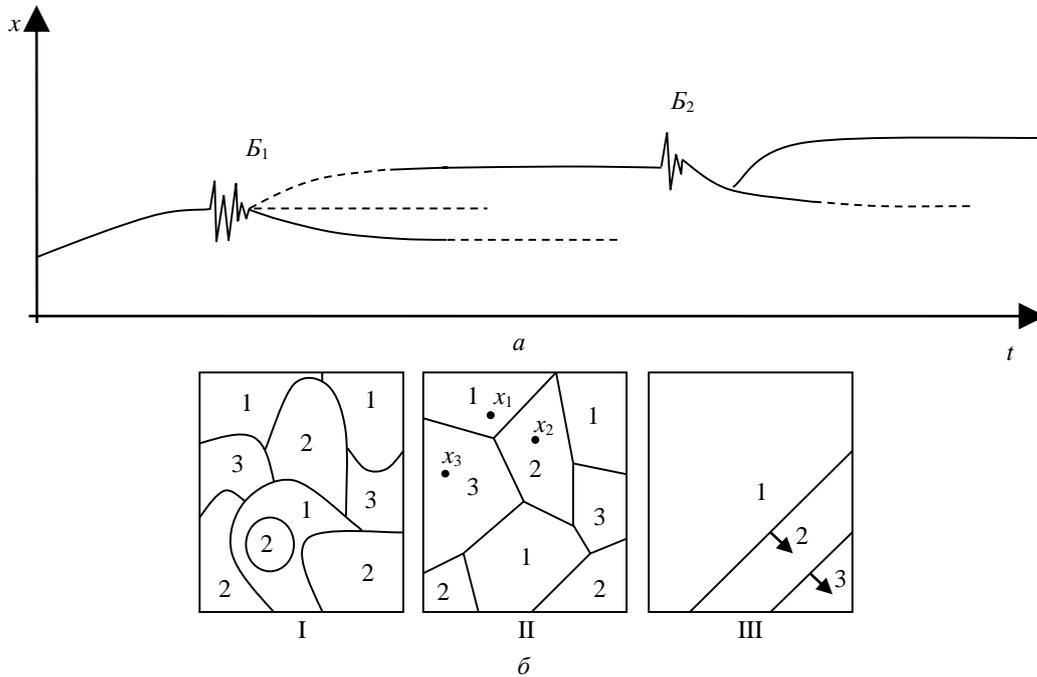

Рис. 1. Модель телеологического этапа информационного процесса: *a* – бифуркационная диаграмма; *б* – этапы эволюции – «мозаика» (I), «паркет» (II), переход к «чистому» кластеру (III). Участки быстро меняющихся x в области B_1 и B_2 обозначают предбифуркационные состояния. Пунктир на «ветвях» бифуркационной кривой показывает, что определенное решение может приобретать (или терять) актуальность со временем в зависимости от направленности информационных процессов самоорганизации

будущего порядка, достижение которого становится целью системы. Само образование вариантов и рецепция этих вариантов истемой подчинены одному – преодолению хаотического состояния, т.е. цели, которая выражена в стремлении к новой устойчивости. Если само состояние хаоса можно считать следствием начальных условий, например предшествующего B_1 «чистого кластера», то развитие системы после B_1 подчинено уже только движению к цели – т.е. это в чистом виде телеологический процесс. Осуществление выбора как генерации информации требует запомнить результат выбора. Это запоминание проходит три этапа (см. рис. 1, б). Первый этап диктуется конъюнктурной целью, второй этап – прогностической целью, а третий этап – асимптотической целью.

Три стадии – «мозаика», «паркет», «чистый кластер» – подобны содержанию стадий телеологического процесса в описании А.Н. Уайтхеда. На стадии «мозаики», на которой элементы системы группируются в нечетких очертаниях рецептов вариантов действий, способных привести к иному состоянию, варианты выхода из хаоса подчинены конъюнктурным, т.е. сиюминутным, целям. В описании А.Н. Уайтхеда этому соответствует стадия «ответная фаза», на которой происходит «рецепция мира как множества индивидуальных центров чувствования, взаимопредполагающих друг друга»¹. Иными словами, на этой стадии элементы системы становятся носителями информации о каждом из конкурирующих вариантов, входя в определенную кооперацию между собой.

Стадия «паркет» демонстрирует оформление возможных вариантов будущих состояний в четких границах следования прогностическим целям, т.е. целям уже видимого и прогнозируемого будущего порядка. Этой стадии соответствует выделяемая А.Н. Уайтхедом «дополнительная стадия», содержание которой «определяется ин-

---

¹ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 299.

дивидуальным идеалом, постепенно оформляющимся в самом данном процессе»¹.

Завершающая стадия – «чистый кластер» – выражена в образовании одного состояния, достигаемого при следовании асимптотической цели, т.е. победы того варианта, который становится новым порядком, обретаемым системой. Примером состояния «чистого кластера» является «победа» единого для всего живого генетического кода. Завершающую стадию телеологического процесса – «сатисфакцию» – А.Н. Уайтхед характеризует как «исчезновение всякой неопределенности» при образовании актуальной сущности, «воплощающей решительное “да” или “нет”»².

Это образование актуальной сущности А.Н. Уайтхед называет тем «действительным происшествием», которое отделяет бытие от действительности, а И.Р. Пригожин – событием как фактом становления нового порядка, рождаемым при преодолении хаоса. С позиции предпринятых в этом разделе интерпретаций информационных процессов на этапе телеологического процесса происходит генерация и фиксация информации. Более того, именно результаты фиксации вариантов выбора становятся условием для начала процесса кодирования.

Сделаем оговорку. В социокультурных системах состояние «чистого кластера» достаточно условно, поскольку в этих сверхсложных системах возникающие варианты будущих порядков остаются «жить» на перифериях интеллектуального пространства. Эти варианты сводятся к стереотипам действий, образов и смыслов. Причем под воздействием конъюнктурных целей оформляются коды действий, под воздействием прогностических целей оформляются образы нового порядка, а под воздействием асимптотических целей оформляются понимания нового порядка вещей.

---

¹ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 299.

² Там же.

Итак, на этапе между B_1 и B_2 (см. рис. 1, а) создаются прообразы того, что в семиотике получит семантическую, синтаксическую и прагматическую трактовки форм знаков. Например, создание фонетического или иероглифического письма стало событием. Содержание этого события есть создание кода для соответствующих культур, который определил и предопределил характер их семиотических структур.

Модель (см. рис. 1) позволяет представлять механизмы тех телеологических этапов динамики социокультурных систем, на которых преодолевается состояние сильной социальной неустойчивости под действием мощной силы – коллективной мечты. Эта мечта вбирает в себя образы целей множества людей. А все желания сводятся к иерархии целей, возникающей в хаотическом состоянии социума: желаемое должно быть обретено прямо сейчас, цель должна быть достигнута в обозримом будущем, мечта становится смыслом и целью жизни. Сказанное о коллективной мечте имеет прямое отношение к исследованию коммуникативного пространства, поскольку тревогу уже достаточно долгое время вызывает¹ именно тенденция «подмять» вечные устремления культурных поисков форматом, удовлетворяющим сиюминутные потребности, что делает культуру фрагментарной, а потому уязвимой.

Таким образом, актуальным событием, завершающим телеологический этап, становится создание кода, схватывающего в себе варианты будущего порядка вещей. Это событие, определяющее действительность (в той трактовке, которая принадлежит А.Н. Уайтхеду), мы квалифицируем как «*событие-в-действительности*», чтобы отделить его от события, разделяющего действительность и реальность, описание которого еще впереди.

---

¹ Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–43.

Код, или язык, как особая целостность знаковых форм всегда определял и предопределял действительность конкретной социокультурной системы. Создание кода есть содержание событий-действительности в динамике социокультурных систем.

В этом разделе уже было сказано, что кодирование есть процесс такой подготовки сигнала / сообщения, которая соответствует формату канала трансляции для дальнейшей передачи. В социокультурных системах каналы трансляции осуществляют то, что А.Н. Уайтхедом называлось «переносом символического воздействия», а в качестве его компонент выделялись следующие «тройки»: «поверья, эмоции, обычаи»; «идеи, образы, эмоции»; «эмоции, намерения, вера»; «практический интеллект, теоретическое желание проникнуть в первичный факт, иронические критические порывы».¹ Иными словами, в этом процессе транслируются выраженные в знаке стереотипы действий, образы и смыслы. Очень упрощая ситуацию, скажем, что в семиотике этому соответствуют семантика, синтактика и прагматика как три направления измерения семиозиса². Эти три направления и определяют форматы каналов трансляции информации в социокультурных системах.

Достигнутый результат изложения упорядочен в табл. 1.

Таблица 1

Взаимосвязь форматов целей людей, целей этапов телеологического процесса свершения актуального события и каналов трансляции

Этапы телеологического процесса свершения актуального события (см. рис. 1)	Цели людей в форматах временных горизонтов	Каналы трансляции
Конъюнктивная цель на этапе «мозаика» и для этапа, выделяемого А.Н. Уайтхедом: «ответная фаза»	Цель должна быть достигнута прямо сейчас, поэтому востребованы образцы поступков	Семантический

¹ Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1999. С. 43, 57.

² Моррис Ч.У. Основания теории знаков; Знаки и действия // Семиотика: антология. М. ; Екатеринбург, 2001. С. 457, 129–143.

Окончание табл. 1

Этапы телеологического процесса свершения актуального события (см. рис. 1)	Цели людей в форматах временных горизонтов	Каналы трансляции
Прогностическая цель на этапе «паркет» и для этапа, выделяемого А.Н. Уайтхедом: «дополнительная стадия»	Цель должна быть достигнута в обозримом будущем, поэтому востребованы образы прогнозируемого будущего	Синтаксический
Асимптотическая цель на этапе «чистый кластер» и для этапа, выделяемого А.Н. Уайтхедом: «сатисфакция»	Цель всей жизни, поэтому востребованы смыслы, определяющие достижения будущего состояния	Прагматический

Итак, привлечение выводов синергетики для понимания механизмов, формирующих особенности коммуникативного пространства, позволяет выделить этап, предшествующий процессу создания кода. Этот этап представлен процессами генерации и фиксации информации. На нем причиной становится цель преодоления системой хаотического состояния. Данная цель «заставляет» систему генерировать информацию при выходе из хаоса (B_1 на рис. 1, *a*) и, как обозначено в определении Г. Кастлера, «запоминать» результат выбора варианта преодоления хаоса. Механизм этих процессов организует кооперативные эффекты в поведении всех элементов систем и создает иерархию целей: конъюнктурные, прогностические и асимптотические. Под действием перечисленных целей варианты преодоления хаоса получают свое выражение в том, что структурируется новый порядок, а каждый структурный элемент фиксирует содержание своего сценария в некоторой знаковой форме, которая может стать прообразом прагматики, синтактики и семантики кода. В концепции семиозиса Ч. Пирса происходящему на этих этапах информационного процесса соответствует содержание категории *Первичности* как возможности создания знака.

Необходимо подчеркнуть, что приведенный вывод о соединении синергетического, информационного и семиотического описаний того начала, которое формирует коммуникативную действитель-

ность, обладает оригинальностью. Иными словами, этот вывод никем другим не был сделан. Эти «иные слова» приведены не ради амбиций, а для предупреждения читателя о том, что данный вывод не имеет сторонников в научном сообществе. Приведенный вывод открывает собственный исследовательский путь для изучения ландшафтов, на которых растут символы. Для описания этого пути акцентируем то обстоятельство, что результатом следования первой по времени возникающей цели на стадии генерации информации – конъюнктурной цели – становится семантический формат кода. На завершающей стадии генерации информации конструктивной выступает асимптотическая цель, результат следования которой воплощается в прагматику кода.

Исследования принятия социумом утопической идеи¹ свидетельствуют, что каждая утопия возникает как мечта, затем становится виденьем, а потом трансформируется в конкретный проект реализации утопии, т.е. в практопию. Иными словами, утопическая идея проходит следующий путь трансформации: утопия-мечта, утопия-виденье, утопия-проект. Этот путь соответствует обратной перспективе следования конъюнктурным, прогностическим и асимптотическим целям, поскольку конъюнктурным целям соответствует практопия, прогностическим – утопия-виденье, а асимптотическим – утопия-мечта. Казалось бы, в этой обратной перспективе трансформаций утопической идеи и последовательности целей, конструктивных для преодоления хаоса, кроется причина того, что утопия есть несбыточный образ будущего. Вместе с тем известны случаи реализации утопий. К этим случаям относится воплощение утопических идей Дж. Гаррингтона в Декларацию независимости США² или утопии И. Канта – в проект строительства Евросоюза³.

---

¹ Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры. М., 2005. С. 162–208.

² Harrington J. «The Commonwealth of Oceana» and «A System of Politics». Cambridge, 2003.

³ Кант И. К вечному миру. М., 1989.

Выявленная обратная перспектива в генерации утопий в качестве условия своего воплощения в действительность требует, чтобы утопия-мечта отвечала конъюнктурным целям, а основная идея этого «сна золотого» трансформировалась бы в практопию, соответствующую асимптотическим целям. Это требование сложно выполнить, и, чтобы оно осуществилось, нужен случайно выпавший из колоды возможностей благоприятный расклад пасьянса, в котором каждая карта есть означающее сценария поведения каждого из элементов системы.

Приведенная карточная метафора позволяет если не понять, то почувствовать уникальность проникновения утопии в действительность. Продолжим этот пример. Пасьянс есть игра, в которой по определенным правилам раскладываются карты, образуя заданный этими же правилами рисунок. Пространственная форма этого рисунка схожа с «предметами», чьи названия дают название пасьянсу: «Шапка Мономаха» или «Могила Наполеона». Симптоматично, что успех пасьянса «Шапка Мономаха» зависит от случайного выпадения карт, а пасьянса «Могила Наполеона» – от тренированности памяти играющего и степени его знакомства с комбинаторикой, логикой, статистикой и теорией игр. Ясна связь правил, предписывающих распределение роли карты, с семантикой, рисунка расклада с синтактикой и логики пасьянса с прагматикой, при этом синтактика (рисунок пасьянса) во многом корреспондирует семантику (правила расклада) и прагматику (логику правил и комбинации возможностей реализовать рисунок пасьянса).

Из обыденного опыта известно, что люди, увлекающиеся пасьянсами, как правило, полагаются на удачу и в первую очередь помнят рисунок пасьянса. Память об этом рисунке не дает забыть правила расклада, а цель игры люди видят в том, чтобы занять время или успокоить нервы, и очень редко целью игры является тренинг в теории игр. Иными словами, синтактика является самым устойчивым форматом знака в семиотических трансляциях. Она

в своем соответствии прогностическими целями (см. табл. 1) является и самой устойчивой фазой в темпоральной последовательности возникновения конструктивных целей, поскольку совпадает в своем промежуточном положении с возникновением образа хорошего будущего. Кроме того, при формировании кода, т.е. при достижении результата, которым завершается стадия генерации информации, семантика кода легка в подражании и доступна большинству, синтактика кода очевидна всем, а прагматика кода, являясь системообразующей, может оставаться сокрытой двумя завесами – привычностью порядка действий и всеми разделяемыми образами действительности¹.

Итак, сделаем выводы из рассуждений, представленных в этой рубрике раздела. При преодолении хаотического состояния система генерирует информацию. Эта информация может существовать только в зафиксированном виде. Процесс фиксации информации не только связывает ее с материальным носителем, но и требует ее кодирования. Процесс кодирования информации, т.е. информации, уже сгенерированной и зафиксированной, предполагает ее выражение в знаковой форме, что означает ее «упаковку» в формат прагматики, синтактики и семантики.

Обозначенная здесь на основе теории информации взаимосвязь синергетики и семиотики позволяет констатировать, что образование кода есть граница между процессами сращения и перехода, между бытием и действительностью, т.е. образование кода является событием-в-действительности, которое, будучи воплощением категории *Первичности* (в концепции семиозиса Ч.С. Пирса), становится началом формирования коммуникативного пространства социокультурных систем. Для совершения

---

¹ Заметим, что эти «две завесы» столь непрозрачны, что в их описаниях представлен весь феномен культуры в этологических, этнографических и игровых концепциях культуры. Эти же «две завесы» подобны уже упомянутому событию-в-действительности и еще не упомянутому событию-в-реальности.

этого события ведущими значениями обладают прагматика и синтактика. Другими словами, коммуникативный бумеранг запускается силой прагматики и синтактики, а сам его «запуск» понимается как событие-в-действительности. Начальные отрезки траектории движения бумеранга отражает модель на рис. 1, модель процесса сращения многих факторов, определяющих его полет. Чтобы проследить траекторию возвращения бумеранга, понадобится другая модель. Это модель макроскопического вида процесса «переход», модель перехода от действительности к реальности, т.е. от события-в-действительности к событию-в-реальности.

2. О процессах в социокультурных ландшафтах

На основе модели генерации информации А.Н. Уайтхедом был выявлен механизм возникновения события, которое разделяет бытие и действительность в содержательном разграничении этих сущностей. При этом было высказано утверждение: механизм возникновения этого события раскрывается только на основании информационных интерпретаций самоорганизации. Суть события-в-действительности заключается в создании кода, который определит сценарий социокультурной системы. Таким образом, событие-в-действительности как зафиксированный в коде вариант осуществления всего множества возможностей, содержащихся в бытии культуры, детерминирует дальнейшее становление конкретности социокультурных систем.

Реальность, согласно А.Н. Уайтхеду, также должна отделяться от действительности событием. Это событие, как и событие-в-действительности, должно возникать спонтанно, мгновенно и в результате когерентного поведения всех элементов. В работе А.Н. Уайтхеда¹ этим требованиям отвечает то, что им названо «пе-

---

¹ Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1999. С. 45.

реворотом в символизме», а сам символизм в своем воздействии на человека формирует восприятие мира, т.е. формирует реальность. Данное обстоятельство инициировало предположение, что событие, тождественное «перевороту в символизме», является тем событием, которое отделяет действительность от реальности. Именно это событие мы будем называть далее «событием-в-реальности».

В данной рубрике раздела предполагается установить тот этап в динамике социокультурных систем, на котором происходит переворот в символизме, т.е. возникает событие-в-реальности. Поскольку реальность определена восприятием действительности, а само восприятие формируется под действием когнитивной и критической функций¹, то поиски места события-в-реальности в динамике социокультурных систем направлены на выяснение той формы социокультурной действительности, в которой доминируют именно эти функции.

Расскажем об этих поисках в связи с уже упоминавшимися эффектами утопических идей и их ролью в формировании социокультурных ландшафтов. История получения этих решений такова. Постановка задачи была связана с выявлением роли утопических идей в социокультурной динамике. В связи с этим философской рефлексии подвергались установленные Э.Я. Баталовым системные функции утопии (критическая, когнитивная, нормативная, прогностическая, компенсаторная) и формы культуры (идеология, социальный сценарий, антиутопии, социальный миф)². Была доказана релевантность информационного подхода к исследованию утопий, и на основании одной из моделей информационного процесса удалось корреспондировать перечисленные си-

---

¹ Обоснование этого предположения дано, например, в экологической теории восприятия. См.: Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.

² Баталов Э.Я. Политическая утопия XX века: вопросы теории и истории. М., 1996.

стемные функции утопии и формы культуры. Более того, именно модель позволила выявить еще две функции – вербальную и адаптивную – и установить формы культуры, возникающие под их воздействием: «новояз» и модель социального поведения¹. Позднее было доказано, что установленная корреспонденция не только распространяется на феномен утопии, но и является применимой к взаимосвязи системных функций и форм культуры². Причина указанных корреспонденций состоит в том, что конкретные механизмы стадий информационного процесса подчинены своим функциям, а результат каждой стадии выражает себя в семиотической форме. В пространстве состояний социокультурных систем есть свои аттракции (локусы притяжения), и способом самоизмерения этих ландшафтов становятся «образовательные» путешествия³. От этого очень близко к установлению ландшафтных фаций и траекторий, составляющих прямые и обратные связи между ними.

Для описания представлений о фациях и траекториях перечислим ряд исходных оснований. В их числе сама модель, на основании которой установлены корреспонденции форм и функций культуры, принципиальное различие участков притяжения в реальном пространстве (будем называть их аттракциями), и участки, притягивающие возможные будущие состояния системы в виртуальном пространстве, которые в синергетике получили название «странные аттракторы».

---

¹ В ноябре 2003 г. удалось обсудить эти выводы с Эдуардом Яковлевичем Баталовым и получить его одобрение полученных результатов, которые были опубликованы. См.: Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры. М., 2005. С. 162–214.

² Жукова Е.А., Мелик-Гайказян И.В. Философские проблемы технологий и феномен Hi-Tech // Философия математики и технических наук. М., 2006. С. 557–586.

³ Мелик-Гайказян И.В., Роготнева Е.Н. Аксиология моделирования образовательных систем. Томск, 2008. С. 105–147.

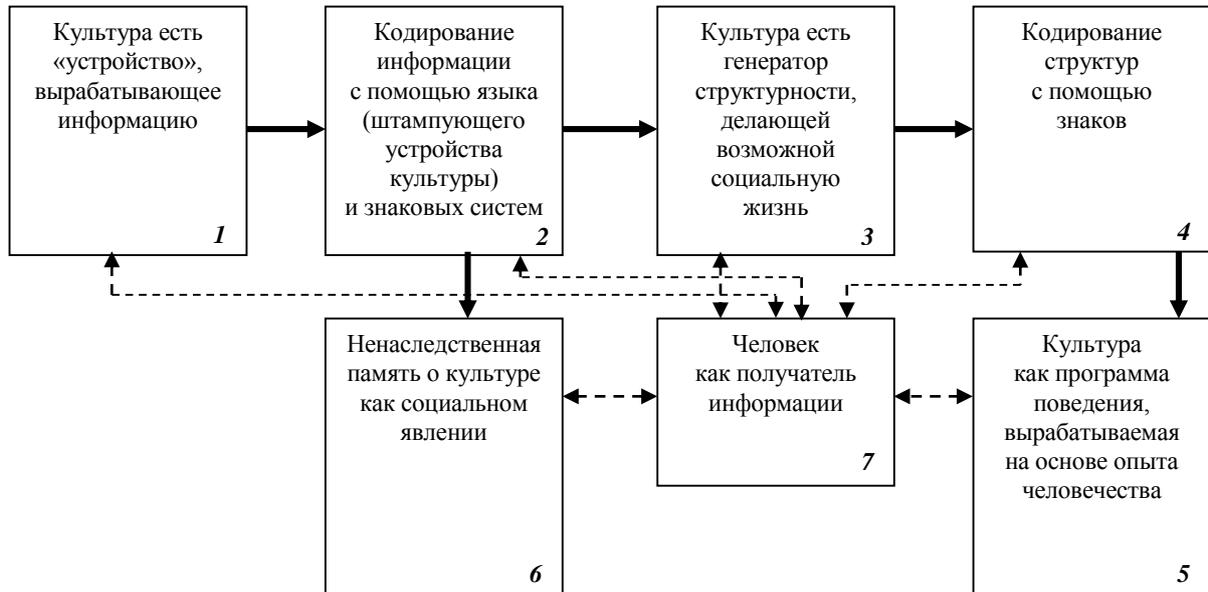

Рис. 2. Модель информационного процесса в социокультурных системах, детерминированного содержанием события-в-действительности (пунктирными линиями показаны направления воздействия на человека)

Модель информационного процесса, соответствующего тому, что А.Н. Уайтхед называл «переход», выражает стадии информации-процесса и распределение по этим стадиям отдельных элементов семиотического механизма культуры, которые как составные части были выявлены Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским. Взаимосвязь указанных оснований воплотилась в модель, раскрывающую воздействие социокультурных трансформаций как информационный процесс (рис. 2). В этой модели *блок 1* соответствует стадии процесса генерации информации, механизм этой стадии был представлен на рис. 1. Процессу кодирования информации соответствует *блок 2*. Этапу трансляции информации, механизм которого состоит из процессов передачи информации в синхроническом и диахроническом режимах, соответствует на рис. 2 *блок 3*. Процессу реализации информации в оператор, т.е. процессу создания способа совершения целенаправленных действий на основе переданной информации, соответствует *блок 4*. Процесс тиражирования информации, возникающий благодаря действию оператора, воплощен с элементом семиотического механизма культуры, представленного *блоком 5*. Процесс хранения информации сопоставлен с процессами образования ненаследственной памяти культуры – *блок 6*. Заметим, что, во-первых, процесс «перехода» (см. рис. 2) по своей длительности значительно превосходит процесс «сращения» (см. рис. 1), и, во-вторых, название «блоков» модели есть составные части, установленные Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским¹.

Приведем простой пример. Каждая из религиозных систем возникла на основе определенного толкования того, что есть благо (*блок 1*). Идея благой жизни фиксировалась в тексте (*блок 2*), в котором определялись как ритуализированная этика (*блок б*), так и определенная структурная организация жизни (*блок 3*). В свою очередь, новая структурность требовала воплощения в соответ-

---

¹ Лотман М.Ю., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Ю.М. Лотман. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 326–344.

ствующим знаковым системам. Либо создавались новые символы, либо происходил семантический переворот в символизме (блок 4). Целью воплощения в жизнь новой идеи блага во всех случаях было научить человека жить и поступать правильно, т.е. создать идеальную модель поведения человека (блок 5). Ясно, что создание всех перечисленных форм – идеологии под воздействием нормативной функции (блок 1), своеобразного «новояза» (блок 2), социальных сценариев под воздействием прогностической функции (блок 3), новых стилей под действием критической функции (блок 4) и модели поведения как реализации адаптивной функции (блок 5) – требовало целой эпохи.

Сказанное о функциях и формах культуры демонстрирует рис. 3. Обратим внимание на два обстоятельства, иллюстрируемые моделью (см. рис. 2). Во-первых, зафиксированная в культурном коде идея (блок 2) имеет два продолжения. Она может стать основой для изменения структурной организации социальной жизни, а следовательно, вызывать новые сценарии поведения системы (блок 3). Однако она может стать и «ненаследственной» памятью (блок 6), причем если код со временем утрачивается, то становится проблемным понимание смыслов ушедших культурных эпох. Но если темп генерации новых значений не позволяет их запомнить или срок их хранения незначителен, то в культуре «распадается связь времен», что, в свою очередь, вызывает состояние, подобное хаосу броуновского движения. Таким образом, нарушение темпов разворачивания процессов, представленных в модели блоками 2, 3 и 6, становится «точкой роста» культурных деформаций.

Скорость разворачивания процесса «переход» можно почувствовать на формировании структуры культурного пространства. Историко-культурологические и культурно-географические исследования¹

---

¹ См., напр.: Базарова Э.Л., Бицадзе Н.В., Окорочков А.В., Селезнева Е.Н., Черносивов П.Ю. Культура русских поморов: опыт системного исследования. М., 2005. С. 94–116.

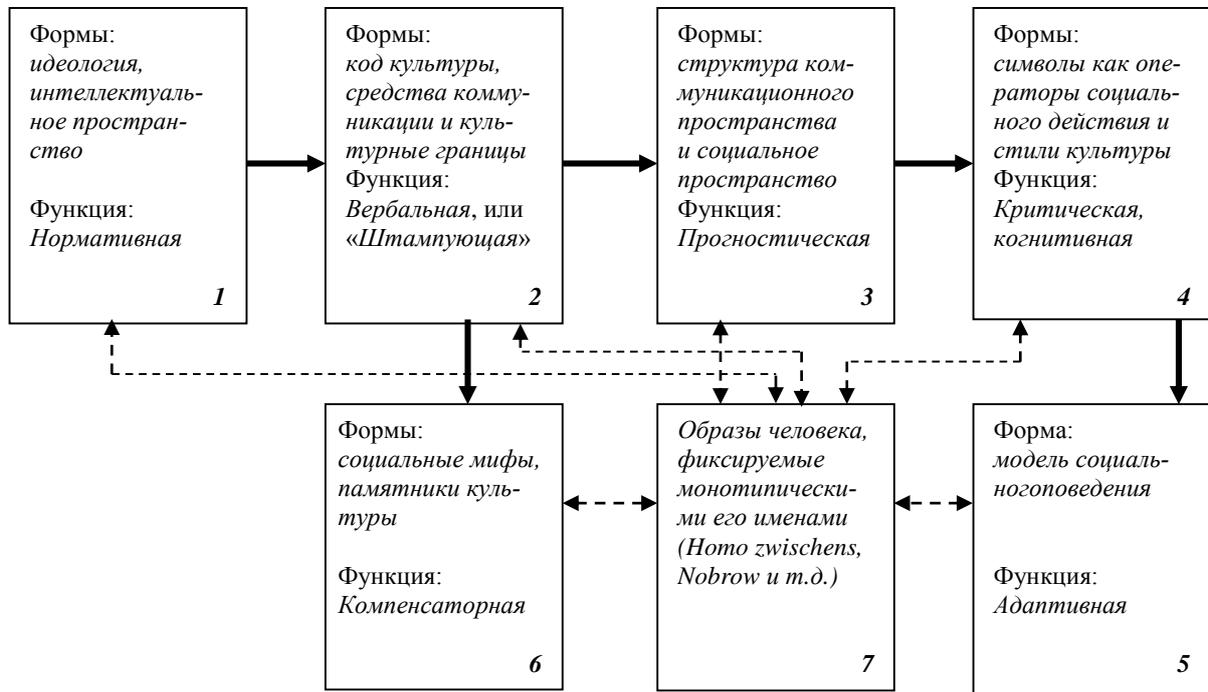

Рис. 3. Корреспонденция форм и функций культуры, установленная на основе модели информационного процесса

утверждают, что при расселении, вне зависимости от ресурсной базы, происходит практически одновременное выделение следующих функциональных пространств: пространства хозяйственной деятельности, представленного жилыми комплексами, производственными постройками, обрабатываемыми землями и т.д.; пространства коммуникации, представленного тропинками, дорогами и мостами. Сакральное пространство, являясь основой духовной жизни людей, осваивающих новые земли, может быть принято как ядро формирования культурного ландшафта. В процессе освоения территории во многих традиционных обществах было необходимо ритуальное «отделение» пространства «чужого» от «своего». Затем происходило структурирование уже «чистого» пространства.

Необходимо отметить, что рассматриваемые исследования культурного ландшафта позволяют учитывать временную составляющую и рассматривать культурный ландшафт как «историческую память», т.е. культурный ландшафт выступает как «напластование» отражений моделей мира, как «перекодировка» элементов одного сакрального ряда в другую сакральную систему. Таким образом, естественное формирование культурного ландшафта происходит через сакрализацию занимаемого пространства и последующее структурирование для осуществления оптимальной жизнедеятельности, а становление любого культурного ландшафта происходит через одновременное образование определенных пространств: хозяйственного, коммуникационного и сакрального.

Любой культурный ландшафт представляет собой «наслоение» так называемых исторических пластов, которые представляют историческую память культурного ландшафта. Перемещаясь в иное пространство культуры и сравнивая его со своим, человек *измеряет* пространство иной повседневности. В истории путешествий фиксируется, что некоторые маршруты сохраняют устойчивость на протяжении веков. Точками притяжения являются сакральные центры и памятники культуры.

Итак, фациями культурного ландшафта будут: интеллектуальное пространство (см. рис. 3, *блок 1*), коммуникационное пространство (см. рис. 3, *блок 2*), социальное пространство (см. рис. 3, *блок 3*). Эти фации возникают под действием соответствующих функций: нормативной, вербальной (в этом конкретном примере данная функция диктуется ключевым свойством информации – фиксируемостью), прогностической. Путешествие как феномен культуры возникает в качестве оператора культуры (см. рис. 2, 3, *блок 4*), становящегося способом самоизмерения культурного ландшафта и разнообразия культурного пространства.

Помимо перечисленного, обратим внимание на конкретное наполнение той формы культуры, которая формируется под действием когнитивной и критической функций. Эта форма одновременно играет две роли: оператора информационной динамики социокультурных систем и символа, фиксирующего структурность этих систем. Иными словами, на определенном этапе информационного процесса (см. рис. 2, 3, *блок 4*), выступающего механизмом самоорганизации социокультурных систем, формируется символ как оператор действий, вбирающий в себя результаты предшествующих этапов нелинейной динамики. А это, в свою очередь, служит основанием для предположения о том, что перевороты в символизме (или событие-в-реальности) должны совершаться именно на этом этапе.

Можно сделать и еще один вывод: этап процесса генерации информации запускает работу «устройства» культуры, результатом чего становится действие нормативной, «штампующей» и прогностической функций. Эти функции воздействуют на человека, живущего в пространстве, образуемом данным «устройством». Пути воздействия есть траектории, по которым в повседневность человеческого существования возвращаются идеи, воплощаясь в определенных формах культурной действительности. Эти траектории представлены на рис. 2, 3 пунктирными линиями. Человек находится в плену идеологий, языка и социальной структурности –

форм виртуального пространства культуры. Одновременно с этим жизнь человека происходит в сформированных границах (см. рис. 3, блок 2) действительного пространства: интеллектуального (см. рис. 3, блок 1) и социального (см. рис. 3, блок 3). В постепенности диахронии формы культуры образуются и под действием тех целей, которые были обнаружены на основе модели процессов генерации (см. рис. 1) и представлены в табл. 1.

Итак, интеллектуальное пространство и идеология создаются при следовании асимптотическим целям генерации нового порядка; коммуникативная структура и социальная структурность формируются как результат преследования прогностических целей создания нового порядка; культурные границы и коды культуры вырабатываются в конъюнктурности прагматических целей обретения устойчивости и упорядоченности, для достижения которых необходимо преодолеть хаотическое состояние. Однако если описанный процесс становления культурных форм происходит веками, то логичен вопрос, где возникают деформации культуры, отмечаемые при исследовании ее современного состояния¹.

В процессе становления культуры образуются аттракции. Основой для их образования являются следы интеллектуальной истории, хранимые в памяти культуры, или так называемые памятники культуры. Эти памятники в осязаемой форме воплощают как результаты работы «устройства» культуры, так и демаркацию ареалов культуры. К этим аттракциям устремляются люди в своих путешествиях, определяя тем самым измерения пространственного выражения своей и иной культурной действительности. Путешествие представляет собой любопытство, выраженное в поступке, требующем усилий и преодолений границ привычного. Современное интернет-пространство позволяет совершать путешествия, не требующие даже любопытства. И в этом пространстве отсутствует

---

¹ Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–43.

осязаемое воплощение аттракций. Вместе с тем каждый знакомый с интернет-пространством знает, что в нем есть локусы притяжений. Эти локусы возникают в пространстве, которое не имеет параметров реального пространства. Однако за гранью самоочевидного подобное пространство существует – это пространство состояний, или фазовое пространство.

Необходимость обращения к законам этого пространства только в этом разделе уже возникала несколько раз. Во-первых, при обосновании существования телеологического этапа информационного процесса без учета гипотезы о «надприродных» силах (см. рис. 1). Во-вторых, при определении сущности феномена утопии как реализованного образа будущего состояния социокультурной системы, не совпадающего ни с одним аттрактором в пространстве режимов этой системы (см. рис. 2, 3). В-третьих, при упомянутом выше различии ролей странных аттракторов и аттракций.

Результатом проведенных исследований стал вывод о принципиальном различии участков притяжения (аттракций) в действительном пространстве и участков, притягивающих возможные будущие состояния системы, существующие в фазовом пространстве (странные аттракторы)¹. Данное положение имеет значение для выяснения механизмов, действующих на этапе трансляции информации, т.е. на стадии формирования структурности культуры (см. рис. 2, 3, блок 3). Дело в том, что следование к утопической цели (т.е. к цели, не являющейся аттрактором) может стать былью, но это будет требовать неустанных усилий для поддержки существования действительности, которая стала действительностью при реализации утопической идеи. Но в нелинейной динамике, «отпущенной на свободу», система может как самоорганизовываться, так и самодезорганизовываться. При этом, если первые три

---

¹ Мелик-Гайказян И.В. Вавилонская башня – метафора о «семиотическом аттракторе» динамики Hi-Tech // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 1. С. 92–103.

этапа нелинейной динамики социокультурной системы (см. рис. 2, 3, *блоки 1–3*) сложатся при любом «раскладе», то формирование дальнейших этапов (см. рис. 2, 3, *блоки 4, 5*) зависит от характера трансляции информации, запущенной в действительность на начальном этапе динамики. Этапы, на которых происходит создание оператора как способа реализации сгенерированной информации (*блок 4*) и выработка моделей поведения человека как средства адаптации к действительности (*блок 5*), требуют усилий творческого меньшинства и особого характера отбора возможных вариантов того, что будет наполнять эти операторы и модели.

Поясним сказанное на примере. Применительно к динамике образовательных систем роль оператора играют педагогические технологии. Каждая из имеющихся педагогических технологий создавалась, вбирая в себя семантику образовательной парадигмы (см. рис. 2, 3, *блок 1*), ее прагматическое выражение в теориях образования (см. рис. 2, 3, *блок 2*) и ее синтактику (см. рис. 2, 3, *блок 3*), выраженную в структурности образовательных уровней. Для реализации семантического, синтактического и прагматического наполнения той идеи, на основании которой предполагается формировать личность, необходимо создание способа или определенной программы действий – педагогической технологии. Можно сказать, что в педагогической технологии происходит «сборка» планов выражения первоначальной идеи образования.

Однако существует множество идей образования (все эти идеи принадлежат утопиям), которые реализуются во множестве педагогических технологий, а само множество педагогических технологий разделяется на группы по исходным идейным основаниям. Эти группы подобны «группам крови», что в принципиальной степени определяет границы их применимости. Разработка педагогических технологий является результатом целенаправленных усилий, как правило, больших коллективов, а внедрение новых педагогических технологий по своим трудозатратам подобно реализации утопической идеи.

При этом в практике отечественного образования педагогические технологии применяются без проверки «на совместимость» их идейных оснований. Это с неизбежностью приводит к известной ситуации, при которой формируемая в образовательном процессе модель человека служит не средством адаптации к действительности, а средством дезадаптации и дезориентации в пространстве социокультурных систем. Эта ситуация сложилась «сама собой», наглядно иллюстрируя вышеизложенную мысль о том, что в нелинейной динамике, «отпущенной на свободу», система может как самоорганизовываться, так и самодезорганизовываться.

Итак, при создании оператора (см. рис. 2, 3, блок 4) происходит «сборка» результатов процессов, происходящих на предшествующих этапах информационного процесса (см. рис 2, 3, блоки 1–3). Эта «сборка» вызывает самоорганизацию системы в том и только в том случае, когда в полной мере реализуется семантический компонент исходной идеи, т.е. реализуется та информация, которая на начальном этапе выбиралась под действием асимптотической цели (см. табл. 1). А это значит, что создание оператора соответствует событию, происходящему на этапе динамики системы, обозначенному на рис. 1 областью B_2 . Эта область является аттрактором для системы, находящейся в B_1 .

Таким образом, есть основание для следующих промежуточных выводов. Во-первых, в начале каждой самобытной эпохи культуры было событие, запускающее в социокультурное пространство идею, возвращающуюся бумерангом в виде нормативной, вербальной и прогностической функций, воздействующих на человека. Во-вторых, кодирование этого события, происходящего в B_1 , есть событие-в-действительности. В-третьих, обнаружен этап, на котором происходит второе событие, отделяющее действительность от реальности: событие-в-реальности – B_2 . В-четвертых, совершение события-в-реальности есть создание оператора, а в этом качестве выступают, например, технологии, способы измерения и выражения структурности системы. В-пятых, событие-

в-реальности есть аттрактор пространства состояний социокультурной системы.

Проще говоря, каждую самобытную эпоху культуры создают два события: событие-в-действительности и событие-в-реальности. Второе событие есть результат выбора между сценарием развития системы, ведущего к аттрактору действительности, либо сценарием, продиктованным неким образом будущего состояния, которое не является аттрактором. Однако следование к цели, не являющейся аттрактором действительности, не означает следования к невозможному будущему. Это лишь требует иного способа управления будущим. В основании способа управления будущим заложено то, что А.Н. Уайтхед называл «переворотом в символизме».

Модели (см. рис. 2, 3) представляют устройство культурных ландшафтов. Трудно удержать себя от соблазна продемонстрировать возможности этих моделей.

В этой рубрике уже было упомянуто, что начало любой самобытной эпохи культуры (или начало нового понимания благой жизни) определяло событие генерации некой идеи, которая, чтобы стать фактом действительности, должна была быть зафиксирована в культурном коде, или в некоем тексте. Без такого кодирования было бы невозможно проявить правила новой ритуализированной этики в качестве либо пласта в слоях памяти культуры, либо полного переформатирования этой памяти. В свою очередь, без кодов культурной новации и правил отношения к культурной традиции были невозможными трансляции новых идей в социальную практику для формирования соответствующих структур, иерархий и социальных институтов, что организовывало новую действительность жизни. Результаты информационных по своей сути процессов воплощались в формах знака, а вместе эти семиотические формы создавали новую символику, по ним опознавалось новое и старое, свое и чужое, правильное и отрицаемое.

Вторым событием, совершаемым уже в устанавливаемой действительности, было событие создания операторов, т.е. способов

совершения целенаправленных действий для каждой страты в новой социокультурной структурности. Например, понятно, что в культуре западного Средневековья каждая страта в иерархии молящихся, воюющих и работающих должна была получить ясную символику своих действий и целей, при этом образы монаха, рыцаря и землепашца обретали пересечения в символе нового понимания человека как истинного христианина. В таком символе происходил сплав очень различающихся между собой моделей поведения каждой из перечисленных фигур Средневековья. Создание этого символа или даже целой системы символов определило стиль всей эпохи и детерминировало реальность эпохи, которая всецело принадлежит только той ушедшей действительности. Но в те времена совершаемый в этом событии «переворот в символизме» играл роль события генерации образа будущего, устанавливающего новую реальность как новую прагматику отношения к действительности. Этот «переворот», в свою очередь, детерминирует создание способов социальной адаптации, антропологических образов эпохи, что соответствует такой стадии информационного процесса, как редупликация информации.

Графика моделей (см. рис. 2, 3) визуализирует два нюанса. Первый нюанс состоит в том, что восприятие всей семиотической динамики, или рецепция информации, связывает человека как получателя информации с каждой из уже перечисленных стадий информационного процесса, что обнаруживает траекторию воздействия каждой из функций культуры. Так, воздействие всех событий, совпадающих с началом самобытных эпох, выражено в нормативной функции, воздействие культурных кодов – в вербальной функции, воздействие памяти культуры – в компенсаторной функции, воздействие трансляции и организации структурности – в прогностической функции, создание операторов – в критической или когнитивной функции, а воздействие программ и моделей поведения – в адаптивной функции. Модели (см. рис. 2, 3) распределяют воздействие культуры как множества знаков по

функциям и демонстрируют, что мы подчиняемся культуре как своду правил, осознаем свою принадлежность культуре как принадлежности к ее языку, вспоминаем прошлое в качестве компенсации неуверенности в настоящем, прогнозируем свое будущее по принадлежности к неким иерархическим структурам, понимаем культуру в интерпретации ее символов, применяем культуру как способ приспособления к ее настоящему. В этом распределении, или, если угодно, в подобной «сборке» функций, есть основа для синтеза многих гуманитарных методов исследования социокультурных трансформаций в их антропологическом преломлении.

Второй нюанс состоит в том, что деформация культурной традиции, или произвольное вмешательство в память культуры, неизбежно потребует начать эти действия с переинтерпретации прагматики событий, создающих нормативную функцию. Иными словами, брэнность культурной традиции обнаруживает себя не в разрушении памятников культуры, не в утрате кодов культуры или внесении дефектов в ее язык, а с того, с чего начинается всякий новый ее период: либо с генерации новой идеи о благой жизни, либо с кардинальной перелицовки этой идеи. Причем генерация новой идеи всегда случайна, поскольку принадлежит творческой спонтанности, а перелицовка идей всегда принадлежит коллективным усилиям людей, которым или наследие прошлого не дает утешения, или тиражируемая в культуре модель поведения не оставляет возможности адаптироваться к настоящему.

На основе моделей (см. рис. 2, 3) было выяснено¹: как артефакты культуры становятся символами, а затем, пройдя через стадию

---

¹ Горбулёва М.С. Оружие символа и символ оружия // Высшее образование в России. 2009. № 10. С. 112–115; Ее же. Memory-turn и биоэтическое содержание символики современной культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 157–164; Ее же. Феномен памяти и его роль в маргинальных субкультурах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 11. С. 188–193.

«переворота в символизме», символы способны стать артефактами; каким образом происходит действие властной символики, и только в непосредственности опыта, в некоей дегустации семантики символических выражений артефакта человек способен обнаружить прагматику символа-артефакта.

Слово «дегустация» употреблено здесь отнюдь не в переносном смысле. Это слово обозначает самостоятельный феномен современной культуры, вскрытый М.С. Горбулёвой. Феномен дегустации ценностей обусловлен чрезвычайной множественностью параллельно существующих антропологических моделей поведения, и при выборе своей стези человек вынужден примерять на себя различные семиотические одежды, чтобы апробировать преимущества и обременения каждой роли. Легко представить, что дегустация не предполагает насыщения. Точно так же дегустация ценностей есть эрзац морального выбора, поскольку ценностям, избираемым для пробы, человек а priori собирается следовать лишь временно. Кто в иллюзиях молодости «не мечтал о дружбе с Титаном, кто не желал быть на “ты” с Героем, хлопать по плечу вундеркинда, великого Мэтра»,¹ поэтому первоочередными ценностями, подлежащими дегустации, становятся те, которые отмечены символами-артефактами Титанов, Героев, вундеркиндов и Мэтров. В массовой культуре современной повседневности значения перечисленных персонажей воплощены в образах супергероев, наполняющих сравнительно новый жанр комиксов, в котором визуализация текста доминирует над вербальным компонентом повествования.

В последние десятилетия поклонники комиксов организовали особые хронотопы своего поклонения – ComicCon, становящиеся, помимо всего прочего, и местом демонстраций разнообразных новинок в сфере компьютерной техники, за которыми закрепилось уже легко всеми узнаваемое название – гаджеты. В этом действии

---

¹ Барбери М. Лакомство : роман / пер. с фр. Н. Хотинской. М., 2006. С. 68.

есть все признаки хронотопа карнавала¹: маскарад в костюмах супергероев, или так называемый косплей; нерушимое правило, касающееся личных отношений, – «всё, что случается на КомикКоне, остается на КомикКоне»², и т.д. Казалось бы, в этом современном карнавале можно увидеть лишь аналог игрового действия, пронизывающего все культурные эпохи, если бы не одно обстоятельство. Подобный косплей³ стал неотъемлемой частью реконструкций исторических событий (например, битвы при Гастингсе, Бородинского сражения или битвы при Ватерлоо), собирающих десятки тысяч энтузиастов разных возрастов. В этом обстоятельстве, масштабности и периодичности которого трудно подобрать аналог в традиции культуры, уже нет прямого влияния массовой культуры, но есть нарастающая притягательность событий прошлого, продлевающая действительное существование прежних артефактов как символов-артефактов нынешнего времени.

Стоит отметить воздействие феномена дегустации за пределами самоорганизующихся маргинальных молодежных сообществ. Начнем с одной иллюстрации, в качестве которой выступит бестселлер «Лакомство», поскольку его название и сюжет вызывают ассоциации со словом «дегустация». В этом современном романе⁴, неким образом пытающемся повторить успех романа «Парфюмер», все действие сосредоточено на последнем желании умирающего гениального дегустатора и крупнейшего ресторанного критика еще раз ощутить самый незабываемый и любимый вкус. Проблема состоит в том, что величайший эстет и гурман не может

---

¹ Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике* // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики : сб.* М., 1975. С. 234–407; Руднев В.П. *Словарь культуры XX века.* М., 1997. С. 126–127.

² Диппер Е., Седов А. *Теория Большого взрыва : гид по сериалу по версии Kuraj-Bambej.* М., 2012. С. 26.

³ «Косплей» от английского *costume play* – букв. «костюмированная игра».

⁴ Барбери М. *Лакомство : роман / Пер. с фр. Н. Хотинской.* М., 2006.

вспомнить конкретную еду, обладающую этим вкусом. Он перебирает почти всю свою жизнь, воссоздает в памяти испытанные ощущения от шедевров великих кулинаров и от экзотических творений национальных кухонь всего мира. В итоге мучительных воспоминаний он находит этот вкус – его доставлял банальный эклер, повсюду продаваемый в супермаркетах: «Всю мою жизнь я его отрицал. Только в смертный час обрел я его вновь и навсегда после стольких лет заблуждений. Есть или не есть, жить или не жить – дело ведь не в этом, главное знать зачем. Во имя отца, сына и эклера, аминь. Я умираю»¹.

Пафос и дифирамб бестселлера демонстрируют неоднозначность массового и профанного в современной культуре, способных подчинить себе вкусы высоколобой элиты. Но это же позволяет обнаружить амбивалентность тех продуктов современного производства и современной культуры, которые оказываются в наши дни востребованными большинством. Они одновременно фиксируют жизненные устремления большинства и являют собой образцы, воплощающие коллективные усилия элит в разных сферах. Любой бестселлер, блокбастер, шлягер, вкус моды, популярный продукт, архитектурный шедевр или гаджет представляет собой концентрацию достижений интеллектуальных традиций и сплав достижений научно-технического прогресса. В этой концентрации и в этом сплаве отсутствует вульгаризация, поскольку они – концентрация и сплав – есть результаты синтеза и конвергенции всех способов рациональных решений, предлагаемых наукой, и всех способов воспитания чувств, предлагаемых религией и искусством. Эти смыслы феномена дегустации иллюстрирует не только роман «Лакомство», но и бестселлеры «Декоратор»², «Есть, молиться, любить»³ и т.д.

---

¹ Барбери М. Лакомство : роман / Пер. с фр. Н. Хотинской. М., 2006.

² Эгген Т. Декоратор. Книга вещиности. СПб., 2004.

³ Гилберт Э. Есть, молиться, любить. М., 2013.

Итак, стоит различать массовую культуру, которую принято корить за ее легковесность и отсутствие пробуждающего устремления к высоким идеалам, и культуру, необходимую массам как множеству индивидуальностей¹, которым в условиях диверсификации смыслов и дифференциации ролей чрезвычайно нужен навигатор для самостоятельного обнаружения личной траектории в культурном ландшафте.

В романе «Лакомство» присутствует еще одно оригинальное замечание, которое иллюстрирует содержание дальнейшего фрагмента рассуждения. Великий дегустатор приходит к выводу, что основы кулинарии, ставшей культом и особым символом европейской культуры XX в., были заложены поколением бабушек его современников. Тем самым бабушки компенсировали «все унижения, которым подвергались не сами по себе, а в силу своей женской доли», и брали реванш за господство мужчин за пределами домашнего очага². «Они повязали своих мужчин не тенетами домашнего уклада, не детьми, не респектабельностью и даже не постелью – нет, вкусовыми бугорками, да так надежно, как если бы посадили в клетку, в которую их даже загонять не пришлось»³. Мужчины, воспитанные обществом как будущие хозяева жизни, не могли противостоять тем ощущениям, которые могли испытать, только вкушая то простое и лишенное утонченности, что было создано в «домашних лабораториях»⁴, в которые превратились кухни их жен.

Из описания этой частности сделаем свои выводы. Культ чувственных удовольствий возникает в обществах, в которых сложившаяся иерархия или социальная структурность ведет к униженному положению и состоянию неких страт. Эти страты могут

---

¹ Отметим, что это множество индивидуальностей состоит отнюдь не только из молодых людей или маргиналов.

² Барбери М. Лакомство : роман / Пер. с фр. Н. Хотинской. М., 2006. С. 32.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же.

оказать сопротивление созданием объектов, обладающих впечатлением легкости и очевидности, перед простотой которых будет млеть пресыщенность при всей своей власти и заносчивой силе. Но создание объектов, обладающих такими качествами, всегда становится результатом отточенного мастерства. Понятно, что подобное мастерство приобретается в опыте множества повторений, а сами эти повторения требуют постоянного возвращения к исходной точке опыта, что создает свою традицию передачи знаний.

Теперь представим себе, как эти условия будут выполняться в обществе, всецело устремленном в будущее, т.е. в обществе, основанном на инновационных знаниях, где темп их предложения заставляет старшие поколения учиться у младших поколений. Причем у тех младших поколений, которые в еще недавнем состоянии общества были всецело подчинены всем видам власти старшего поколения – их политической воле, моральному авторитету и финансовой силе. Это позволяет понять, что младшие поколения не испытывают потребности возвращения к памятного ими прошлому, что выражает себя либо в апелляциях к тому прошлому, которое они помнить не могут, например к реконструкции очень давних исторических событий, либо в создании своего прошлого, а вернее – в создании иллюзии о своем собственном прошлом.

Здесь важно обратить внимание на то, что в моделях (см. рис. 2, 3) по стрелкам, представленным сплошными линиями (их направленность обеспечена необратимостью информационного процесса) и пунктиром (направлены «к человеку» в качестве воздействия функций культуры и «от человека» в качестве ответа на воздействие), можно следовать, совершая бесконечное кружение. Это кружение представляет собой навигатор по тем взаимосвязям, которые обеспечивают жизнь самого культурного ландшафта. Но есть один запрещенный путь: от «памяти» (см. рис. 2, 3, блок б) к «коду» (блок 2). Модель предоставляет возможность «обходного маневра» этого запрета: по пунктиру компенсаторной функции от блока б к блоку 7, далее по «возвратному» пути нормативной функ-

ции от блока 7 к блоку 1, затем по сплошной стрелке от блока 2 к блоку 6. Эта траектория напоминает цифру 8, или знак бесконечности. Многократное его повторение создает мутацию, формируемую внедрением социального мифа в культурный код в условиях, когда значительной страте компенсация важнее адаптации, когда прошлое важнее настоящего, когда необходимо придумать новое прошлое. Или когда новая культура начинается себя с языка.

Итак, перечислим приметы новой культуры¹ в последовательности, диктуемой пунктами «обходного маневра». Перечисление представим на экзотичном примере.

Блок 1. Нормативность основана на *джедаизме*, представляющем собой мировоззренческое следствие из достаточно посредственной серии фильмов «Звездные войны». Мировоззренческие следствия, выраженные в религиозном движении и в философии жизни, непропорциональны качеству «звездной» саги. Трудно счесть легковесным так называемый «Символ веры Джедая», в котором, за исключением слова «Галактика», ничто не указывает на сюжетную линию фильмов: «Джедаи – защитники мира в Галактике. Джедаи используют свои способности, чтобы охранять и защищать – никогда для нападения на других. Джедаи уважают каждую жизнь, в любой форме. Джедаи служат другим, а не властвуют над ними, во благо Галактики. Джедаи стремятся к самосовершенствованию через познание и тренировки»². Впечатляет число сторонников «истинно верующих» джедаев, которое тем не менее значительно уступает числу «сочувствующих» этому религиозному движению или сделавших его содержание нормой жизни, что, кстати, наполняет ряды волонтеров и «зеленых» течений.

---

¹ Новая культура является новой не по времени ее становления, т.е. не в значении понятия «современная культура», а по всем культурным формам: нормативности, языку, представлениям о наследии своего прошлого, стилю и антропологическим моделям.

² <http://ru.wikipedia.org/wiki/Джедаи>

Блок 2. Создан свой язык – клингонский. На этот язык переводят книги, его «понимают» поисковики в Интернете, на нем издается научный журнал «HolQeD», действует Институт клингонского языка, регулирующий всю эту деятельность¹. Язык являет собой смесь санскрита и тех языков североамериканских индейцев, носителей которых уже нет. Изначально язык был искусственно создан для большей достоверности действия еще одного «звездного» сериала, имеющего почти восемь сотен телевизионных фильмов. Сериал «Звездный путь» имел такой резонанс, что его поклонники, так называемые треккис (производное от оригинального названия сериала «Star Trek»), были специально отмечены Оксфордским словарем². Содержание сериала продолжает тему борьбы добра и зла во вселенском масштабе, содержащуюся в сюжете «Звездных войн», но добавляет к ней, во-первых, борьбу разума и чувств, полем для которого является внутренний мир человека, и, во-вторых, борьбу против расовых предрассудков, утверждая ценности толерантного сосуществования в мире разных цивилизаций.

Блок 6. «Память» культуры составляют мифы как обязательная часть наследия любой культуры и «повествования» о реальных людях, которыми стали особо почитаемые ученые, чьи открытия отметили вехи в интеллектуальной истории новой культуры. Персонажами мифов стали супергерои комиксов, герои «звездных» сериалов и жители Средиземья из книг Дж.Р. Толкина.

Блок 7. Назвать человека новой культуры можно словом «нерд»³. Программа формирования нерда состоит в следующем. В детстве он должен быть таким «ботаником», который испытает много тяжелых моментов во взаимоотношениях с непонимающими

---

¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/Клингонский_язык; http://ru.wikipedia.org/wiki/Институт_клингонского_языка

² <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/Trekkie>

³ Nert от искаженного nut (псих, чудака, зануда). См.: Диппер Е., Седов А. Теория Большого взрыва : гид по сериалу по версии Kuraj-Bambey. М., 2012. С. 21.

ми его сверстниками и родителями, что до конца дней сделает его закаленным индивидуалистом и убежденным перфекционистом. В молодые годы он должен получить образование в элитном университете и еще несколько лет оттачивать свой профессионализм в различных формах послевузовского образования. В период своего становления нерд сочетает законопослушность с независимостью своих поступков и решений от принятых стереотипов. Он всегда и во всем «не как все», что делает проблемным его существование в повседневности. Но, как было замечено Чарльзом Дж. Сайксом – большим знатоком нерд-культуры – «будьте добры к нердам: вполне возможно, через пару лет вы будете работать на одного из них»¹. Нерд заявляет о себе лично только в профессиональной сфере, во всем остальном (в хобби, личной жизни, социальной активности) он избегает любых форм манифестаций. Этой скрытости жизни способствуют современные формы виртуальной реальности, которые, кстати, именно нердами и были созданы.

Блок 3. Структурность новой культуры задана современными средствами коммуникации, без которых была бы невозможна самоорганизация нердов. В этих коммуникационных средствах часто предпочитают видеть генезис социокультурных трансформаций. Однако данные технологии были разработаны нердами-учеными, внедрены нердами-инженерами и нердами-бизнесменами. Иерархия новой культуры задана знаками перфекционизма: профессиональными рейтингами, индексами публикационной активности, дипломами и степенями. В этом опять же воплощена неизменность стремления «к самосовершенствованию через познание и тренировку». В принципе, эти индексы рейтингов, фиксирующие этапы перехода от «ботаника» к мэтру, созданы теми, кого называют либо *creative class*, либо *nerd*.

---

¹ Цит. по: Диппер Е., Седов А. Теория Большого взрыва : гид по сериалу по версии Kuraj-Bambey. М., 2012. С. 20.

Блок 4. Стили новой культуры определяют символы-артефакты, которые стали в ней операторами социального действия. Они определили семиотические параметры реальности, ставшей комфортным способом жизни нерда в современной действительности. Оператором, продвигающим в повседневность результаты деятельности по разработке высоких технологий, стал стиль hi-tech. Этот стиль стоит отличать от синонимичного ему феномена Hi-Tech, поскольку основным потребителем одной группы новых технологий является не обычный покупатель, а другая группа новых технологий. Оператором, осуществляющим трансфер достижений Hi-Tech из области науки в сферу искусства, стал стиль sci-art. А оператором, осуществляющим тиражирование «звездной» идеологии, стал fan-art, в стилистике которого создано большинство компьютерных игр. По этим символам-артефактам в большинстве случаев опознаются социокультурные трансформации, *захватившие современность.*

Блок 5. Формирование человека новой культуры задано концепцией креативного класса¹. Из нее следует, во-первых, неизменная принадлежность к высоколобым, подтверждаемая чрезвычайной ценностью такого образования, в котором будет сочетаться подготовка в области фундаментальных наук и в области изучения культурного наследия. Такое отношение к гуманитарной компоненте образования находит объяснение в том, что приемлемыми считаются действия, обоснованные рационально, поэтому для отрицания любой интеллектуальной традиции о ней надо многое знать. В содержание образования, ценимого креативным классом, входит все, что касается визуальных искусств, поскольку проектирование будущего, в котором новые люди видят свое предназначение, невозможно без владения знаниями основ, например, архитектуры и дизайна, задающих предметную образность будущего. Помимо этого, неотъемлемой частью разработки новых техноло-

---

¹ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.

гий стала гуманитарная экспертиза, осуществляемая отнюдь не самими разработчиками, что обеспечивает необходимость в знаниях классической и прикладной этики. Все это вместе задает абрис образования, которое желает видеть в своих выпускниках продолжение *creative class*.

Во-вторых, экстравагантные черты их образа заданы аттрактором избираемых ими жизненных траекторий. В этом аттракторе воплощен индивидуализм любого творчества. Надо заметить, что время зарождения новой культуры совпадает с формированием идей биоэтики. К нынешнему моменту биоэтика стала социальным институтом, самостоятельной научной дисциплиной, прикладной этикой и формой защиты индивидуальности¹. Биоэтика выявила оригинальную соразмерность социального эгоизма и социального альтруизма, свойственную *creative class*. Социальный эгоизм проявлен в отрицании традиций культуры, в которых была сильна власть патернализма, а социальный альтруизм – в том, что они бескорыстно создают будущее науки, что, собственно, и стимулирует их самоорганизацию. Этот нерв феномена биоэтики демонстрирует самосознание новой культуры, выраженное в особом понимании ответственности перед прошлым, настоящим и будущим.

Все воздействия новой культуры имеют антропологические последствия. Эти последствия воплощают те, кто лишь соседствует с «новыми людьми», и такие последствия выражают по-разному: от *побгров*², буквально – «безбровый», что означает утрату границы между высоколобым и профаном, до *kidadult*³, буквально – «ребенок-взрослый», что означает утрату границы между инфантильностью и ответственностью. В данных оценках схвачена трансфор-

---

¹ Мещерякова Т.В. Биоэтика как форма защиты индивидуальности в современной культуре // Высшее образование в России. 2009. № 10. С. 94–99.

² Сибрук Д. *Nobrow*. Культура маркетинга, маркетинг культуры : пер. с англ. М., 2005.

³ <http://ru.wikipedia.org/wiki/кидалт>

мация образа современного человека. Вместе с тем подобная трансформация не имеет отношения к портрету тех людей, которые создают новую культуру. Новая культура сформировалась столь стремительно, что клубы фанатов, образованные ими в детские годы, до сих пор с интересом наблюдают за увлечением профанами индустрией создания эрзацев их культуры. При этом *creative class*, не являющийся классом в понимании экономического материализма, далек от того, чтобы превращать благосостояние из средства жизни в ее цель. Данное отношение к деньгам, объединенное с крайней неторопливостью при образовании семьи, лишь на первый взгляд обладает признаками инфантильного поведения.

Создание способа перехода от сложившейся действительности к желаемой реальности требует совершения события-в-реальности. В этом событии происходит такая «сборка» всех компонент кода действительности, которая вызывает «переворот в символизме». Поэтому в центр исследовательского интереса (и следующей рубрики раздела) попадают трансляции компонент кода. На основе модели (см. рис. 2) ясно, что эти трансляции принадлежат блоку 3, связывающему этапы создания кода (блок 2) и создания оператора (блок 4). Благодаря этой же модели становится ясно и то, что коммуникативное пространство есть результат процессов трансляции информации.

3. Об условиях роста символов

Структура коммуникативного пространства создается иерархией каналов трансляции. Перечислим их в порядке значимости для совершения события-в-реальности: прагматического, синтаксического и семантического¹. Начало этапу трансляции дает создание кода,

---

¹ Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры. М., 2005. С. 218.

а его завершение состоит в создании оператора. Чтобы неким образом соединить уже рассмотренные модели (см. рис. 2, 3) и модель процессов трансляции (рис. 4), введем следующие обозначения.

Начальный этап на рис. 4 будет обозначен как *блок 2* по его ответственности нумерации стадий на рис. 2.

В модели представлена совокупность тех процессов, которые составляют этап трансляции информации в социокультурных системах. Иными словами, это процессы, раскрывающие содержание *блока 3* на рис. 2. На этом основании каждый из процессов нижним индексом нумерован цифрой 3. В каждом канале трансляции есть два режима – диахронический и синхронический. Принадлежность процесса к диахроническому режиму выражена римскими цифрами (*I, II, III*), а к синхроническому – арабскими цифрами (*1, 2, 3*).

Завершающий этап на рис. 4 совпадает с этим же этапом на рис. 2, что отмечено как *блок 4* – создание оператора, место совершения «переворота в символизме», могущего стать событием-в-реальности.

В диахронии кодированная информация (результат процесса *блока 2*) передается в память (*блок₃ I*), затем хранится в памяти (*блок₃ II*), после чего в результате избирательной рецепции из памяти (*блок₃ III*) может стать основанием для создания оператора (*блок 4*). Т.е. в диахронической трансляции существует некоторая остановка во времени передачи информации, в период которой информация хранится, а в результате этого хранения претерпевает определенные изменения в силу действия такого свойства информации, как брэнность¹. Это свойство возникает из-за трансформации материального носителя информации. В синхронии кодированная информация (результат процесса *блока 2*) передается непосредственно адресату (*блок₃ I*), затем адресатом декодируется (*блок₃ 2*), после чего становится источником избирательной рецепции (*блок₃ 3*), результат которой может быть воплощен в операторе.

---

¹ Корогодина В.И. Информация и феномен жизни. Пушкино, 1991.

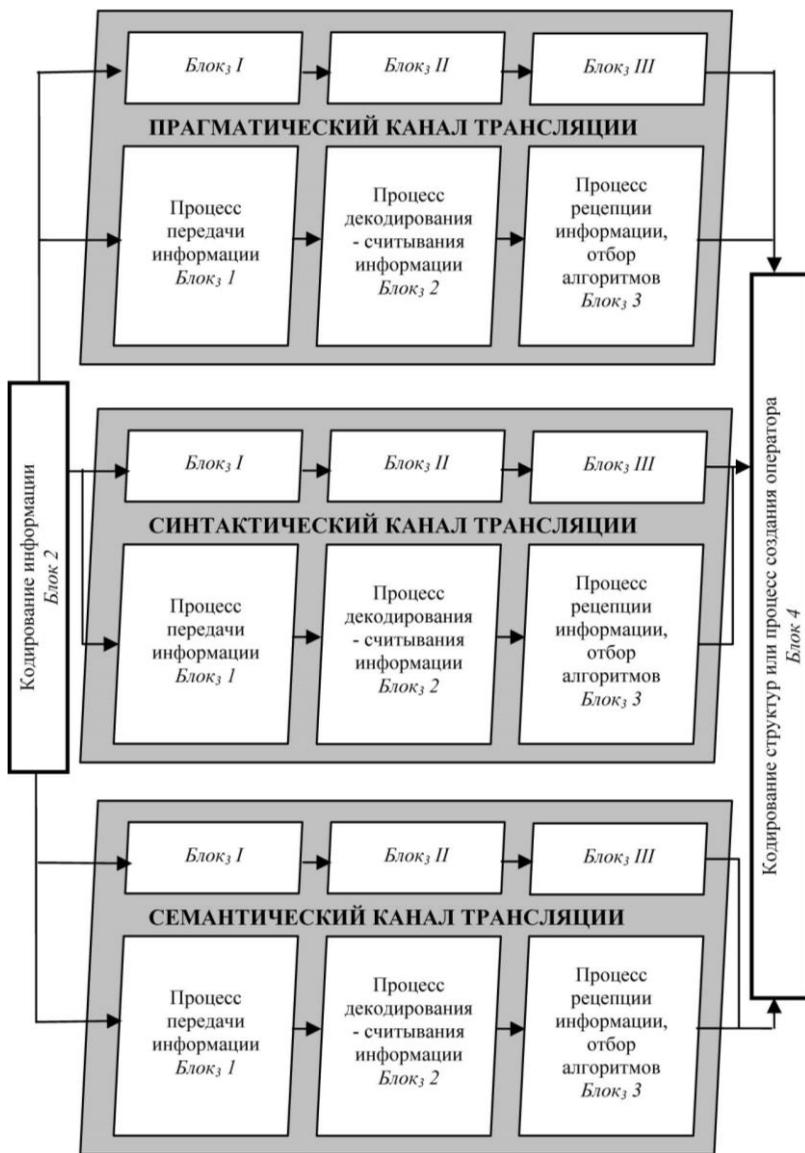

Рис. 4. Модель процессов трансляции информации

Действие диахронической трансляции было подробно рассмотрено в предыдущей рубрике¹. В синхронической трансляции остановка во времени не нужна по определению. В этом режиме трансляции с особенной ясностью демонстрируется специфика процесса: старт стадии зависит от финиша предшествующей стадии; происходящее на каждой стадии происходит только на этой стадии. Это относится ко всем известным видам процессов. У информационных процессов есть еще одна особенность: финиш выражен в форме знака. При этом, как уже упоминалось со ссылкой на утверждение У. Эко, процесс коммуникации есть процесс передачи информации. Происходящее в этом процесс трансляции измеряется количеством информации. Эта характеристика введена К. Шенноном в качестве вероятностной величины. Вместе с тем семиозис, согласно Ч.С. Пирсу, соответствует действию абдукции. Все здесь сказанное обобщено в табл. 2.

Таблица 2

**Корреспонденция трансформация знака
в семиозисе Ч. Пирса и стадий процессов трансляции**

Категории Трихотомия	Первичность (возможность)	Вторичность (существование)	Третичность (закон)
I. Знак как ре-презентамен (семантика)	Качественный знак	Единичный знак	Общий знак
II. Знак в отношении к объекту (синтактика)	Иконический знак	Индекс	Символ
III. Знак в отношении к интерпретанте (прагматика)	Рема	Суждение	Умозаключение

¹ Это следует из обращения к работе Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, т.е. к традиции, восходящей к Ф. де Соссюру.

Окончание табл. 2

Категории Трихотомия	Первичность (возможность)	Вторичность (существование)	Третичность (закон)
	Этапы коммуникативной модели Шеннона–Уивера		
	Кодирование и / или модуляция	«Перевод» с формата отпра- вителя на формат получателя	Искажение под формат «места назначения»
	Старты и финиши стадий информационного процесса (см. рис. 4)		
	Финиш стадии кодирования (блок 2) и старт стадии передачи информации (блок 1)	Старт и финиш стадии декодиро- вания / считыва- ния информации (блок 2)	Финиш стадии рецепции инфор- мации (блок 3) и старт стадии по- строения операто- ра (блок 4)

Первые четыре строки таблицы фактически повторяют таблицу, представленную в статье В. Нёта¹, а последние строки есть основание (модель Шеннона–Уивера) и следствие модели на рис. 4. Вступая на зыбкую почву аналогий, можно заключить, что выделенные Ч.С. Пирсом девять классов знаков являются результатами процессов, составляющих трансляцию информации в синхроническом режиме (см. рис. 4). А это значит, что появляется способ диагностики коммуникативных действий по признаку образования определенной формы знака. Помимо этого, открывается возможность понять условия, обеспечивающих рост символов.

Во-первых, к таким условиям относится когерентность в «переносе символического воздействия»². Когерентность есть необходимое условие самоорганизации сложных открытых систем. Следовательно, рост символов, т.е. позитивная семиотическая динамика, возможен в условиях повышения сложности

¹ Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3-4. С. 18.

² Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1999. С. 57.

культурного ландшафта и его открытости для внешнего воздействия. Когерентными должны быть трансформации знаков во всех трех каналах.

Во-вторых, условием является возможность событий: «переворотов в символизме». Это условие было обсуждено на примере модели (см. рис. 1) в качестве обстоятельств наступления второй бифуркации (B_2). Проще говоря, либо должна появиться новая идея, либо будет дана эффективная интерпретация действительности, которая станет прагматической компонентой «переворота в символизме». То и другое на просторах культурных ландшафтов всегда происходит случайно.

В-третьих, условия роста символов локализованы в зоне прямого действия вербальной, прогностической и критической функций (см. рис. 2, 3). Эта область формируется в ландшафте в процессах перехода от события-в-действительности к событию-в-реальности. Данное местоположение открывает потенциалы конструирования реальности. Однако сама эта идея конструирования, подобно бумерангу, возвращается. Траектории возвращения уже следуют по абрисам нормативной, компенсаторной и адаптивной функций. На этом аналогия с бумерангом заканчивается, поскольку, в отличие от оружия австралийских аборигенов, бумеранг конструирования возвращается в измененном виде – в иной знаковой форме, неся в себе иные интерпретанты, приобретенные в полете, и с непредсказуемой «добычей».

И последнее. Условия роста символов делают явной область пересечения нелинейной динамики и семиотики. Представленные рассуждения о возможностях навигации в этой области с помощью положений, полученных в разных направлениях теории информации, имеют простую основу. Ее составляет корреспонденция стадий информационного процесса и фаз самоорганизации. Такая корреспонденция обнаруживает принципиальную возможность для адаптации методов нелинейной динамики в гуманитарных исследованиях. В частности, для адаптации

понятия «фазовое пространство», в котором происходят пресловутые бифуркации и действуют аттракторы. Именно в этом пространстве можно точно найти способы управления будущим состоянием, заставить будущее «притягивать» настоящее, т.е. работать на него. Такое фазовое пространство есть пространство состояний форм знаков, а управляющим параметром является скорость трансформации знака в условиях когерентности каналов трансляции. Этот вывод открывает путь к решению проблемы измерения в гуманитарных исследованиях, открывает путь к фундаментальной семиотике.

ЛИТЕРАТУРА

Ардашкин И.Б. К вопросу о визуализации знания и информации: роль смарт-технологий // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 12–48.

Арно А., Николь П. Логика или искусство мыслить. М. : Наука, 1991. 415 с.

Базарова Э.Л., Бицадзе Н.В., Окороков А.В., Селезнева Е.Н., Черносвитов П.Ю. Культура русских поморов: опыт системного исследования / под общ. ред. П.Ю. Черносвитова. М. : Научный мир, 2005. 400 с.

Барбери М. Лакомство. М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2006. 154 с.

Баталов Э.Я. Политическая утопия XX века: вопросы теории и истории : автореферат дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Моск. техн. ун-т им. Н.Э. Баумана. М., 1996. 56 с.

Бахтин М. Слово в романе // Бахтин М.М. Собрание сочинений. М. : Языки славянских культур, 2012. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). С. 9–179.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики : сб. М. : Худож. лит, 1975. С. 234–407

Бейкер Г.П., Хакер П.М.С. Скептицизм, правила и язык. М. : Канон+, 2008. 240 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика М. : Прогресс, 1974. 448 с.

Борисов Е.В. Основные черты постметафизической онтологии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 120 с.

Борисов Е.В. Почему десигнация не может быть слишком жесткой // Именование, необходимость и современная философия : коллективная науч. монография : к 40-летию выхода в свет работы

Сола Аарона Крипке «Тождество и необходимость» / отв. ред. В.В. Горбатов. СПб. : Алетейя, 2011. С. 11–27.

Борисов Е.В. Проблема Крипке и ее прямое решение // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 4 (12). 2010. С. 5–14.

Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в пост-метафизической онтологии. Вильнюс : Европейский гуманитар. ун-т, 2008. С. 84–143.

Борисов Е.В., Ладов В.А., Суровцев В.А. Язык. Сознание. Мир : очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. Вильнюс : Европейский гуманитар. ун-т, 2010. 156 с. (Элементы практической философии).

Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М. : Прогресс-Традиция. 2009. 269 с.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М. : Прогресс, 1988. 462 с.

Гилберт Э. Есть, молиться, любить. М. : Рипол Классик, 2013. 640 с.

Горан В.П. Дуалистический фундамент онтологии и тенденции иррационализма в философии Аристотеля: (1) Понятие материи // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2011. Т. 9, вып. 2. С. 117–124.

Горбулёва М.С. Оружие символа и символ оружия // Высшее образование в России. 2009. № 10. С. 112–115.

Горбулёва М.С. Феномен памяти и его роль в маргинальных субкультурах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 11. С. 188–193.

Горбулёва М.С. Memory-turn и биоэтическое содержание символики современной культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 157–164.

Гофман И. Анализ фреймов. М. : Ин-т социологии РАН, 2004. 752 с.

Гуссерль Э. Логические исследования Т. 1 // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск : Сагуна, 1994. 357 с.

Диппер Е., Седов А. Теория Большого взрыва : гид по сериалу по версии Kurgaj-Bambeu. М. : Эксмо, 2012. 286 с. (ВИП-персоны. Фильмы и сериалы)

Доксиadis А. Дядя Петрос и проблема Гольдбаха. М. : АСТ, 2002. 204 с. (Мастера. Современная проза).

Жукова Е.А., Мелик-Гайказян И.В. Философские проблемы технологий и феномен Hi-Tech // Философия математики и технических наук. М. : Академический проект, 2006. С. 557–586.

Иванова О.А. Сложение // Математическая энциклопедия : в 5т. / гл. ред. И.М. Виноградов. М. : Сов. энцикл., 1984. Т. 4: Ок–Сло. Ст. 1212.

Кант И. К вечному миру. М. : Московский рабочий, 1989. 78 с.

Кастлер Г. Возникновение биологической организации. М. : Мир, 1967. 90 с.

Корогодин В.И. Информация и феномен жизни. Пущино : [б. и.], 1991. 202 с.

Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева ; под общ. ред. В.А. Суровцева. М. : Канон+, 2010. 255 с. (Б-ка аналитической философии).

Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Радуга, 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). С. 340–376.

Куайн У.В.О. Слово и объект. М. : Логос ; Праксис, 2000. 386 с.

Куренной В. Комментарии и примечания // Райнах А. Собрание сочинений. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 415–478.

Ладов В.А. Семантика и онтология: проблема реальности в аналитической философии : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 134 с.

Лотман М.Ю., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1993. Т. 3. С. 326–344.

Математика. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. Ю.В. Прохоров. 3-е изд. М. : Большая Рос. энцикл., 2000. 848 с. (Большие энциклопедические словари).

Мелик-Гайказян И.В. Вавилонская башня – метафора о «семиотическом аттракторе» динамики Hi-Tech // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 1. С. 92–103.

Мелик-Гайказян И. В. Информационные процессы и реальность. М. : Наука. Физматлит, 1998. 192 с.

Мелик-Гайказян И.В. Информация и самоорганизация : (методологический анализ). Томск : Изд-во ТПУ, 1995. 179 с.

Мелик-Гайказян И.В. Ошибки трактовки концепта «событие» в педагогических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 65–74.

Мелик-Гайказян И.В. Роль мадам Лавуазье в истории науки и проблема измерения // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки (философия и культурология). 2008. Вып. 1 (75). С. 68–69.

Мелик-Гайказян И.В., Роготнева Е.Н. Аксиология моделирования образовательных систем. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 187 с.

Мещерякова Т.В. Биоэтика как форма защиты индивидуальности в современной культуре // Высшее образование в России. 2009. № 10. С. 94–99.

Мионов В.В. Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–43.

Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / И.В. Мелик-Гайказян [и др.]; под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М. : Научный мир, 2005. 256 с.

Моррис Ч.У. Знаки и действия // Семиотика: антология. М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. С. 129–143.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: антология. М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. С. 45–97.

Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3-4. С. 5–32

Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 216 с.

Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. XVII. С. 22–130.

Патнем Х. Разум, истина и история. М. : Праксис, 2002. 294 с.

Пирс Ч.С. Что такое знак? (пер. А.А. Аргаматовой под ред. Е.В. Борисова) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3. С. 88–95.

Пригожин И.Р., Стенгерс И. Время, хаос, квант : к решению парадокса времени. М. : Прогресс, 1994. 266 с. (Библиотека журнала «Путь»).

Райнах А. Априорные основания гражданского права // Райнах А. Собрание сочинений. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 153–326.

Райнах А. К вопросу о теории негативного суждения // Райнах А. Собрание сочинений. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 95–152.

Райнах А. Кантово понимание проблемы Юма // Райнах А. Собрание сочинений. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 43–75.

Рассел Б. Введение в математическую философию. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2007. 264 с.

Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М. : Аграф, 1997. 384 с.

Сибрук Д. Nobrow. Культура маркетинга, маркетинг культуры. М. : Ад Маргинем, 2005. 240 с.

- Сингх С. Великая теорема Ферма. М. : МЦНМО, 2000. 288 с.
- Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М. : Высш. школа, 1992. 192 с.
- Суровцев В.А. Автономия логики: источники, система и генезис философии раннего Витгенштейна. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 308 с.
- Суровцев В.А. О методах аналитической философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России : тез. пленарных докладов и секционных выступлений всерос. науч. конф. с междунар. участием (29–31 мая 2012 г., С.-Петербург). СПб. : Изд-во филос. ф-та СПбГУ, 2012. С. 74–80.
- Суровцев В.А., Ладов В.А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 136 с.
- Тухватулина Л.Р. Принципы классификации моделей коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 7. С. 49–53.
- Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск : Водолей, 1999. 63 с.
- Уайтхед А.Н. Процесс и реальность // Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. С. 272–303.
- Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2007. 424 с. (Классика – XXI).
- Фоллесдал Д. Введение в феноменологию для философов-аналитиков // Логика, онтология, язык. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 158–173. (Библиотека аналитической философии).
- Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1975. Вып. VII: Социолингвистика. С. 42–95.
- Холт Дж. Так чья же все-таки идея? // Философия науки. 2004. № 2. С. 117–118.
- Чернавский Д.С. Синергетика и информация. М. : Знание, 1990. 46 с. (Новое в жизни, науке, технике. Математика, кибернетика; 5/1990).

Эгген Т. Декоратор. Книга вещиности. СПб. : Амфора, 2004. 510 с. (Читать модно).

Эко У. Открытое произведение : форма и неопределенность в современной поэтике. СПб. : Академический проект, 2004. 382 с.

Amaral F.S. Definite Descriptions Are Ambiguous // *Analysis*. 2008. Vol. 68, № 4. P. 288–297.

Appadurai A. Topographies of the Self: Praise and Emotion in Hindu India // *Language and the Politics of Emotion*. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. P. 92–112.

Ayer A.J. Can there be a Private Language? // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1954. Supp. Vol. 28. P. 63–76.

Baker G.P., Hacker P.M.S. Malcolm on Language and Rules // Hacker P.M.S. Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford : Clarendon Press, 2001. P. 310–323.

Baker G.P., Hacker P.M.S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity. Oxford : Blackwell, 1985. Vol. 2 of an Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. 368 p.

Bell A. Language style as audience design // *Language in Society*. 1984. Vol. 13. P. 145–204.

Bell A. Style in dialogue: Bakhtin and sociolinguistic theory // *Sociolinguistic variation: Theories, Methods, and Applications*. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 90–109.

Ben-Menahem Y. Explanation and Description: Wittgenstein on Convention // *Synthese*. 1998. Vol. 115. P. 99–130.

Blackburn S. The Individual Strikes Back // *Synthese*. 1984. Vol. 58. P. 281–301.

Boghossian P.A. The Rule-Following Considerations // *Mind*. 1989. Vol. XCVIII, № 392. P. 507–549.

Borisov E. How Do We Use Definite Descriptions to Express Singular Propositions? // *Problemos*. 2014. № 85. P. 130–140.

Bourdieu P. Language and Symbolic Power / ed. by J.B. Thompson. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1991. IX, 302 p.

Capuano A. From Having in Mind to Direct Reference // Reference and Referring / W.P. Kabasenche, M. O'Rourke, M.H. Slater (eds.). Cambridge ; London: MIT, 2012. P. 189–208.

Donnellan K.S. Putting Humpty Dumpty Together Again // The Philosophical Review. 1968. Vol. 77, № 2. P. 203–215.

Donnellan K.S. Reference and Definite Descriptions // The Philosophical Review. 1966. Vol. 75, № 3. P. 281–304.

Dummett M. The Logical Basis of Metaphysics. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1991. XI, 355 p. (William James lectures, 1976).

Dummett M. Truth and Other Enigmas. London : Routledge, 1978. 470 p.

Gal S. Language Shift: Social Determinants of Linguistic Change in Bilingual Austria. New York : New York Academic Press, 1979. xii, 201 p.

Goffman E. Forms of Talk. Philadelphia, PA : University of Pennsylvania Press ; Oxford : Blackwell, 1981. 335 p.

Gumperz J. Discourse strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 240 p.

Hacker P.M.S. Wittgenstein: Meaning and Mind. Oxford : Blackwell, 1993. Vol. 3 of an Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Part I: Essays. xxii, 575 p.

Hanks W.F. Exorcism and the description of participant roles // Natural Histories of Discourse. Chicago, IL : The University of Chicago, 1996. P. 131–159.

Harrington J. «The Commonwealth of Oceana» and «A System of Politics» / ed. by J.G.A. Pocock. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 326 p.

Horwich P. Meaning. Oxford : Oxford University Press, 1998. 241 p.

Irvine J. Shadow conversations: The indeterminacy of participant roles // Natural Histories of Discourse. Chicago, IL : The University of Chicago, 1996. P. 131–159.

Kaplan D. Demonstratives. An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals // Themes from Kaplan / J. Almog, J. Perry, H. Wettstein (eds.). Oxford : Oxford University Press, 1989. P. 481–563.

Kripke S. Naming and Necessity. Oxford : Blackwell, 1980. 172 p.

Kripke S. Speaker's Reference and Semantic Reference // Midwest Studies in Philosophy. 1977. Vol. II. P. 255–276.

Kush M. A Sceptical Guide to Meaning and Rule: Defending Kripke's Wittgenstein. Montreal : McGill-Queen's University Press, 2006. 320 p.

Levinson S.C. Putting linguistics on a proper footing: Explorations in Goffman's concepts of participation // Goffman E. Exploring the Interaction Order. Boston, MA : Northeastern University Press, 1988. P. 161–227.

Linsky L. Reference and Referents // Philosophy and Ordinary Language / Ch.E. Caton (ed.). Urbana ; Chicago ; London, 1963. P. 74–89.

Malcolm N. Wittgenstein on Language and Rules // Philosophy. 1989. Vol. 64. P. 5–28.

Marti G. Direct Reference and Definite Descriptions // Dialectica. 2008. Vol. 62, № 1. P. 43–57.

Marti G. The Essence of Genuine Reference // Journal of Philosophical Logic. 1995. Vol. 24, № 3. P. 275–289.

Mulligan K. Promisings and other Social Acts: Their Constituents and Structure // Speech Acts and Sachverhalt. Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology. Doerdrecht : Martinus Nijhoff Publishers, 1987. P. 29–90.

Pettit P. The Reality of Rule-following // Mind. 1990. Vol. XCIX, № 393. P. 1–21.

Pomeranz A. Compliment Responses: Notes on the Cooperation of Multiple Constraints // Studies in the Organization of Conversational Interaction. New York : New York Academic Press, 1978. P. 79–112.

Putnam H. On Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // Proceedings of Aristotelian Society. 1996. Supp. Vol. 70. P. 243–264.

Ramachandran M. Descriptions and Presuppositions: Strawson vs Russell // South African Journal of Philosophy. 2008. Vol. 27, № 3. P. 64–79.

Rhees R. Can there be a Private Language? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1954. Supp. Vol. 28. P. 77–94.

Rosaldo M.Z. The Things We Do With Words: Ilongot Speech Acts and Speech Act Theory in Philosophy // Language in Society. 1982. № 11. P. 203–237.

Russell B. My Philosophical Development. New York : Simon and Schuster, 1959. 279 с.

Russell B. On Denoting // Mind. New Series. 1905. Vol. 14, № 56. P. 479–493.

Schegloff E.A. Identification and Recognition in Telephone Openings // Everyday Language. New York : Lawrence Erlbaum, 1979. P. 23–78.

Searle J.R. Speech Acts: An Essay in Philosophy of Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1969. 204 с.

Searle J., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. XI, 228 p.

Smith B. Austrian Philosophy : the Legacy of Franz Brentano. Chicago ; La Salle, IL : Court Publishing Company, 1994. URL: http://ontology.buffalo.edu/smith/book/austrian_philosophy/

Smith B. An essay on material necessity // Canadian Journal of Philosophy. 1992. Supp. 18. P. 301–322.

Strawson P.F. On Referring // Mind. New Series. 1950. Vol. 59, № 235. P. 320–344.

Wettstein H.K. Demonstrative Reference and Definite Descriptions // Philosophical Studies : an International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition. 1981. Vol. 40, № 2. P. 241–257.

Wettstein H.K. The Semantic Significance of the Referential-Attributive Distinction // Philosophical Studies : an International Jour-

nal for Philosophy in the Analytic Tradition. 1983. Vol. 44, № 2. P. 187–196.

Whitehead A.N. Process and Reality. New York : The Macmillan Company, 1929. xii, 547 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Е.В. Борисов)	3
1. Семантика естественного языка в аналитической философии.....	6
1.1. Жесткие десигнаторы и проблема следования правилу (В.А. Суровцев)	6
1.2. Необходимое <i>a posteriori</i> , контрфактические фантазии и формы эссенциализма (В.А. Суровцев)	17
1.3. Проблема референциального употребления сингулярных терминов в аналитической философии (Е.В. Борисов)	28
2. Проблема индивидуального языка.....	40
2.1. Проблема следования правилу: в поисках прямого решения (В.А. Ладов)	40
2.2. Обозначает ли слово «ощущение» ощущение? (В.А. Ладов)	64
3. Прагматический аспект языка.....	86
3.1. Теория речевых актов в феноменологии и аналитической философии: опыт сравнительного анализа (Р.А. Юрьев)	86
3.2. Теория речевых актов в критическом зеркале лингвистической антропологии и социолингвистики (Е.А. Найман).....	102
3.3. Проблема участников речевого события в современной прагматике (Е.А. Найман)	120
4. Проблемы семиотики	134
4.1. Ландшафты, на которых растут символы (взгляд натуралиста) (И.В. Мелик-Гайказян)	134
Литература	187

Научное издание

БОРИСОВ Евгений Васильевич, ЛАДОВ Всеволод Адольфович,
МЕЛИК-ГАЙКАЗЯН Ирина Вигеновна, НАЙМАН Евгений Артурович,
СУРОВЦЕВ Валерий Александрович, ЮРЬЕВ Роман Александрович

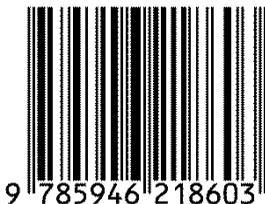
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 15.11.2019 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 12,5. Усл. печ. л 11,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 4098.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-860-3

9 785946 218603